

4100
Г-937
100
81 63-4
Г-937
1008631

Ж. М. ГУЗБЕВ

ПРОБЛЕМАТИКА
СЛОВНИКА
ТОЛКОВЫХ
СЛОВАРЕЙ
ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКОВ

НАДЪЧЕК-1984

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КБАССР

Ж. М. ГУЗЕЕВ

ПРОБЛЕМАТИКА
СЛОВНИКА
ТОЛКОВЫХ
СЛОВАРЕЙ
ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКОВ

100863A

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК · 1984

Кабардино-Балкарский Гос. университетская научная
библиотека им. М. М. Назурской
г. Нальчик, ул. Пушкина, 42

Печатается по постановлению Ученого совета Кабардино-Балкарского
ордена «Знак Почета» института истории, филологии и экономики
при Совете Министров КБАССР от 13 октября 1983 г.

81.63-4

Г934

Ответственный редактор,
доктор филологических наук
А. А. Юлдашев

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

сектор языка Института языка,
литературы и истории
Казанского филиала АН СССР;

кафедра балкарского языка
и литературы Кабардино-
Балкарского государственного университета

Г 4602000000-026 91-84
М 125(03)-84

© Кабардино-Балкарский ордена «Знак Почета» институт истории,
филологии и экономики при Совете Министров КБАССР, 1984.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Толковые словари тюркских языков имеют почти 90-летнюю историю. Так, например, первый толковый словарь татарского языка (он является и первым толковым словарем тюркских языков) под названием «Ләһжәи татари» («Толковый словарь татарского языка»), составленный К. Насыри, издан в двух томах (Казань, т. I—1895, т. II—1896). Спустя три с лишним десятилетия появились две части I тома «Полного словаря татарского языка» Д. Валиди (Казань, ч. I—1927, ч. II—1929). Хотя они и не лишены определенных недостатков, в истории тюркской толковой лексикографии эти словари занимают видное место.

Составлением толковых словарей тюркских языков с учетом последних достижений лексикографии лингвисты стали заниматься лишь начиная со второй половины XX в. К настоящему времени изданы уже толковые словари казахского (ТСКЯ², т. I—II, 1959—1961), туркменского (СТЯ, 1962), киргизского (ТСКЯ¹, 1969), татарского (ГСТЯ, т. I—III, 1977—1981) и узбекского (ТСУЯ, т. I—II, 1981) языков, вышли в свет два тома толкового словаря азербайджанского языка (ТСАЯ, т. I—1966, т. II—1980) в четырех томах, семь томов нового толкового словаря казахского языка (т. I—1974, т. II—1976, т. III—1978, т. IV—1979, т. V—1980, т. VI—1982, т. VII—1983) в десяти томах, завершается составление толковых словарей башкирского и карачаево-балкарского языков в трех томах.

В результате всего этого накоплен немалый опыт по созданию толковых словарей тюркских языков. Тем не менее многие вопросы составления таких словарей пока еще решаются неудовлетворительно. Как показывает изучение названных выше и других словарей тюркских языков, к последним можно отнести и вопрос об их словнике. Составлению словника толкового словаря должно быть уделено самое серьезное внимание, так как от его качества в значительной степени зависит качество всего словаря. Однако одни аспекты этого вопроса не только не решены, но и не ставились, а другие были и по сей день продолжают оставаться спорными. Это отрицательно сказывается на практике составления толковых словарей. Так, например, в отборе тех или иных групп лексики, а также фразеологии наблюдается разницей не только между разными словарями, но и в пределах одного и того же словаря. Зачастую не разграничиваются разные в стилистическом отношении лексические единицы, а также словосочетания различной устойчивости, просторечные и нейтральные, грубо просторечные и разговорные, специальные и нейтральные слова, словарная и несловарная формы слов, фонеморфологические и орфографические варианты слов, фразеологические единицы (ФЕ) и свободные сочетания слов, фразеологические синонимы и варианты ФЕ и др.

Некоторые лексикографы слишком широко понимают границы словника толкового словаря и включают в него не только слова и фразеологизмы, но и инициальные аббревиатуры, нелексистализованные производные и грамматические формы слов и даже морфемы, фонемы, пословицы и поговорки.

Это отчасти объясняется недостаточной изученностью многих проб-

лем лексики тюркских языков, а также подражанием составителей толковых словарей этих языков старым толковым словарям русского языка.

Вопрос отбора слов и ФЕ в толковые словари не только тюркских, но и других языков осложняется еще и тем, что до сих пор нет обобщающих исследований, посвященных данной проблеме, как в тюркской, так и в общей лексикографии. Имеющиеся работы касаются лишь отдельных вопросов словника толкового словаря того или иного языка.

Изложенные факты обусловили появление данного исследования, в котором рассматриваются основные вопросы словника толковых словарей тюркских языков, в частности принципы отбора: 1) ненормативной лексики (диалектизм, историзм, архаизм, просторечных и окказиональных слов и заимствованной терминологии, не вошедшей в литературную норму); 2) вариантов слов; 3) производных лексем; 4) фразеологии, а также отношение словника толкового словаря к литературной норме.

Наша задача — изложить теоретическую сторону этих вопросов и, критически оценивая имеющиеся по ним решения, предложить свои, которые, как нам представляется, соответствуют современному состоянию лингвистики.

Материальной основой предлагаемой работы послужили толковые и отчасти переводные словари современных тюркских языков, язык художественной литературы и разговорный, а теоретической — исследование по лексике и лексикографии русского и тюркских языков таких ученых, как Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, С. И. Ожегов, М. Н. Шанский, Ф. П. Филин, О. С. Ахманова, С. К. Кенесбаев, А. А. Оруджев, А. А. Юлдашев, Ш. Рахматуллаев, С. Н. Муратов, Г. Х. Ахунзянов, Г. А. Байрамов, А. М. Бабкин, Ф. П. Сороколетов, В. П. Берков, К. С. Горбачевич, Л. К. Граудина, З. Г. Ураксин, С. Т. Наурузбаева и др.

Поскольку данная монография является первой попыткой теоретического обобщения опыта составления словника толковых словарей современных тюркских языков, она не претендует на полноту освещения всех проблем словника.

В кассе букв типографии, где эта книга набрана, отсутствуют специфические буквы других тюркских языков. В связи с этим мы были вынуждены заменять их соответствующими буквами карачаево-балкарского алфавита.

Автор выражает свою искреннюю признательность сотрудникам сектора языка Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, членам кафедры балкарского языка и литературы Кабардино-Балкарского госуниверситета и товарищам по работе, прочитавшим данную работу в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний по ее содержанию. Он приносит особую благодарность доктору филологических наук А. А. Юлдашеву, чьи советы помогли уточнить некоторые вопросы данного исследования.

СЛОВНИК ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЕ

Словарь литературного языка, с одной стороны, должен ставить перед собой задачу научного описания словоупотребления данного языка в данный период, с другой — служить самым авторитетным законодателем норм словоупотребления. «Современные академические словари — это капитальные пособия нормативного типа, органически включающие в себя понятие «норма литературного языка» (Горбачевич, 1978а, 38). Поэтому составление таких словарей немыслимо без общих принципов нормативной оценки.

В исследованиях, посвященных нормам литературного языка, выделяются следующие признаки нормативности: 1) устойчивость, стабильность языкового факта; 2) его распространенность; 3) его соответствие закономерностям и тенденциям языка, т. е. наличие в языке аналогичных явлений; 4) принцип целесообразности и 5) авторитет источника. По мнению многих исследователей, «каждый из этих признаков в отдельности не является «безотказным» и объективный критерий разграничения нормативного и ненормативного создается применением их всех вместе (т. е. так, чтобы они дополняли друг друга)» (Берков, 1973, 49), а это противоречит правилу деления объема понятий, согласно которому это деление должно производиться по одному и тому же основанию (Петрищева, 1967, 35—36).

Если учесть тот неоспоримый факт, что нормы литературного языка не есть нечто готовое, существующее вечно, что они, хотя и медленно, все же изменяются и что их изменения функционально оправданы, то следует признать, что критерий устойчивости нельзя считать надежным.

Известно, что распространенной, массовой может быть и ошибка. Поэтому критерий распространенности также не может быть, как утверждают многие языковеды (Ицкович, 1968, 42; Граудина, 1966, 75), решающим, хотя количественные показатели весьма существенны при анализе словоупотребления и нормативной оценке.

Большинство лингвистов понимает недопустимость абсолютизации нормы, распространения ее на все аналогичные явления (Веселитский, 1965, 80; Петрищева, 1967, 35; Леонтьев, 1967, 12—13). Например, в карачаево-балкарском языке нормативной считается форма понудительного залога с аффиксом **-гъуз** (*тургъуз* «поставить, заставить встать; поднять, разбудить», *киргиз* «внести, ввести; заставить войти, въехать»), а форма на **-дур** (*турдур*, *кирдир*) — нелитературной. Между тем образование понудительного залога глагола при помощи аффикса **-дур** [-дыр, -дир, -дюр, -тир, -тур, -тюр] является закономерным.

Принцип целесообразности рассматривается по-разному: 1) целесообразность, эффективность той или иной языковой формы для понимания высказывания вообще (Скворцов, 1970); 2) пригодность, оправданность этой формы в данной, конкретной речевой ситуации (Горбачевич, 1978б, 47; Костомаров, Леонтьев, 1966, 8; Костомаров, Леонтьев, Шварцкопф, 1974).

Следует отметить, что в принцип целесообразности нормы, как отмечает К. С. Горбачевич, помимо формально полезных свойств языковых единиц (облегчение произношения, устранение грамматической омонимии и т. п.), входят также культурно-историческое содержание и эстетическая значимость данного способа выражения (1978б, 36). Это заставляет лексикографов-нормализаторов при характеристике сосуществующих вариантов отдавать предпочтение традиционным вариантам, так как «в настоящее время, — по словам Ф. П. Филина, — нам больше грозит не «гипертрофия оглядки назад», а легкомысленное отношение к литературно-языковым традициям и языковой преемственности» (1968, 286).

Авторитет источника как критерий нормы, выдвинутый Е. С. Истриной (1948, 19), принимается подавляющим большинством современных исследователей. Ориентация на имеющиеся в картотеке образцы словоупотребления — главная методика современной лексикографии. Однако и у авторитетных писателей бывают и сознательные отклонения от нормы, и неудачные новообразования, и даже прямые ошибки. Так, например, у известной балкарской писательницы Миналдан Шаваевой в авторской речи вместо литературно устойчивого сочетания *ёнюм* (-юнг, -ю) *къарыкъды* «терять голос, садиться (о голосе)» очень часто встречается форма *ёнюм* (-юнг, -ю) *къарылды* (букв. *ён* «голос», *къарыл* «подавиться»). У другого известного писателя — Алима Теппеева вместо общеупотребительного

слова *сууцап* «напиток (безалкогольный)» наблюдается усеченная форма *сап*.

Авторитет источника, таким образом, может оказать и плохую услугу нормализации языка. «Часто речевые ошибки, неточности,— замечает Д. Н. Шмелев,— берутся под защиту со ссылками на живую общенародную речь и образцы лучших произведений литературы» (1962, 431).

Лингвисты давно заметили отсутствие тождества между литературным языком и языком художественной литературы. Язык художественной литературы выходит за пределы собственно литературного языка (Виноградов, 1955, 15; Балли, 1961, 219; Кожинов, 1964, 264). В целях реалистического изображения жизни писатели включают в свои произведения нелитературные слова и выражения, допускают мотивированные отступления от норм литературного языка. «Индивидуально-авторские новообразования рассчитаны на эмоционально-стилистический эффект и порой представляют собой ценную художественную находку, но они не могут служить материалом для нормативной лексикографии» (Горбачевич, 1978а, 43). Однако некоторые тюркские лексикографы такие новообразования считают общеупотребительными словами и включают в тюркско-русские и тюркские толковые словари. (Этот вопрос ниже рассматривается специально).

Из сказанного следует, что не всякое слово, встречающееся в художественной литературе (даже в авторской речи), заслуживает включения в общефилологический, нормативный словарь. Поэтому отбор каждой лексической единицы для такого словаря требует критического отношения к текстам. «Надо отвергать для словаря тексты, не выдерживающие реальной или филологической критики» (Бабкин, 1977, 9), какому бы авторитету они ни принадлежали.

При нормализации литературного языка решающая роль безусловно принадлежит художественной литературе. Но в то же время нельзя игнорировать значение и других форм письменной речи: научно-технической, официально-деловой, публицистической. Следует помнить и то, что письменная речь не отгорожена китайской стеной от устной (разговорной). Разговорная речь имеет существенную специфику (Рус. разг. речь, 1973; Сиротинина, 1974) и продолжает заметно воздействовать на письменную разновидность языка, однако «эти отличия не выходят за пределы единой литературной нормы, образуя лишь ее варианты» (Горбачевич, 1978в, 39). Для установления усредненного

языкового стандарта недостаточность ориентации только на извлечение из «образцовой» художественной литературы объясняется тем, что «правила употребления слов выводятся из всей совокупности читаемого в данном коллективе материала, т. е. из всей актуальной литературы» (Щерба, 1957, 132).

Если то, что разговорная речь является одним из вариантов литературного языка, можно считать уже установленным, то отношение просторечия к литературной норме установлено не до конца. Одни исследователи отождествляют просторечие с разговорной речью, другие, наоборот, вообще выводят его за пределы литературного языка и относят к диалектизмам. В современных исследованиях (Скляревская, 1973; Филин, 1974, 19 и др.) справедливо указывается на двойственную роль просторечия: литературное просторечие и внелитературное просторечие. (Подробное изложение вопроса см. ниже).

Таким образом, при оценке нормативности той или иной лексической единицы лексикограф должен опираться на неперемutable наличие у нее трех основных признаков: 1) регулярную употребляемость (воспроизводимость) данного способа выражения; 2) соответствие этого способа выражения нормам литературного языка и принципу целесообразности в его общезыковом, а не ситуативно-речевом понимании; 3) общественное одобрение регулярно воспроизводимого способа выражения (Горбачевич, 1978а, 39; 1978б, 37; 1978в, 49); причем роль судьи в этом случае обычно выпадает на долю писателей, ученых, журналистов и т. п. (Поливанов, 1968, 86—89; Пауль, 1960, 475, 476; Косериу, 1963, 198; Горбачевич, 1978а, 38).

Установка на нормативность словаря вызывает у лексикографов известные опасения. Так, например, одни из них опасаются, не приведет ли соблюдение принципа нормативности к обеднению состава словаря, другие полагают, что в этот словарь «не должно включаться все, что не является вполне нормальным и ограничено в своем употреблении» (Сорокин, 1967, 28). Исходя из нормативных задач толковых словарей современных литературных тюркских языков нельзя допустить неограниченный доступ в них всей ненормативной лексики, даже широко представленной в различных сферах словоупотребления. Вместе с тем принцип нормативности в отборе лексики для того или иного толкового словаря не означает, что надо отсеять все, что не укладывается в строгие рамки системы современного словаря. Нормативный словарь призван показать

прежде всего современные нормы словоупотребления. Однако в нем определенное место должна занять четко охарактеризованная ненормативная лексика, отграниченная от литературного словаря. Поскольку составители толковых словарей, как правило, стремятся к тому, чтобы словарь включал в себя наиболее употребительные в языке слова, то они должны будут внести в него определенную часть ненормативной лексики, так как многие диалектизмы, историзмы, архаизмы, просторечия и т. п. «широко употребительны в языке и безусловно понятны всем его носителям» (Берков, 1973, 48).

Л. В. Щерба указывал, что нормативный словарь, который прежде всего призван показать действующие нормы словоупотребления, вместе с тем должен быть и словарем, показывающим многообразие лексической системы, должен определить разную степень употребительности отдельных лексем. Он должен быть не только нормативным, но и стилистическим, т. е. нормативно-стилистическим словарем (Щерба, 1958, 55). По мысли Л. В. Щербы, в нормативном словаре мог бы быть очень полезен «отрицательный языковой материал, искусно подобранный и снабженный соответствующим знаком» (1940, 105—106). Эта мысль обобщена в исследованиях других лингвистов. Так, например, П. Ф. Филин пишет: «Нормативный словарь — это не только словарь правильностей, но и словарь неправильностей речи. Обязательна только детальная, обстоятельная оценочная характеристика неправильностей, которая могла бы избегать ошибок в употреблении слов» (1963, 189). По мнению же Ю. С. Сорокина, «...нормативно-стилистический словарь... должен заключать в себе и факты, типичные с точки зрения общей нормы, и возможные отклонения от нее, и колебания ее, факты более редкие, факты, действующие в широкой языковой сфере, и более специфические, употребление которых имеет место лишь в одной из сфер при определенных особых условиях. В то же время интерпретация всех этих фактов должна соответствовать современной норме, условия их употребления должны быть соответствующим образом нормативно и стилистически оценены» (1967, 28).

Таким образом, в толковые словари современных тюркских языков наравне с нормативной лексикой следует включать и определенную часть ненормативной лексики, которая, однако, обязательно должна быть квалифицирована с точки зрения своей ненормативности и степени допустимости в зависимости от условий своего применения.

НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА

Диалектизмы

Решение вопроса о включении или невключении того или иного диалектизма в словник толкового словаря любого тюркского языка во многом зависит от правильного разграничения диалектизмов от регионализмов, просторечных и разговорных слов, а также от определения типов диалектизмов. Дело в том, что в толковых словарях некоторых тюркских языков указанное разграничение не проводится и в словник включаются диалектизмы не только этнографические, собственно лексические и лексико-семантические, но и фонетические, лексико-фонетические и лексико-словообразовательные.

В лингвистической литературе часто встречается выражение «диалектизмы, употребляемые в общенародном языке», т. е. под диалектизмом здесь понимается слово, вошедшее в литературный язык из диалекта. Например, слова *шёндю* «сейчас, в настоящее время», *юлкю* «куст» до конца 50-х годов употреблялись только в ц-диалекте карачаево-балкарского языка, с начала же 60-х годов они стали употребляться и в ч-диалекте этого языка, затем, часто появляясь в периодической печати и художественной литературе, прочно вошли в литературный язык. Следовательно, в современном карачаево-балкарском языке эти слова ныне принадлежат уже к общеупотребительной, активной лексике.

Диалектизмы не следует смешивать с регионализмами, т. е. со словами, которые, будучи в сущности литературными, однако, ограничены в употреблении определенной географической областью. Примерами регионализмов являются такие карачаево-балкарские слова, как *ауана* (балк.) / *кёлекке* (кар.) «тень», *хораз*, *адакъа* (балк.) / *гугурук* (кар.) «петух», *юзмелт* (балк.) / *билезик* (кар.) «клок чесаной шерсти», *элхууур* (балк.) / *ахуюл* (кар.) «шуга, ле-доход» и др. Регионализмы бывают лексические [напр., кар.-балк. *юфкюр* (балк.) / *юр* (кар.) «дуть (на что или во что-либо)», *гебенек* (балк.) / *гёбелекке* (кар.) «мотылек»] и лексико-фонетические [напр., кар.-балк. *чалгъы*

(балк.) / *чалкъы* (кар.) «коса (с.-х. орудие)», *биз* (балк.) / *миз* (кар.) «шило»].

Регионализмы в языке возникают в связи с проживанием носителей одного и того же языка в разных, территориально разделенных регионах; например, карачаевцы живут в Карачаево-Черкесской автономной области, а балкарцы — в Кабардино-Балкарской АССР. Слова *ауана*, *хораз*, *адакъа*, *юзмелт*, *элхууур*, *юфкюр*, *гебенек*, *чалкъы*, *биз* общеупотребительны в языке балкарцев, но редко встречаются в языке карачаевцев, и, наоборот, слова *кёлекке*, *гугурук*, *билезик*, *ахуюл*, *юр*, *гёбелекке*, *чалкъы*, *миз* общеупотребительны в языке карачаевцев, но редко встречаются в языке балкарцев. Тем не менее все эти слова принадлежат к карачаево-балкарскому литературному языку, поэтому они должны быть включены в словники двуязычных и толковых словарей карачаево-балкарского языка с обязательными пометами, указывающими на территориальную ограниченность их употребления.

Диалектизмы могут быть подразделены на следующие группы: 1) собственно лексические, 2) фонетические и 3) лексико-семантические.

Собственно лексические диалектизмы — это обычно местные названия предметов и явлений, имеющие в литературном языке иные наименования: киргиз. диал. *бадыбот* (лит. *кесе*) «большая пиала», диал. *кечит* (лит. *кечійі*) «брод»; кар.-балк. диал. *зюдюр* (лит. *къара нанькъ*) «ежевика», диал. *фулму* (лит. *букъу*) «мучная пыль»; татар. диал. *игэч* (лит. *кыз туган*) «сестра, старшая сестра», диал. *олан* (лит. *бала*) «ребенок, малыш, дитя»; башкир. диал. *инэй* (лит. *эсей*) «мать, мама», диал. *эндэт* (лит. *кизе*) «повальная болезнь (обычно нетяжелая)» и т. д.

Лексико-фонетические диалектизмы — это слова, отличающиеся от соответствующих им литературных слов лишь определенными особенностями своего звукового строения, не зависящими от специфики фонетической системы диалекта (или говора) и литературной речи, ср.: кар.-балк. диал. *хаман* (лит. *хамам*) «баня», диал. *къарыуа* (лит. *къаура*) «стебель (травянистого растения)»; киргиз. диал. *жами* (лит. *жамы*) «все, всё; итог, сумма», диал. *маша* (лит. *машат*) «родник, ключ (обычно в каменистой почве)» и т. д.

Лексико-семантические диалектизмы, совпадая по звуковому составу со словами литературного языка, отличаются от них только по значению (или дополнительным значениям), ср.: кар.-балк. *жингирик* «локоть» имеет так-

же в ц-диалекте значение «громкий плач (обычно детский)», *тагы* «выступ на скале, яре», в ц-диалекте еще «ручеек в лесу»; киргиз. *бытыра* «дробь (охотничья)» в южных говорах также «баурсаки (печенье в виде жаренных в жире кусочков теста)», *тукум* «семя, семена; потомство; поколение; порода (животных)», в диалектах также «яйцо» и др.

В тюркской лексикологии еще не выработаны критерии отнесения того или иного слова к диалектизмам или другим пластам лексики, что иногда затрудняет решение лексикографических вопросов. Например, не всегда отчетливым бывает различие между диалектизмом и регионализмом. Объясняется это тем, что, не располагая данными о территории распространения слова, об употреблении его теми или иными писателями, носитель данного языка при решении вопроса о нормативности и ненормативности порою бывает вынужденным руководствоваться только своим языковым чутьем. Такими данными «далеко не всегда располагают и составители больших толковых словарей, имеющие в своем распоряжении обширные, но тем не менее в ряде отношений недостаточные картотеки» (Берков, 1973, 82). Поэтому в некоторых толковых словарях иногда региональные слова квалифицируются как диалектные.

Не совсем четким бывает и различие между диалектизмом и просторечием. В тюркских языках существуют просторечные слова, имеющие диалектную окраску. Так, например, в карачаево-балкарском языке некоторые просторечные слова в речи карачаевцев и балкарцев употребляются в разных формах, ср.: *буштукъла* (в речи балкарцев) и *быстыр* (в речи карачаевцев) «уплетать», *сыпырт* (в речи балкарцев) и *къым* (в речи карачаевцев) «стянуть (украсть)».

Подобные слова, по терминологии В. П. Беркова, называются региональными просторечными словами. С нашей точки зрения, такие слова в толковых словарях должны быть снабжены двойной пометой: «кар. прост.» (карачаевское просторечное), «балк. прост.» (балкарское просторечное).

Просторечная лексика, в отличие от диалектной, входит в состав общенародной лексики. В просторечии, в отличие от территориальных диалектов, строгая, единообразная норма отсутствует.

Процесс проникновения диалектизмов тюркских языков в словарный состав литературного языка, обогащающий последний номинативными и экспрессивно-стилистически-

ми элементами,— постоянен. Это ставит вопрос о допущении в словник словаря литературного языка и диалектных слов. Однако принципы отбора диалектизмов не разработаны с достаточной четкостью. Например, в инструкции для составления СТЯ указывается, что «диалектные слова включаются в словарь, если они употребляются в современной и научно-популярной литературе...» (1956, 5). Однако данный критерий не может служить основанием для введения в нормативный словарь диалектизмов. Дело в том, что, во-первых, как в художественную, так и в научно-популярную литературу диалектные названия растений, животных, различных предметов и т. п. нередко проникают случайно. Во-вторых, употребление диалектизмов в художественной литературе «преследует прежде всего художественную цель» (Порохова, 1975, 112).

Таким образом, для введения диалектного слова в словарь литературного языка одного факта употребления его в художественной или другого рода литературе явно недостаточно. Учитывая это, абсолютное большинство составителей толковых словарей тюркских языков одним из критериев включения диалектизмов в словарь считают частоту употребления данного слова в литературе, преимущественно художественной. Этот критерий отбора диалектных слов, верный в своей основе, также не может быть исчерпывающим, ибо остаются неясными два вопроса: 1) как правильно установить, является ли данное слово диалектным или оно входит в словарный состав общенационального языка? 2) все ли диалектные слова, встречающиеся в произведениях литературы, могут быть включены в нормативный словарь? Поэтому в толковые словари тюркских языков в число диалектных слов порою включаются, как уже указывалось, просторечные, разговорные слова.

Усвоение диалектных слов в литературном языке определяется многими факторами. Использование их в языке художественной литературы — лишь один из каналов, который только в некоторых случаях является главным путем их проникновения в литературный язык. Тем не менее роль художественной литературы в усвоении диалектизмов литературным языком достаточно большая. Например, слова *абери* «что-либо», *уууз* «молозиво», *кезлеу* «родник» в карачаево-балкарском языке примерно до 50-х годов были известны только носителям ц-диалекта. Теперь же эти слова твердо вошли в общенациональный литературный язык благодаря широкому их употреблению в художественных произведениях, прежде всего Ж. Токумаева, И. Гадиева

и А. Теппеева. Слово *дакъыл* «разводимые, культивируемые растения» первоначально употреблялось только в южноказахских диалектах, а затем благодаря частому употреблению в художественной литературе утвердилось в литературном языке (Кенесбаев, 1964, 31). Последнее обстоятельство подтверждается тем, что данное слово активно участвует в образовании сложных терминов, ср.: *бакъша дакъылдары* «бахчевые культуры», *дэнді дакъыл* «злаковые культуры» и т. п. Своим утверждением в литературном языке обязаны художественным произведениям также диалектизмы: киргиз. *кечит* «брод», *олут* «место», *энди* «теперь, в настоящее время»; туркмен. *важып* «важный, существенный», *деслапкы* «предварительный»; татар. *буйдак* «холостяк», *жайдак* «всадник, наездник, седок (без седла)», *ажаган* «зарница» и мн. др.

Тем не менее в художественной литературе диалектные слова встречаются редко, притом главным образом в речи персонажей. Иначе говоря, употребление диалектизмов в художественных произведениях свидетельствует не столько об их освоенности литературным языком, сколько о специфике языка того или иного писателя.

Вторым и, надо сказать, основным критерием для включения диалектизмов в словари тюркских литературных языков является их распространенность в диалектах (или говорах). Однако установление этого факта не представляется возможным, так как в карточках толковых словарей отсутствуют записи диалектной речи.

Широкое территориальное распространение диалектного слова также еще не свидетельствует о его усвоении литературным языком. Например, в ц-диалекте карачаево-балкарского языка довольно широко распространены слова *къыйтхы* «борона», *кырка* (деревянное приспособление с круглым отверстием посередине, прикрепляемое к концу веревки), *балам* «калина». Однако эти слова не усваиваются литературным языком, ибо в нем в тех же значениях успешно функционируют слова *тырнаууч*, *гири* и *муркку*.

Анализ словников толковых словарей тюркских языков показывает, что из диалектов в литературный язык чаще попадают слова, не имеющие в литературном языке синонимов. Однако и здесь весьма важно, с нашей точки зрения, учитывать, насколько актуальна обозначаемая тем или иным диалектизмом реалия. Например, нет достаточного основания утверждать, что диалектизмы *федугу* «разновидность мяты», *чаха* «каменистый берег реки» в карачаево-балкарском языке станут литературными, так как

для носителей литературного языка обозначаемые ими реалии не актуальны.

Факты некоторых тюркских языков свидетельствуют и о том, что в ряде случаев даже узколокальный характер предмета не является препятствием для перехода обозначающего его диалектизма в литературный язык. Так, например, реалия, обозначаемая словом *акътау* «пойло», распространена только в одном Кызылординском районе Казахской ССР. Однако обозначающее ее слово довольно часто встречается в произведениях художественной литературы и, можно сказать, уже утвердилось в литературном языке. Это говорит о том, что «не локальность «реалии», а локальность употребления слова является решающим признаком словарного диалектизма» (Филин, 1957, 55; Оруджев, 1962, 16).

Для выявления условий освоения диалектных слов литературным языком одних цитат из художественных произведений, содержащих диалектную лексику, недостаточно. Необходимо также проведение лексикологических исследований истории диалектных слов.

Таким образом, выделение из диалектной лексики слов, которые могут проникнуть в литературный язык, обогатить его, сопряжено с большими трудностями.

Не следует также забывать о том, что при включении в состав словарика диалектной лексики «главной является запретительная цель: помета *диал.* предупреждает о запрещении стилистически нейтрального употребления слова в литературном языке» (Порохова, 1975, 114). Тем не менее не все словари справляются с этой «справочной» задачей. В одних из них диалектизмы иногда не снабжаются пометой *диал.* или же последняя заменяется пометой *проф.* (профессионализм); в других и просторечные слова трактуются как диалектные. Например, слова *чабиекей* «ласточка», *тобулгу* «таволга, спирея», *кайракы* «неполивной, богарный», *оёскб* «неполно, не до краев» и мн. др., воспринимаемые киргизскими лексикографами как диалектизмы (Инструкция II, 1964, 14—15), на наш взгляд, уже прочно вошли в общенародную разговорную речь. Поэтому их следовало маркировать пометой *разг.* (разговорное). В ТСКЯ² одни диалектизмы даны без пометы *диал.*: *акъбас* I «мокрец (болезнь верблюдов и лошадей)», *акъкъулакъ* «парша», *акънауат* (сорт большой сочной дыни), *асаймуса* (вид дерева с твердой древесиной), *атанакъ-бутанакъ* «неровная с впадинами и буграми (местность)»; другие же представлены как профессионализмы: *атабаста* (выбороч-

но убирать серпом спелые участки злаковых культур), *ата-накъ* (приспособление для набирания воды из колодца), *атыз* (часть пашни, орошаемая вручную), *ауыт III* «место хранения поливной воды» (КТДС, 1963) и т. д.

Какие же диалектизмы можно, а какие нельзя включать в толковые словари тюркских языков?

Фонетические, лексико-фонетические и лексико-словообразовательные диалектизмы используются писателями в речи персонажей для их речевой характеристики. В авторской речи эти диалектизмы, как правило, не употребляются. Включение в словник толковых словарей подобных типов диалектизмов представляется нецелесообразным, ибо они понятны читателю и, не внося в словарный состав языка ничего нового, не могут быть усвоены литературным языком (Федоров, 1963, 180; Берков, 1973, 85). Подобные диалектизмы могут включаться только в диалектологические словари.

Поэтому неправы, как нам кажется, киргизские, казахские и татарские лексикографы, включившие большое количество лексико-фонетических и лексико-словообразовательных диалектизмов в толковые словари родного языка, ср.: киргиз. *карачы* (лит. *каракчы*) «грабитель, разбойник»; пугало, чучело», *элгек* (лит. *элек*) «сито», *кайракы* (лит. *кайрак*) «неполивной, богарный»; казах. *аназакъ* (лит. *анызакъ*) «суховей», *кебек* (лит. *кеуек*) «дупло, нора», *акъа* (лит. *агъа*) «старший брат», *жері* (лит. *жерік*) «прихоть», *кекілдірік* (лит. *кекілдік*) «поперечный надлобный ремень узды», *борпакъ* (лит. *борпылдакъ*) «мягкий», *жэмше* (лит. *жэмбілше*) (сорт скороспелой дыни); татар. *апай* (лит. *апа*) «старшая сестра», *анкы-минке* (лит. *ангы-минге*) «глупый, непонятливый, бестолковый», *белэ* (лит. *белэн*) «с, со, вместе с», *ден* (лит. *дин*) «религия, вера», *кечтек* (лит. *кечкенэ*) «маленький», *кытнау* (лит. *кытыклау*) «кудахтать», *мукэйлэп* (лит. *мукэлэп*) «на четвереньках» и др.

Принципы отбора для общего словаря собственно лексических и лексико-семантических диалектизмов остаются для читателя неясными. Критериями их включения в толковые словари могут быть: 1) частота употребления их в известных произведениях художественной литературы и 2) степень распространения этих слов в диалектах (или говорах). При этом нельзя забывать, что нормативная лексикография не может целиком полагаться на материал художественной литературы. Как справедливо пишет К. С. Горбачевич, «объективистское использование текстов

и фетишизация авторитетов создает опасность искаженной характеристики литературной нормы» (1978а, 44). Факты тюркских языков говорят о том, что не все диалектизмы, часто употребляемые даже в самом авторитетном тексте ведущих писателей, принимаются в качестве литературной нормы. Например, такие диалектизмы, как *кэоторокъ* «буйный, необузданный», *ыгъый* «немедленно», *төрөү* «засучить», часто встречающиеся в авторском тексте башкирского народного писателя Т. Янаби, не стали литературной нормой (Юлдашев, 1972, 70).

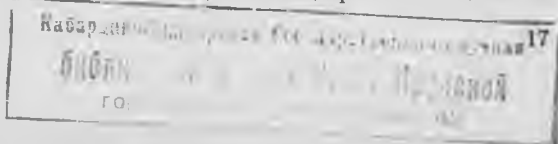
Известны случаи, когда и общетюркские слова неоправданно причисляются к диалектизмам. Так, например, в карачаево-балкарском языке такие общетюркские слова, как *кюрек* «лопата», *жумуртха* «яйцо», *кэумурсха* «муравей» *бурчакъ* «фасоль», *итбурун* «шиповник», на том основании, что они редко встречаются в литературных произведениях, продолжают считаться диалектизмами. Их заменяют соответственно словами *жугар*, *гаккы*, *гумулжук*, *кэудору*, *лэкэу*, являющимися в основном достоянием лишь баксано-чегемского переходного говора опорного ч-диалекта языка.

Из сказанного вытекает, что даже самые часто употребляемые в авторитетных произведениях диалектизмы нельзя безоговорочно включать в словник словаря литературного языка без научного анализа и критического осмысления.

Собственно лексические диалектизмы обязательно должны снабжаться специальной пометой *диал.*, носящей в данном случае функционально-лексический, а не стилистико-этимологический характер (Сороколетов, 1978, 10), т. е. указывающий на то, что слово принадлежит к выразительным средствам художественной литературы, однако не входит в литературный язык.

Диалектизмы же, имеющие лишь относительно узкий ареал распространения, не должны включаться в словарь даже в тех случаях, когда они встречаются в авторской речи классиков художественной литературы.

Тем не менее в ряде толковых словарей тюркских языков, даже в однотоменных, встречаются десятки и сотни диалектных слов, не употребительных в литературе. Примеры: киргиз. *айыл II* «кольцо катаура», *асер* «влияние, действие, воздействие», *багана* «подпорка, стойка», *байкуш II* «сова», *жороп* (домотканые шерстяные орнаментированные чулки), *жубалдыз* (человек, работающий на

маслобойне), *найзагай* «молния», *келде* «голова», *нооват* «очередь», *оймотекей* (шитый в два слоя орнаментированный войлок), *оргок* «серп», *паша II* «қомар», *сыйыр* «корова», *тапанча* род хлебной лепешки, *эрдем* «храбрый, мужественный»; туркмен. *барак II* «лысуха (птица)», *булама* «козье или овечье молоко первого дня удоя», *галам II* «ложка», *гербенек* «крюк», *дэдэ* «отец», *кашык* «ложка», *пайча* «штанина», *тин* «копейка», *чалгы* «жидкий машевый суп», *шеликмек* «надоедать кому-либо» и мн. др. Узколокальными диалектизмами пестрит особенно многотомный ТСКЯ². Вот примеры только на букву А: *айыркoм* (специальное седло), *айырт* «место соединения ног (с внутренней стороны)», *акъзон* «белый ситец», *акъжйрек* (разновидность травянистого растения), *акъмурт* «стелька», *акъпа* (палка с острым концом), *акъпар II* «большая пиала», *акъсуп* «белый ситец», *акътаякъ II* «мираб», *акътыкъ III* «белая материя», *албырт II* «вертячка (болезнь лошадей)», *анг II* «яма, промоина, обрыв (длинный)», *анггъалакъ II* «глазная впадина черепа», *аныр II* «задерживаться, останавливаться», *анай II* «склон (горы)», *атайман* «очень, совсем, чересчур», *ат-жаракъ* «вооружение», *аты* (инструмент, употребляемый при фильтровании чего-л.), *атыкътыр* 1. «тренироваться, давать имя кому-л.», 2. «дать кличку (человеку)», *аудан* «запруженная вода», *аударысна* «соединиться, объединиться», *ауыт* «потерявший разум», *ашта* (поверье: кладут горячую золу в пиалу для лечения больного желудка), *аша II* «ступня», *ашар* «ключ», *ашыкъ-жарыкъ* «веселый», *ашымыкъ* «кислое домашнее питье (не хмельное)» и т. д.

Что касается этнографических диалектизмов, то они должны вводиться в словари литературного языка на правах слов, обозначающих местные реалии, которые в данном языке не имеют другого обозначения. Такие слова всегда пополняют лексический фонд литературного языка. Этнографические диалектизмы никаких помет не требуют, «их следует считать общеупотребительными и общепонятными словами» (Бабкин, 1971, 21). Однако в ряде толковых словарей этнографические диалектизмы приводятся с пометой *диал.*: киргиз. *гöзö* (небольшой глиняный сосуд с ручкой), *жороп* (домотканые шерстяные орнаментированные чулки), *суйсал* (шнурки из черной шерсти или шелка с металлическими украшениями, вплетаемые в косу, чтобы удлинить ее); туркмен. *ак IV* (большая рыболовная сеть), *булама* (козье или овечье молоко первого дня удоя), *ношы* «озимый лук»; казах. *атишблке* «хомут из войлока», *бол-болды*

(скороспелый сорт дыни), *долыкъ III* (инструмент для очищения глубокого колодца) и др.

Не нужна ограничительная помета и при диалектизмах (бывших), уже прочно вошедших в состав литературной лексики того или иного современного тюркского языка.

Историзмы

Прежде чем решить вопрос о включении слов, прекративших активное функционирование в языке, в словники толковых словарей, необходимо уточнить терминологию.

Среди слов, вышедших из активного употребления, обычно различают названия переставших существовать в современной жизни предметов, явлений и т. д. и слова, вытесненные из живого языка другими, синонимичными им. Одни ученые рассматривают эти категории слов под общим названием «архаизмы» (Ахманова, 1957, 271—274; Головин, 1973, 90—91), другие — тоже под общим, но иным названием — «устаревшие слова» (Шанский, 1972, 144—158; Берков, 1973, 72—79; Фомина, 1978, 225—227) или «устаревшая лексика» (Сазонова, 1963, 124—127). Те и другие обычно различают среди этих слов собственно архаизмы и историзмы. Некоторые исследователи среди устаревших слов выделяют еще «старинные слова» (Шанский, 1972, 145). Есть и такие ученые, которые считают архаизмы и историзмы самостоятельными лексическими разрядами (Земский и др., 1971, 36—39). Мы разделяем последнюю точку зрения и, исходя из существенных различий между историзмами и архаизмами, будем рассматривать их отдельно.

Историзмы — это устаревшие слова, вышедшие из живого словоупотребления в связи с исчезновением тех реалий, которые они обозначали. Многие историзмы еще понятны носителям языка, но активно ими не используются. Одни предметы, вещи, явления и т. п. вышли из употребления десятилетия назад, другие — исчезают на глазах современного поколения. Например, предметы, обозначаемые словами *чабыр* «обувь из сыромятины», *талкъы* «кожемялка», вышли из обихода балкарцев и карачаевцев уже в 30-е годы, а предметы, носящие названия *сабан агъач* «соха», *аякъ* «деревянная чаша», перестали употребляться этими народами лишь в последние 10 лет. Некоторые предметы, не употребляющиеся в данное время, могут войти в обиход через определенный период. Так, например, предметы, носящие названия *хырлы къатана*

«вельвет», тон «дубленка», вышли из обихода балкарцев и карачаевцев примерно в 50-е годы, а в конце 70-х годов в связи с вхождением в моду они снова восстановлены.

Историзмы используются в научно-исторической литературе, где они служат названиями реалий прошлых эпох, и в произведениях художественной литературы, где они передают колорит эпохи.

Толковые словари тюркских языков в вопросе отбора историзмов часто непоследовательны. В инструкциях и руководствах для составления этих словарей, а также во введениях к ним утверждается, что из историзмов отбираются только часто употребляющиеся «...в современной научной, публицистической и художественной литературе» (Инструкция, 1956, 6), «...особенно в исторических романах и поэзии» (Руководство, 1964, 13), «...в эпосе и других фольклорных произведениях... в учебниках по истории народов СССР» (Инструкция II, 1964, 15) и отражающие «...исторические факты, жизнь и быт прошлого» (ТСЯ, XI) и т. п. Фактически же рассматриваемые словари включают в свой словник историзмы без каких-либо ограничений, хотя в этом признаются только составители десятитомного ТСКЯ² (1974, 8).

В отборе историзмов для тюркских толковых словарей обнаруживаются следующие основные недостатки: 1) включение в словник малоупотребительных, а порою вовсе не употребляющихся в литературе историзмов; 2) включение в словник фонетических вариантов историзмов и их редко употребляемых производных в качестве заголовочных слов; 3) смешение историзмов с архаизмами; 4) смешение историзмов с нормативными словами.

Разберем эти вопросы.

Многие «историзмы» в ряде толковых словарей, особенно в ТСАЯ и СТЯ, приводятся без иллюстраций, что свидетельствует о редком их употреблении или же вообще о неупотребительности, ср.: азерб. *авар III* (во 2-м знач.) (название одного из древних тюркоязычных племен), *гулдар* «рабовладелец», *гулдарлыг* «рабовладение», *галабэји* «градоначальник, городничий», *басмачылыг* «басмачество»; туркмен. *стачка*, *галтаман* «бедняк», *земство*, *дума*, *дьяк*, *пан*, *пансион*, *пансионер*, *некрополь*, *цензура*, *фараон*, *мануфактура*; татар. *арбалет*, *асаба I* «местное коренное население», *акмеизм*, *акмеист* и др.

Большинство приведенных «историзмов» являются заимствованиями из русского языка или через его посредство. В толковые словари эти слова механически перенесе-

ны из русско-тюркских словарей и толковых словарей русского языка, хотя не только в письменной литературе, но и в разговорной речи они употребляются очень редко, и нет никаких оснований считать их нормативной лексикой.

В ряде толковых словарей имеют место и факты приведения фонетических вариантов историзмов в качестве реестровых слов, ср.: азерб. *азархана/азарлыхана* «больница»; татар. *боярщина/барщина, бик I/бэк I* «бек»; казах. *даяғашы/даяшы I* «слуга эмира», *басмашы/баспашы 2* «басмач». Такие варианты могут быть объектом лишь специальных исторических словарей.

Представляется лишней и регистрация производных на *-лык/-лыг* от историзмов, широко представленных в ТСАЯ, ТСКЯ¹, СТЯ и ТСТЯ и приводимых обычно без иллюстративных примеров, ср.: азерб. *губернаторлыг* «должность, обязанности губернатора», *гулдарлыг* «рабовладение», *батраклыг* «батрачество», *галабэжилык* «должность, обязанности градоначальника, городничего», *басмачылыг* «басмачество», *гантарчылыг* «занятие, должность весовщика»; киргиз. *басмачылык* «басмачество», *варвардык* «варварство», *вассалдык* «вассальство», *мырзалык* «положение господина», *акимдик* «положение, должность господина, властителя», туркмен. *дворянлык* «дворянство», *баринлык/баринчилик* «положение барина», *басмачылык* «басмачество», *батраклык* «батрачество», *баронлык* «положение барона», *боярлык* «положение барина, господина», *князчылык* «княжество»; татар. *баскынлык* «набег, грабеж», *гетманлык* «гетманство», *декадентлык* «декаденство», *баринчилик* «положение барина», *бурмистрлык* «должность, обязанности бурмистра», *бурлаклык* «бурлачество».

В словарях нет четкой дифференциации между историзмами и архаизмами. Многие бесспорные историзмы квалифицируются как устаревшие слова и приводятся с соответствующей пометой *уст.*, ср.: казах. *батпан* «батман (мера веса)», азерб., татар., туркмен. *батман*, казах. *жйзбасы* «сотник», *есаул*, *басмашы* «басмач»; туркмен. *хан*, *гул* «раб»; татар. *аксоjak I* «дворянин», *бик I* «бек», *барин*; киргиз. *бий* (киргизский судья, разбиравший тяжбы между киргизами по обычному праву), *жандарм*, *бекзада* «рожденный от бека; высокородный, благородного происхождения» и т. д.

Известно, что заголовочное слово, помещенное в общепилологическом словаре без ограничительной пометы, является нормативным, общеупотребительным. В большинстве тюркских толковых словарей приводится довольно

большое количество историзмов без стилистических помет, например: киргиз. *басмачы* «басмач», *ай балта* «бердыш», *ай балка* «секира», *губерния*, *көпөс* «купец», *гетман*, *гайдамак*, *декабрист*, *вассал*, *фараон*, *боярин*; казах. *графиня*, *капрал*, *кадет*, *какета*, *каторга*, *камерюнкер*, *бек*, *гарем*; азерб. *гул-гараваш* «слуги, лакеи», *декадент*, *дьяк*, *дуэль*, *батман* (мера веса), *атаман*; туркмен. *барщина*, *царизм*, *бай I* «бай, богач», *барин*, *бурмистр*, *бояр*, *боярин*, *господин*, *дворянин*, *кадет*; татар. *барокко*, *берданка*, *губерна* «губерния», *декадент*, *дуэль*, *дьяк*, *имажинизм*, *имажинист* и мн. др.

Одни и те же слова в некоторых толковых словарях даны как историзмы, а в других — как общеупотребительные слова, без стилистической пометы. Например, слово *батрак* ТСТЯ и ТСКЯ² поместили в свой словник с пометой *ист.* (историзм), а СТЯ и ТСКЯ¹ — без нее. Слово *кадет* эту помету имеет в ТСТЯ и не имеет ее в СТЯ и ТСКЯ². Слово *басмачы/басмашы* «басмач» в ТСАЯ и ТСКЯ² помещено с этой пометой, а в СТЯ, ТСКЯ¹ и ТСТЯ — без нее. Подобных фактов в рассматриваемых словарях довольно много. Но думается, что и приведенных фактов вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что составители словарей и их редакторы не с должным вниманием отнеслись к стилистической маркировке слов активного и пассивного запасов.

Отсутствие пометы *ист.* при историзмах некоторые лингвисты объясняют тем, что историзмы «...активно используются в публицистике и художественной литературе при описании жизни в царской России... встречаются в произведениях, изучаемых детьми в школе» (Введенская, 1979, 86) и что устарелось таких слов «...отражена в толковании их лексического значения с помощью выражения «старинный, в старину...» (там же, с. 87).

Тем не менее историзмы, как и другие разряды ненормативной лексики, нельзя не маркировать в толковых словарях. Этого требует принцип нормативности, которому должны подчиняться все аспекты словаря, в том числе и подбор слов.

Архаизмы

Для решения вопроса об отборе архаизмов для толковых словарей тюркских языков необходимо прежде всего уточнить определение архаизмов, их типы и отличия от историзмов, от слов, совершенно выпавших из языка, и от

религиозной лексики. Эта необходимость вызвана тем, что в некоторых тюркских толковых словарях в качестве заголовочных слов зарегистрированы почти все типы архаизмов без какой-либо дифференциации.

Архаизмы, как известно, — это слова и словосочетания, вышедшие из повседневного употребления и потому воспринимающиеся как устаревшие, т. е. составляющие пассивный пласт современного литературного языка. Нельзя смешивать с архаизмами слова, полностью выпавшие из употребления в современном языке (Фомина, 1978, 226), по терминологии Н. М. Шанского «старинные слова» (1972, 145).

Сфера функционирования архаизмов постоянно сужается, однако они все же живут в языке. Старинные же слова не только не употребляются, но и не понятны для современных носителей языка: «этих слов в языке уже нет, они в нем не существуют» (Ахманова, 1957, 274), т. е. они не имеют никакого отношения к лексической системе современного литературного языка и не входят даже в состав его пассивной лексики.

Известно, что одни слова устаревают полностью, у других устаревают одно или несколько значений, у третьих — отдельные словообразовательные элементы, а у четвертых — видоизменяется звуковая форма (при сохранении содержания).

В зависимости от этого лексикологи выделяют следующие типы архаизмов: лексические (кар.-балк. *харфлыкъ* — *букварь*; туркмен. *басмахана* — *типография*; азерб. *бахчыван* — *багбан* «садовник»; киргиз. *алиппе* — *алфавит*); семантические [казах. *есепші* 1. «предсказатель погоды (на основе наблюдений)»; татар. *баб* 2. «тема разговора», 4. «ворота, дверь»; киргиз. *катчы* 2. «секретарь»]; лексико-словообразовательные (татар. *кечек* — *кекене* «маленький»; киргиз. *батым* — *батыл* «смелость, дерзание, риск»; азерб. *хэстэхэна* — *азархана* «больница»; казах. *бэйтерек* — *байгынар* «ветвистая ива») и лексико-фонетические [татар. *бодай* — *богдай* «пшеница», казах. *бадырак* — *бадынак* «жареная кукуруза (или пшеница)», киргиз. *аалым/аалим* «ученый (сведущий главным образом в богословии)»].

В отличие от историзмов архаизмы обозначают предметы, явления, понятия и т. д., т. е. реалии, еще сохранившиеся в современной жизни и имеющие новые названия, синонимичные архаизмам, заключающим в себе особые экспрессивные оттенки старины.

Архаизмы, как и историзмы, неоднородны по своему

составу. Одни из них часто употребительны, другие, хотя и хорошо известны носителям языка, но принадлежат к пассивному слою лексики, третьи же воспринимаются приблизительно, значение их утрачивается.

Среди архаизмов имеется много заимствований, особенно из русского и арабского языков, но встречаются и исконно тюркские слова.

Нередко архаизмы встречаются в современном языке в составе пословиц, поговорок и фразеологических единиц. Ср. архаизмы: кар.-балк. *бакъ* «смотреть», *мидел* «солома или сено, подкладывавшиеся в чабуры (обувь из сыромятины)»; казах. *данг II* «слава, известность»; киргиз. *амир* «приказание, приказ, повеление, распоряжение» в следующих устойчивых сочетаниях: *Бий бергенни кёзюне бакъма* (посл.) «Даренному коню в зубы не смотрят», *салам мидел кибик* (ФЕ) «что-либо в большом количестве», *данггъа шыкъты* (ФЕ) «прославляться».

Если историзмы, как отмечалось выше, могут употребляться и вне определенных стилистических условий, поскольку они выражают исчезнувшие понятия, предметы и используются для их обозначения, то архаизмы употребляются только с определенными стилистическими целями; вне этих целей «...их использование не может быть оправдано и является ошибкой с точки зрения современного словоупотребления» (Шанский, 1972, 154).

При использовании архаизмов в художественной литературе писателем ставятся следующие стилистические задачи: а) передача колорита эпохи (обычно в исторических романах, повестях), б) придание речи торжественного характера, патетической взволнованности (в стихах, в ораторском выступлении, в публицистической речи), в) создание комического эффекта, иронии, сатиры, пародии (обычно в фельетонах, памфлетах), г) речевая характеристика персонажа (например, лица духовного звания).

В ряде тюркско-русских и тюркских толковых словарей религиозные слова не различаются от архаизмов, тогда как в отличие от архаизмов религиозные слова (в основном арабизмы) широко известны народу: они часто употребляются в разговорной речи, в устном народном творчестве и в письменной литературе. Вопреки мнению некоторых лексикографов (Руководство, 1964, 13), их нельзя исключать из активной лексики.

После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению вопроса о включении архаизмов в словник толковых словарей тюркских языков.

Согласно инструкциям и руководствам для составления тюркских толковых словарей в словник в качестве реестровых вводятся только те устаревшие слова, которые часто встречаются «...в произведениях художественной литературы...» (Инструкция 1, 1964, 7), «...в древнем фольклоре, дореволюционной литературе и в других источниках» (Руководство, 1956, 1), «...в периодической печати и разговорной речи...» (Руководство, 1964, 13). В действительности же, как и при отборе историзмов, в отборе архаизмов допускается произвол и субъективизм, т. е. составители словарей в каждом случае по своему усмотрению решают этот вопрос. Приведем примеры.

В некоторых толковых словарях в качестве реестровых даны слова, не только не подтверждаемые цитатами из какого-либо литературного текста, но даже неупотребительные в разговорной речи, т. е. старинные слова, например: татар. *асаба* 1. «вотчинник», *бетек* «письмо; письменность», *кател* «убийство, казнь», *гасаб* «нерв»; туркмен. *аржанак* «смелый, отважный, храбрый», *кабыла* «племя, род», *гйфтар* «слово, речь», *багзы* «некоторые, отдельные», *озан* «певец»; азерб. *абнаш* «лейка», *абриз* «место для помоев», *гантар* «весы (большие)», *бахары* «платье с короткими рукавами» и др. Во многих случаях приводятся и производные от них слова.

Более осторожно подошли к отбору устаревшей лексики, не отраженной в письменных источниках, ТСКЯ¹ и ТСКЯ². В них слов приведенного типа всего лишь единицы.

Приведенные и аналогичные им слова, безусловно, должны были оставаться за пределами словников толковых словарей*. Такие слова «должны быть объектом особых словарей-справочников» (Биржакова, Бабкин, 1962, 135) или словарей языка писателей (ИЦерба, 1958, 58).

* Иного мнения придерживается Л. С. Ступин, который считает, что поскольку почти нет ни специальных словарей-справочников, ни словарей языка писателей, «толковые словари современных языков являются единственными источниками, где можно найти толкование выпавших из языка слов». [См.: Ступин Л. П. К вопросу о принципах отбора слов для толкового словаря современного литературного языка (на материале «Большого словаря английского языка» Узбестера).— Вестник ЛГУ, № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. Л., 1963, с. 129]. Если отсутствие названных типов словарей считать основанием для внесения выпавших из языка слов в одноязычные словари, то в словники многих из них следует вводить и всякие областные слова, термины, заимствования и т. д., ибо во многих языках еще нет словарей диалектологических, терминологических, заимствований и т. п. Однако это противоречит принципу нормативности, который лежит в основе толкового словаря литературного языка.

Представляется нецелесообразным также включение в словник лексико-словообразовательных и лексико-фонетических архаизмов. Они почти не отличаются от своих литературных вариантов и не вносят ничего нового в лексический состав языка. Тем не менее в ряде толковых словарей, особенно в ТСТЯ и ТСКЯ², эти типы архаизмов приведены довольно широко, ср.: татар. *барабыз/барабызчы* (извозчик в Казани, возивший седоков на санях-розвальнях), *гаит, гаид/гает* «религиозный праздник (у мусульман)», *богдай* (лит. *бодай*) «пшеница», *кятин/катиц* «секретарь», *кафире/кяфирэ/кяфер* «гяур, неверный, неправовверный», *кечек* (лит. *кечекенэ*), «маленький», *кяса, кясэ* (лит. *касэ, кэсэ*) «бокал, чаша»; казах. *бадынакъ* (лит. *бадыракъ*) «жареная кукуруза (или пшеница)», *була II/бйла III (2)* «не жалеть жизни», *байшынар* (лит. *бэйтерек*) «ветвистая ива», *иреу* (лит. *ирек* «извилистый»), *бакъал I (1)/бакъалшы* «торговец всякой мелочью».

Что касается лексических и семантических архаизмов, то при отборе их для помещения в толковый словарь должна учитываться частота употребления в художественной литературе и периодической печати, а также в школьных учебниках по литературе и истории.

Однако в тюркских толковых словарях вопрос о принципах отбора и этих типов архаизмов не нашел своего убедительного и четкого разрешения. Например, в СТЯ и ТСАЯ и ТСТЯ нередко можно встретить малоупотребительные архаизмы типа татар. *бардак I* «публичный дом», *арбалет*, *иганэче* «тот, кто оказывает помощь, жертвующий», *гёлзар* «цветник», *кануният* «догматизм», *гамбэр 1.* «кашалот»; туркмен. *адаг* «помолвка (обряд)», *адалык 2.* «смиренность, кротость», *адагламак* «помолвить кого-л. с кем-л.», *газначы* «казначей», *галтаман* «бедняк», *дивана I* «нищий, попрошайка», *непес* «дыхание, вздох», *нажагай* «суматошный, беспокойный», *омач I* (часть старого деревянного плуга, на которую надевается лемех); азерб. *гантарчы* «весовщик», *галабэнд* (обвиняемый, не имеющий права выезжать за пределы города), *бинэкдар* (коммерсант, торгующий кусками ткани или штучными товарами), *битик* «бумага», *бедэхетлик* «огромность», *медеткэрлик* «обязанности помощника», *бедројлук* «привлекательность» и др. Подобные слова употребляются только в устной речи старшего поколения, поэтому их не следует включать в толковые словари.

В словники рассматриваемых толковых словарей включаются и названия годов летосчисления по двенадцатилет-

нему животному циклу. Однако в их подаче и маркировании словари непоследовательны. Указанные единицы размещаются и маркируются по-разному не только в разных, но и в одном и том же словаре. Так, например, одни словари разместили старые названия годов, как значения тех слов, с которыми они связаны генетически (ср. киргиз. *барс 2* «год барса», *жылан 2* «год змеи», *жылкы 2* «год лошади и т. д.), другие — как словосочетания терминологического характера (ср. татар. *Барыс елы* «год барса», *Елан елы* «год змеи», *Куян елы* «год кролика» и т. д.), а третьи — то как отдельные значения (ср. казах. *барыс 2* «год барса», *ит 2* «год собаки»), то как фразеологизмы (ср. казах. *Жылкы жылы* «год лошади», *Жылан жылы* (год змеи), *Донгыз жылы* «год свиньи»). Такой же разницей наблюдается и в стилистической дифференциации этих слов: ТСТЯ поместил их без каких-либо стилистических помет; ТСКЯ¹ снабдил пометой *уст.* (устаревшее) только слово *барс 2*, а все остальные названия годов дал без ограничительной пометы; ТСКЯ² одни названия поместил без стилистических помет (*Жылкы жылы*, *Жылан жылы*); другие — с пометой *уст.* (устаревшее) (*барыс 2*, *ит 2*), а третьи — с пометой *ист.* (историзм) (*Донгыз жылы*).

Таким образом, в ряде случаев одно и то же слово в рассматриваемых словарях имеет тройную стилистическую характеристику: 1) устаревшее слово (или архаизм), 2) историзм и 3) слово активного запаса (без стилистической пометы).

Многие общепотребительные слова и словосочетания религиозной лексики в ТСТЯ и СТЯ отмечены как архаизмы, ср.: татар. *гает* «религиозный праздник (у мусульман)», *зекер зйтй* (читать молитву, воздавая хвалу), *имам* «имам (духовный наставник у мусульман)», *иман* «вера в бога, верование», *корбан ае* (народное название месяца зульхиджа), *дэвер II* (обряд отпущения грехов умершего у мусульман); туркмен. *зекат/зякет* (ежегодная подать, составляющая сороковую часть дохода с хозяйства или со стоимости имущества), *пир* (высшее духовное звание у мусульман), *азан* (призыв верующих мусульман на молитву), *азанчы* «муэдзин», *килисе* «церковь» и т. д.

В рассматриваемых словарях подобные слова обычно имеют двойную помету: *рел.* (религиозное) и *уст.* (устаревшее). Однако они так же актуальны для современного языка, как и другие слова активного словарного запаса, поэтому помета *уст.* совершенно лишняя.

Закреплению в памяти языкового коллектива опреде-

ленного количества архаизмов способствует использование пословиц и фразеологических единиц.

Однако не все архаизмы, употребляемые в них, можно включать в словарь, как делают составители почти всех толковых словарей тюркских языков, а лишь те из архаизмов, которые входят в состав широко употребляющихся устойчивых сочетаний, образных выражений и изречений. Нельзя, например, считать правильным включение архаизмов: киргиз. *ажа* «старший»; татар. *кылынмыш* «дело, труд»; узбек. *хонакзо* «молельня» в толковые словари этих языков, так как каждый из них встречается только в одной пословице или поговорке, которые неизвестны подавляющему большинству носителей языка (*Ай! деген ажа жок, кой! деген кожо жок* «Некому унять, прикрикнуть, навести порядок»; *Агац беленэ жимишеннэн, адэм кылынмышыннан* «Дерево узнается по плоду, а человек по труду»; *Суфида хунар йукъ, хонакзо тор* букв. «У суфия нет умения и молельня его тесная»).

В некоторых из рассматриваемых словарей слова нормативной лексики смешаны с архаизмами. Так, например, без пометы *уст.* даны такие архаизмы, как татар. *гёлстан* «цветник», *залимэ* «тиранка, угнетательница», *риваять* «легенда»; киргиз. *алип* «алиф (первая буква арабского алфавита)», *бугу 2* «май»; туркмен. *аргышчы* [тот, кто ведет караваны за зерном (в другую страну, город и т. п.)], *гары* (мера длины, равная расстоянию от груди до конца пальцев вытянутой руки), *элип* «алиф (первая буква арабского алфавита)» и другие.

Просторечные слова

Трудность стилистической характеристики просторечия в тюркско-русских словарях и в толковых словарях тюркских языков объясняется теоретической неразработанностью ключевых проблем стилистики, а также неизученностью этой категории лексики в тюркских языках и недостаточной изученностью ее в русском языке. В лингвистической науке до сих пор нет четкого определения термина «просторечие».

До недавнего времени некоторые исследователи вообще отрицали возможность отнесения просторечия к литературной лексике, а иные даже противопоставляли его последней. Так, например, Л. В. Щерба считал, что просторечные слова — это слова, характеризующие «людей, не вполне овладевших литературным языком» (1957, 120). По мнению

С. И. Абакумова, просторечные слова — это «такие языковые явления, которые не допускаются в литературном языке, считаются неправильными...» (1942, 6). В. Н. Головин пишет: «Уместность речи может быть нарушена заменой литературного слова просторечием... Правда, такт и особые художественные задачи могут позволить литератору использование просторечных слов в поэтическом тексте... Что же касается устных общественных выступлений и разговорного литературного общения, в этих случаях грубые и сниженные слова и обороты, как правило, бывают просто неуместными и ненужными» (1966, 191).

В лингвистических исследованиях последнего времени признается вхождение просторечия в состав литературного языка. «Вывести из состава литературного языка функционирующее в нем просторечие,— пишет Ф. П. Филин,— означало бы лишить литературный язык средств сниженной речи, обычно несущих высокую эмоционально-оценочную нагрузку» (1973, 7; 1979, 20). Однако данная группа лексики трактуется двояко. Одни исследователи понимают под просторечием только определенный разряд стилистических средств языка (Г. П. Князькова, Г. Ф. Митрофанов, Л. И. Рахманова, Ю. С. Сорокин), другие считают (Ф. П. Филин, Л. И. Баранникова, Л. К. Граудина, Л. И. Скворцов, Е. Ф. Петрищева), что этим термином обозначаются категориально не совпадающие явления: «Существует не одно, а два просторечия: 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка; 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком. При этом их материальный состав во многом совпадает» (Филин, 1973, 7).

Возражая против сторонников взгляда на просторечие как на единое целое, Ф. П. Филин пишет: «...между выражением «у меня что-то сердце барахлит» (так может сказать и написать каждый) и выражением «надо ехать троллейбусом» (так говорит только человек, не владеющий литературным языком) имеется принципиальное и объективное различие» (1979, 22).

Вторая точка зрения представляется более гибкой и в большей степени соответствующей сегодня реальной картине функционирования общенационального языка.

Итак, по мнению многих исследователей, необходимо различать литературное и внелитературное просторечие, между которыми имеется принципиальное различие: первое употребляется всеми образованными людьми как в письменной, так и в устной речи, второе же употребляется в

речи только у отдельных групп населения и у отдельных писателей для разных стилистических целей.

Внелитературное просторечие — слова с неправильными с точки зрения литературной нормы фонетическими (иногда и грамматическими) формами — не должно быть объектом нормативных словарей. Тем не менее некоторые тюркские лексикографы под видом вариантов литературных слов широко вводят данные лексические единицы в тюркско-русские и тюркские толковые словари, ср.: киргиз. *замберек* (лит. *замбирек*) «пушка», *бакта* (лит. *пахта*) «хлопок», *жынгалбаш* (лит. *жылангбаш*) «с непокрытой головой»; казах. *багъыда* (лит. *баягъыда*) «недавно», *бакъпан* (лит. *багъбан*) «садовник, садовод».

Литературное просторечие неоднородно по своему характеру. Среди этой лексики выделяются две группы слов.

К первой относятся многозначные слова нейтральной или разговорной лексики, одно (чаще) или несколько переносных значений которых имеют большую экспрессивность, образность, эмоционально сниженную окрашенность. Это главным образом глаголы (кар.-балк. *жетдир* 2. перен. «треснуть (ударить)», *ат* 4. перен. «дернуть (выпить)», *агъ-арт* 2. перен. «заливать (лгать)»; киргиз. *кой* 3. перен. «дать (ударить)», *сал* II. перен. «двинуть (ударить)», *же* 2. перен. «присвоить деньги и другие ценности»), но встречаются и имена существительные и прилагательные (кар.-балк. *гумхот* 2. перен. «рыло», *быргъытамакъ* «горлан», *гыбыт* 2. перен. «кожаный мешок (о животе человека)»; татар. *агач* 3. перен. «болван», *кэнтэй* 2. перен. «сука (о женщине)», *кочек* 2. перен. «щенок (мальчишка, молокосос)»).

Вторую группу составляют слова, употребляющиеся только как просторечные, например: кар.-балк. *гая* «хайло», *тыкъла* «жрать», *сыпырт* «спереть (украсть)»; киргиз. *болтогой* «бутуз», *дөбдйрө* «заниматься пустой болтовней»; казах. *акъмагъамбет* «водка»; татар. *гөпкорсак* «толстобрюхий, толстопузый».

Просторечные значения слов нетрудно отличить от их нейтральных основных значений. Что касается слов, которые употребляются только как просторечные, то их порою нелегко бывает отличить от разговорных слов.

По мнению Ф. П. Филина, статус литературного просторечия и разговорной разновидности литературного языка совпадает (1979, 20).

То, что между этими категориями лексики нет серьезных различий, признается и другими исследователями (Рахма-

нова, 1966, 108; Черемисин, 1966, 26—27). Г. Н. Складаревская отмечает, что границы между ними «...достаточно условные и неопределенные... становятся настолько неуловимыми, что это заставляет усомниться в их реальности» (1970, 19).

Трудности разграничения просторечных и разговорных слов отмечается чуть ли не в каждой работе, посвященной исследованию лексики разговорных стилей речи, так как «...просторечие (если оно не грубое, вульгарное, или бранное по стилистической сущности) в целом не является ярко выраженным нарушением норм разговорной речи» (Фомина, 1978, 202).

Трудности, возникающие при разграничении просторечной и разговорной лексики, объясняются в основном следующими обстоятельствами: 1) единицы, относящиеся к разным функционально-стилистическим сферам, постоянно взаимодействуют и взаимовлияют; 2) просторечные элементы, характерные для разговорной речи, в известной степени утрачивают свои стилистические свойства как способ выражения крайних эмоциональных оценок. Данный процесс отражается в словарных пометах, где характеристика «разговорное» нередко заменяется характеристикой «просторечное» и наоборот. Н. Ю. Шведова пишет: «За истекшее десятилетие многие просторечные слова вошли в разговорную речь носителей литературного языка; помета «просторечное» в этих случаях заменялась пометой «разговорное» (1973, 7); 3) любая просторечная единица может определяться и как «разговорная», поскольку она свойственна именно разговорной речи; 4) просторечные и разговорные единицы в той или иной языковой сфере используются условно. Ф. П. Филин пишет: «То, что в строго организованном литературном языке имеет окраску непринужденности и фамильярности, некоторой сниженности и даже грубости, в бытовой разговорно-литературной речи может оказаться нейтральным» (1979, 24). По мнению Л. А. Коробчинской, ненормативная лексика собственно разговорного языка «...в устной форме литературной речи употребляется наравне с нейтральной и, только будучи введенной в письменный язык, создает стиль разговорной речи, отличающейся некоторой вольностью, непринужденностью, свободой по отношению к строгой литературной норме» (1966, 58).

Просторечная лексика, по сравнению с нейтральной и разговорной, характеризуется оттенком упрощения, сниженности, фамильярности и грубоватости. Употребление ее

снижает стиль. При этом степень и характер сниженности различны для разных типов просторечий. Так, например, слова с неправильным фонетическим и грамматическим оформлением (см. выше) приобретают низкопробную стилистическую окрашенность своей структурной необычностью; слова с экспрессивной оценкой [типа кар.-балк. *бекле/къыздыр* «заехать (ударить)», *тыкъла/буштукъла* «жрать, лопать»; татар. *корсаклы* «брюхатый», *сал 55* «дать (ударить)»]—своей грубостью; слова с необычной для литературного языка словообразовательной структурой [типа казах. *багъышла* (лит. *багъышта*) «посвящать»; татар. *бутавыч* (лит. *бутагыч*) «мешалка, мутовка, месилка»; туркмен. *карткеш* (лит. *картбаз*) «картежник»; узбек. *адабиётшунос* (лит. *адабиётчи*) 2. «литературовед»]—отклонением от принятых в каждом отдельном случае словообразовательных норм и т. д.

Разговорные слова очень часто имеют общелитературный вариант. В тюркских языках подавляющая часть разговорной лексики является фонетическими (чаще) или морфологическими вариантами нейтральных слов, ср.: кар.-балк. *жыя* разг./*жая* лит. «лук (оружие)», *гюлте* разг./*кюлте* лит. «сноп», *бочха* разг./*бохча* лит. «кошелек», *берегет* разг./*берекет* лит. «обилие, изобилие, благодать», *эмдир* разг./*эмиз* лит. «кормить (грудью), дать сосать», *турдур* разг./*тургъуз* лит. «поставить, заставить встать»; киргиз. *эдет* разг./*адат* лит. «обычай, привычка, традиция», *бакал* разг./*бакалея* лит., *дайра* разг./*дарыя* лит. «море», *бөтөлкө* разг./*бутылка* лит., *туткуч* 1. разг./*тутка* 1. лит. «держалка, ручка», *себенчи* разг./*себенкер* лит. «виновник; фактор»; казах. *абуйыр* разг./*абиыр* лит. «совесть, честь; доброе имя, репутация», *багъызда* разг./*багъзыда* лит. «иногда», *жирен* 2 разг./*жииркен* «брезгать, гнушаться», *алда* разг./*алла* «бог», *автоматчик* разг./*автоматшы* лит., *англы* разг./*ангды* лит. «выслеживать, подкарауливать, подстергать; подсиживать».

Данная группа разговорной лексики в толковых словарях тюркских языков получила в основном правильную стилистическую характеристику.

Однако разговорные слова могут и не иметь общелитературного варианта, например: кар.-балк. *ачыгъаууз* «ротозей», *эски-бусху* «тряпье»; татар. *апуйка* «кожа из шкуры теленка (выделанная)», *буткалану* «сгуститься (о пище)»; узбек. *азавозлик* «неуместные, ненужные слезы», *бойтеват* 1. «лохматый пес», 2. «взлохмаченный, лохматый (о человеке)», *миркъурукъ* «о человеке, не имеющем ни единого

гроша»; туркмен. *гысырак* «жеребенок (кобылка)», *келлекесер* «головорез» и т. п.

В отличие от разговорных для просторечных форм стилистическое соответствие стабильному (неколеблющемуся) и нейтральному нормативному варианту является обязательным.

Таким образом, если, обладая резкой стилистической окраской, просторечные варианты обязательно соответствуют стабильным и нейтральным эквивалентам литературного языка (Граудина, 1977, 111), то для разговорных вариантов это условие необязательно.

Отмеченные выше трудности разграничения просторечной и разговорной лексики отражены и в толковых словарях тюркских языков. В одних из них, например в ТСКЯ¹ и СТЯ, просторечные и разговорные слова не разграничиваются, т. е. характеризуются общей пометой «разговорное», в других (ТСКЯ² и ТСУЯ), хотя и сделана попытка разграничить эти разряды лексики, с пометой «просторечное» приводятся лишь единичные слова и значения слов. Так, например, в анализированных нами I—V томах ТСКЯ² с пометой «просторечное» приведены всего лишь 24 слова и значения слов: *акъмагътамбет* «водка», *атаусыз II* «не имеющий пищи, еды», *кӧндимбай* «терпеливый», *кйшик 3.* «щенок (о человеке)», *бесбармакъ* «бешбармак (кушанье)», *бопалакъ* «неуклюжий, неловкий», *бопаламдан* «смешиваться, примешиваться», *бокъты* «дерьмо», *бопау* «рыхлый, дряблый (о человеке)», *боржы* «вздymаться бугорками (о сильно вспотевшем лице)», *бос* «заливать (обманывать)», *бӧсербай* «обдувало (обманщик)», *бӧшкебай* «толстобрюхий», *ботты* «ладно, добро», *бӧснебай* «брехня», *дорбалангда* «двигаться неуклюже, неповоротливо (о здоровяке)», *жырбакъай/жыртакъай* «некстати расплывающийся в улыбке», *жапырай* «казаться низеньким, приплюснутым», *жырби* «выпучить, вытаращить (глаза)», *жырбангда/жырбынгада* «некстати расплываться в улыбке», *жуткъын* «жратва», *кебенек II (2)* (брань по адресу коз). Однако и эти слова не все являются просторечными. Например, не являются такими слова *бесмармакъ*, *кебенек II (2)*, *ботты*, *жырбангда*, поскольку они лишены экспрессии сниженности, грубости, в непринужденной беседе употребляются всеми носителями казахского языка.

В ТСУЯ как просторечные зарегистрированы лишь значения следующих общеупотребительных слов: *акъилдокъ 2.* перен. «плакса», *3.* перен. «ворчун», *акъилламокъ 2.* перен. «трепаться», *3.* перен. «без конца плакать (о ребенке)»,

йургъа 2. перен. (о женщине легкого поведения), *йугъон* 2. перен. «тяжелый (трудный)», 4. перен. «здоровенный (о человеке)», *латта* 4. перен. «растяпа», *нусха* 6. перен. «физиономия (лицо)», *тунгъиз* 2. перен. «свинья (о человеке)», *турткуз* 2. «четырёхглазый (об очкастом человеке)», *чакъшмокъ* 2. «случка (о собаках)».

Конечно, просторечий в этих словарях немало, однако одни из них (подавляющее большинство) отнесены к разговорному стилю, а другие — к нейтральному.

В толковых словарях тюркских языков, как и в тюркско-русских словарях, широко представлены слова общенародного разговорного языка, но во многих случаях даны без ограничительных помет, т. е. наравне с нормативными словами, например: киргиз. *бакыр III* «реветь (о человеке)», *дардаке* «пустозвон», *кӧӧдӧн* «хвостун», *ит* 3. «собака (о человеке)», *былжырак* 2. «растяпа», *келжире* «болтать», *тапан* 2. «пройдоха», *тартагай* «долговязый», *кассирша*, *болтогой/борсогой* «бутуз»; казах. *валерьянка*, *карболка*, *бадбахыт* «бесстыдный, бессовестный», *аралша* «островок», *кэмпит* «конфета», *байкъампаз* «наблюдательный, осматривательный», *жэшикше* «ящикек»; узбек. *алкоголик*, *валерьянка*, *раскладушка*, *буёкъли* «крашенный», *бузачи* «человек, занимающийся изготовлением и продажей бузы», *бошсиз* 2. перен. «безголовый», *каллакесар* «головорез»; туркмен. *русчалатмак* «говорить по-русски», *худайсыз* «безбожник», *келлесиз* «безголовый», *келлели* «умный, рассудительный», *итлик* «свинство».

Обратное смешение, т. е. отнесение слов нейтральных в стилистическом отношении к разговорному стилю, встречается сравнительно меньше. Сюда относятся, например, такие слова, как узбек. *бомбардимончи* 2. «бомбардировщик (летчик)», *градусник*, *булка*, *дипломат* 2. перен., *заявка*, *закончи* «законник»; татар. *автоматчи* 2. «автоматчик (боец)», *бизнес*, *демисезон* «демисезонный», *допрос*, *записка*, *заправка*, *икра*; киргиз. *давхоз*, *завуч*, *кийикчи* «охотник за дикими животными (кроме свиньи)», *градусник*; туркмен. *дифтерит*, *доктор I*, *докторлык I* «профессия и деятельность врача», *дэлилик* 2 «чуждачество, дурачество», *дамка* (в шашечной игре) и др.

В ряде словарей, особенно в ТСКЯ¹ и ТСКЯ², зафиксировано довольно много архаичных фонетических вариантов русских заимствований типа киргиз. *борстой* «простой», *бӧдрӧт* «подряд», *кӧпӧш/кӧпӧс* «купец», *баратке* «порядок», *оёзной* «уездной», *полдомочун* «уполномоченный», *печет*

«печать», *кеперес* «купорос», *кенсе/кенсалар* «канцелярия»; казах. *агъус* «август», *этбекет* «адвокат», *этирет* «отряд», *кэмперке* «конфорка», *кэмпескеле* «конфисковать», *кэмпит/къампит* «конфета», *кйртке/кйрткi* «куртка», *китiр* «хутор». Подобные слова ныне встречаются только в речи старшего поколения. В литературном же языке все они уже имеют чисто русское звучание или заменены исконными словами, ср.: *боростой* — *жөнөкөй, бөдрөт* — *подряд, көпөш/көпөс* — *купец, баратке* — *тартип* и т. п. Поэтому включение упомянутых архаизмов в словник представляется лишним. То же самое нужно сказать и об архаичных производных словах, образованных в свое время от приведенных устарелых форм русских заимствований. Тем не менее такая явно устарелая лексика иногда попадает еще в словник, например: киргиз. *бөдрөтчiй* «подрядчик», *бараткеле* «привести в порядок», *бараткелет* (понуд. от *бараткеле*), *бараткелөбө* (и. д. от *бараткеле*); казах. *кэмпескелен* (страд. от *кэмпескеле*), *кэмпескелену* (и. д. от *кэмпескелен*), *кэмпескелеу* (и. д. от *кэмпескеле*).

При отборе лексики устной речи как в тюркско-русские, так и в тюркские толковые словари не всегда учитываются семасиологическая ее значимость и структурное своеобразие. Поэтому в этих словарях наряду с общеупотребительными разговорными словами, в большинстве случаев не имеющими ссоответствия в нормированном литературном языке, встречаются элидированные варианты словосочетаний, типа татар. *нишлэй* «что делает» (<*ни эшлэй*), *нитi* «что делать» (<*ни эти*) или сложных слов вроде киргиз. *биерде* «на этом месте» (<*бул жерде*), *быяк* «эта сторона» (<*бул жак*), *каяк* «какая сторона» (<*кай жак*); казах. *апкел* «привести; доставить (сюда); принести» (<*алып кел*), *апар* «отнести, отвезти, отвести» (<*алып бар*), *къазеке* (вежливая форма обращения к казаху старше себя) (<*къазакъ аке*) и т. п. Несмотря на то, что все эти образования подкреплены примерами из художественной литературы, они не должны быть в нормативных словарях — не являются словами.

В анализируемых словарях смешиваются между собой не только разговорные и литературные, но и просторечные и литературные слова и значения слов.

1. Стилистически нейтральные слова и нейтральные значения слов неверно отмечены как просторечные: *анафем(а)*, *артель* 2. (объединение людей), *барчук* 1. уст., *артистларча* 2. перен. «артистически (очень искусно)» (ТСТЯ); *бесмармакъ* «бешбармак (кушанье)», *кебенек* 11

(2) «брань по адресу коз», *жырбында* «некстати расплы-ваться в улыбке» (ТСКЯ²).

2. Просторечные слова и просторечные значения слов отмечены как стилистически нейтральные: *бокъта* «бранить, грубо ругать», *кеще* «балбес», *былжыра* «ерундить», *богъауыз* «сквернослов», *бокъ 1* «дерьмо» (ТСКЯ²); *сулагай* 3. перен. ирон. «левый (о работе, заработке)», *баранка* 2. «баранка (рулевое колесо машины)» (ТСТЯ); *дузсуз* 2. перен. «бесмысленный; глупый, нелепый; пошлый», *яман 1 (2)* «очень, в сильной степени», *амалиётчи* «деляга», *хотинбоз* «бабник» (ТСУЯ) и др.

Стилистически нейтральные, разговорные и просторечные слова в ТСТЯ дифференцированы намного лучше, чем в толковых словарях других тюркских языков. Однако во многих случаях и здесь не разграничена разговорная и просторечная лексика.

Сравним следующие ряды слов.

1. *Анонимка*, *акаю* 1. «выпучиться, тарашиться, выкатиться (о глазах)», *акай* «выпученный (о глазах)», *баламут*, *буржуй*, *бушату* 6. перен. «осушить (выпить содержимое чего-н.)», *выжт* 5. «вон», *кассаця* (заявление с просьбой), *агач* 3. «болван».

2. *Бетерй* 5. перен. «убить; разгромить (врага); уничтожить», *контр* «контра», *салу* 55. «дать (ударить)», *атакай* 2. «отец (вежливое обращение)», *ана* 2. «мать (вежливое обращение)», *корсак* 3. перен. (о пузатом человеке), *корсаклы* «брюхатый», *планерка*.

Слова первого ряда активно используются всеми владеющими литературным татарским языком и не обладают заметной экспрессией сниженности. Следовательно, они являются разговорными. Однако в ТСТЯ эти слова рассматриваются как просторечные.

Что касается слов второго ряда, то, исходя из определения просторечия, их нужно было квалифицировать как просторечные: для одних из них характерна грубоватость или даже грубость (*корсак* 3., *корсаклы*, *бетерй* 5, *салу* 55), для других — ласка (*ана* 2, *атакай* 2). Тем не менее в ТСТЯ все эти слова отнесены к разговорным.

Слова, ничем не отличающиеся в стилистическом отношении, в рассматриваемых словарях часто характеризуются по-разному. Например, вряд ли можно найти обоснование для стилистического разграничения следующих пар слов:

<i>куянчы</i> (разг.) «кроликовод»	— <i>кукурузчы</i> (без пом.) «кукурузовод»
<i>вира</i> (разг.)	— <i>майна</i> (без пом.)
<i>валерьянка</i> (разг.)	— <i>карболка</i> (без пом.)
<i>кабинка</i> (разг.)	— <i>конторка 1</i> (без пом.) (ТСТЯ).
<i>хайван 2</i> . разг. «скотина (о человеке)»	— <i>эшек</i> «осел (о человеке)» (без пом.)
<i>копирка</i> (разг.)	— <i>анонимка</i> (без пом.) «анонимка»
<i>кабинка</i> (разг.)	— <i>рамка</i> (без пом.) (СТЯ)
<i>арыншыл</i> (разг.) «норовистый (о лошади)»	— <i>арызшыл</i> (без пом.) «жалобщик, кляузник»
<i>дардакѣта</i> (разг.) «хвастать, бахвалиться»	— <i>жалтакѣта</i> (без пом.) «боязливо озираться, смотреть с опаской на кого-, что-нибудь (многokратно)»
<i>аспазшылыкѣ</i> (разг.) «профессия повара»	— <i>аяршылыкѣ</i> (без пом.) «хитрость, плутовство» (ТСКЯ ²)
<i>мол 2</i> (разг.) «скотина (о человеке)»	— <i>ит 2</i> (без пом.) «собака (о человеке)»
<i>булка</i> (разг.)	— <i>буханка</i> (без пом.) (ТСУЯ)

Даже одни и те же слова нередко получают разную стилистическую квалификацию, ср.:

ТСТЯ	СТЯ	ТСКЯ ¹	ТСКЯ ²	ТСУЯ
<i>анонимка</i> (прост.)	<i>анонимка</i> (без пом.)	<i>анонимка</i> (разг.)	—	<i>анонимка</i> (разг.)
<i>буржуй</i> (прост.)	—	<i>буржуй</i> (разг.)	<i>буржуй</i> (разг.)	<i>буржуй</i> (разг.)
<i>градусник</i> (без пом.)	<i>градусник</i> (без пом.)	<i>градусник</i> (разг.)	—	<i>градусник</i> (разг.)
<i>булки</i> (разг.)	<i>булка</i> (без пом.)	<i>бѣлкѣ</i> (без пом.)	<i>бѣлке</i> (без пом.)	<i>булка</i> (разг.)
<i>буханка</i> (разг.)	<i>буханка</i> (без пом.)	—	—	<i>буханка</i> (без пом.)
<i>дунгыз 2</i> (перен. прост.)	<i>донгуз 2</i> (без пом.)	—	<i>донгыз 2</i> (перен.)	<i>тунгыз 2</i> (перен.)

Таким образом, в существующих толковых словарях тюркских языков дело с разграничением просторечной лексики от разговорной и нейтральной обстоит неблагоприятно. В стилистических оценках слов этих групп наблюдаются существенные колебания и разногласия. При этом разные квалификации приняты не только в разных словарях, но нет единства и в пределах одного словаря. Более или менее удачно разграничена нейтральная лексика и та часть разговорной лексики, которая является фонетически и морфологическими вариантами нейтральной. В некоторых словарях (ТСКЯ¹ и СТЯ) даже не предпринята попытка разграничения просторечной и разговорной лексики, вся она приведена с пометой «разговорное». Составители ТСУЯ и ТСКЯ², хотя и попытались, тоже не смогли решить эту задачу: в этих словарях как просторечные охарактеризованы лишь некоторые слова. В ТСТЯ просторечная, разговорная и нейтральная лексика разграничена в основном правильно, однако и в нем имеются упущения.

Окказиональные слова

В лингвистической литературе учебного характера окказиональные слова обычно не отграничиваются от неологизмов. Они характеризуются как особая разновидность последних, а именно: как индивидуальные (Фомина, 1978, 227—228) или индивидуально-стилистические (Валгина и др., 1964, 40—41; Шанский, 1972, 161; Калинин, 1978, 114; СРЯ I, 1979, 215) неологизмы. Однако многие лингвисты признают, что одного термина «неологизм» «явно недостаточно для описания многообразия фактов, связанных с появлением новых слов» (Ханпира, 1966, 30) и что окказиональные слова и неологизмы должны быть разграничены (Фельдман, 1957, 72; Лопатин, 1973, 64; Чиркова, 1975, 91—101; Розенталь, Теленкова, 1976, 240). Поэтому они считают, что к словам, которые возникают под пером писателя, журналиста, публициста — вообще любого носителя языка, нецелесообразно применять термин «неологизм», и предлагают называть их иначе. Наиболее распространенное название субъективно образованных новых слов — окказионализмы.

Известно, что неологизмы, вошедшие в общее употребление, как правило, включаются в словник общих словарей. Что же касается окказионализмов, то они, по мнению лексикологов и лексикографов, могут быть предметом только специальных словарей или словарей языка отдель-

ных авторов (Фельдман, 1957, 73; Лопатин, 1973, 147)*. Поэтому, чтобы не включить окказионализмы в словарь по ошибке, необходимо отличать их от неологизмов, вошедших во всеобщее употребление, т. е. от новых слов литературного языка.

Как же создаются окказиональные слова? Давно замечено, что окказиональные слова, как правило, являются продуктом фантазии мастеров художественного слова. При непринужденном выражении, в письмах и т. п. окказионализмы возникают и у таких авторов, в чьих произведениях они намеренно не употребляются. Окказиональные слова создаются не только художниками слова. Их «авторами» могут быть критики, рецензенты, журналисты и т. д. Большое количество таких слов создается в разговорной речи. А. Г. Горнфельд писал по поводу окказиональных слов: «Человеку нужно слово, оно живо, стихийно, легко срывается у него с языка... оно понятно ему, оно понятно его собеседнику — чего еще?» (1927, 173).

Иногда человек сам не замечает, что в своей речи употребляет окказиональное слово. Приведем один пример. К. И. Чуковский резко осуждает тех, кто употребляет в своих произведениях окказиональные слова: «Больно читать ту свирепую строку, которую сочинила одна поэтесса в Москве: Ах почаще б с шоколадом... *щербси!*— Нужно не навидеть ребят, чтобы предлагать им такие языколомные *щербши*. Не мешало бы сочинителям подобных стихов поучиться у тех малышей, которым они царапают горло своими корявыми *щербшами*» (1956, 272). Но в то же время автор этих строк не замечает того, что сам употребляет окказионализм *языколомный* вместо литературного *корявый*.

Наиболее важными специфическими признаками окказиональных слов, отличающими их от обычных (реальных), являются: 1) принадлежность к речи, 2) ненормативность, 3) нерегулярная воспроизводимость, 4) творимость, 5) экспрессивность, 6) производность, 7) синхронно-диахронная диффузность и 8) индивидуальная принадлежность (Лыков, 1977, 64—65).

Поясним эти признаки.

1) В отличие от обычного слова, которое является лек-

* Правда, по мнению отдельных авторов (например, А. К. Авдеева), «составители напрасно отказываются от включения в словарь слов малораспространенных: читатель именно их ищет в Словаре» (ВЯ, 1956, 100).

сической единицей языка, окказиональное слово — лексическая единица речи. «Окказиональное слово — это речевая реализация словообразовательных возможностей языка, заложенных в его системе, это результат словообразовательной импровизации по готовым установившимся образцам» (Лыков, 1977, 65).

Обычное и окказиональное слово в речи функционируют неодинаково. В отличие от обычного, наличие окказионального слова в тексте необязательно, факультативно, в известном смысле даже случайно.

2) Обычное слово характеризуется нормативностью, а окказиональное слово ненормативно. Окказионализм — это неправильность, т. е. нарушение грамматических, словообразовательных, семантических норм. Однако эта неправильность обусловлена не незнанием литературных норм, не невнимательностью к ним, не артикуляционно-физиологическими недостатками речи и т. д. Это почти всегда сознательный акт словотворчества, сознательная мотивированная неправильность.

3) Обычные слова воспроизводятся в литературном языке регулярно. Для окказиональных же слов характерна нерегулярная воспроизводимость. Различают три степени нерегулярной воспроизводимости: а) единичное употребление, что относится к словам, встретившимся в тексте только один раз; б) минимальную воспроизводимость, которая свойственна словам, неоднократно употребляющимся в одном или ряде текстов одного человека или в речи нескольких лиц, связанных отношениями сотрудничества, дружбы, семейными узами и т. д.; в) эпизодическую воспроизводимость слова, которая характеризует слова, стоящие на грани существования в общем языке: они время от времени появляются в языке разных авторов, но еще неизвестны большинству говорящих на литературном языке (Чиркова, 1975, 97).

4) Обычные слова, как только что отмечалось, воспроизводимы, т. е. повторяются в готовом виде. Окказиональные же слова характеризует творимость, т. е. они создаются как новые единицы в самом акте речи. Обычное слово, однажды возникнув, живет затем своей языковой исторической жизнью, используется в различных текстах. Окказиональное же слово невоспроизводимо, а создается заново всякий раз для каждого конкретного случая его употребления.

5) Экспрессивность обычных слов необязательна, в то время как все окказиональные слова экспрессивны. Окка-

зиональные слова не столько номинативны, сколько экспрессивны: в окказиональных словах по сравнению с обычными словами номинативная функция ослаблена, зато подчеркнута функция экспрессии.

6) Производность обычных слов не является обязательной, окказиональные же слова в словообразовательном отношении все являются производными.

7) Окказиональным словам свойственна синхронно-диахронная диффузность, обычным словам она чужда. Синхронная и диахронная стороны жизни обычных слов, а соответственно синхронный и диахронный аспекты их рассмотрения, относительно независимы и самостоятельны.

8) В отличие от обычных слов, окказиональным словам свойственна принадлежность отдельному лицу, они имеют автора. Поэтому окказиональные слова часто называют индивидуальными образованиями или индивидуальными словами.

Окказиональные слова обычно имеют оттенок свежести и новизны, и это сближает их с неологизмами, с новыми словами литературного языка. Они создаются по законам языка, по существующим в нем словообразовательным моделям, образцам, и в этом смысле не отличаются от языковых неологизмов. Например, карачаево-балкарское слово *шапачы* «официантка» (Х. Кациев) образовано так же, как *къаячы* «скалолаз»; *чабым* «расстояние, которое можно пробежать» (А. Теппеев) — как *жутум* «глоток», *атым* «шепотка»; *безирек* «высокомерный» (М. Геттуев) — как *юркек* «пугливый, шарахающийся в страхе (о животном)», *кзоркъакъ* «боязливый» и т. д.

Таких окказиональных слов много в карачаево-балкарской художественной литературе и прессе. Однако они не стали общеупотребительными.

Некоторые исследователи полагают, что ряд окказиональных слов не имеет лексического значения. Например, по мнению Н. Г. Комлева, окказиональные слова «глокая куздра», употребленные Л. В. Щербой, «...имеют грамматическую форму, способны, следовательно, входить в грамматическую систему...», однако лишены лексического значения (1969, 67).

Возражая против этого мнения, А. Г. Лыков пишет: «Глокая куздра» — это окказиональные слова с намеренно «вынутыми» лексическими значениями. Сказать же в отношении этих слов, что они просто не имеют лексического значения, — это значит ничего не сказать. Между тем щербовская «глокая куздра» полна глубокого смысла в том

отношении, что показывает относительную независимость лексического значения от его грамматического оформления в знаменательном слове. «Глокую куздру» мы можем оформить и как «глокое куздру» (средний род) и как «глокий куздр» (муж. род). Как ни парадоксально на первый взгляд, но «вынутость» лексического значения у этих двух окказионализмов как раз есть их лексическое значение» (1971, 76).

Однако следует отметить, что лексическое значение окказионализмов и обычных слов — не одно и то же. В отличие от обычных слов, лексическое значение окказионализмов не является общепринятым.

В тюркских языках нет словарей окказиональных слов. Никакого внимания не уделяется им и в грамматиках этих языков. В связи с этим может возникать сомнение в отношении словности окказионализмов. Однако, как справедливо отмечает А. Г. Лыков, окказионализмы следует считать собственно словами (1971, 73). «Не следует думать, что окказионализмы — это какие-то неполноценные или ущербные слова. Нет, это слова настоящие и даже более нужные в определенном контексте, более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные слова» (Лопатин, 1973, 65). Употребляясь чрезвычайно удачно, «они — на своем месте просто неизбежны» (Горнфельд, 1927, 173).

Таким образом, окказионализмы имеют лексическое значение, хотя оно и не общепринятое, являются собственно словами, существуют в речи одного лица или группы лиц, не обладают регулярной воспроизводимостью в современном литературном языке, не связаны системными отношениями с обычными словами, не прошли отбора.

Некоторые окказионализмы не бросаются в глаза. Их нелегко отличить от обычных, общеупотребительных слов языка. Обычно это бывает, когда слова принадлежат к очень продуктивному словообразовательному типу. Ср., например, в тюркских языках образование слов с помощью аффикса с отвлеченным значением **-лык** (см. ниже).

Окказионализмы, созданные по существующим в языке моделям, многие лингвисты называют потенциальными словами. «Они как бы потенциально существуют в языке, и нужен лишь внешний стимул, обусловленный речевой ситуацией, чтобы они были употреблены» (Лопатин, 1973, 71).

Другая разновидность окказионализмов — индивидуаль-но-авторские слова.

По сравнению с индивидуально-авторскими словами потенциальные слова в наименьшей степени воспринимаются как новые. Индивидуальное словотворчество здесь почти что не ощущается. Они прозрачны по структуре и значению и понятны вне контекста.

Индивидуально-авторские слова тоже обычно создаются по действующим в современном языке моделям, в той или иной степени продуктивным. Здесь нормы словообразования в основном не нарушаются. И все же эти слова «...звучат необычно именно в силу того, что привычный в языковом употреблении суффикс заменен в них другим» (Лопатин, 1973, 89).

Приведем примеры из балкарской художественной литературы.

Башир Мухтарны кружокга кийиучю бёркюн сыпдырды (А. Теплеев, Ташыуул, 320) «Башир стянул шапку Мухтара, которую он носил на кружок»; *Неди бу... эсде болмай, келип къалып, аны (Мухтарны) былай... кючсюннгюч этип къойгъан кёлсюзлюк?* (там же, 424) «Что за безразличие, которое пришло так неожиданно и заставило его (Мухтара) грустить?»; «*Кюйген гыржын» деп бир-бир безирек сабийле ат атагъан жашчыкъ (Омар), эсличик болуп... эл школну эшигин шош ачды* (М. Геттуев, Жюрекле бла алтын къолла, 133) «Мальчик (Омар), которого некоторые дети-шутники прозвали «прогоревший хлеб», стал большим и впервые распахнул двери сельской школы».

В выделенных словах *сыпдырды*, *кючсюннгюч*, *безирек* привычные в языковом употреблении аффиксы **-ырт**, **-юучю**, **-учю** заменены другими — **-дыр**, **-нгюч**, **-к**.

Одни специалисты (Э. И. Ханпира, Е. А. Земская и др.) понимают под окказионализмами только индивидуально-авторские слова. Таким образом, противопоставляют окказиональные и потенциальные слова. Другие же (В. Н. Хохлачева, В. В. Лопатин и др.) потенциальные и индивидуально-авторские слова рассматривают под общим названием «окказионализмы». С этим следует согласиться, ибо «и те и другие представляют собой слова, отсутствующие в языковой традиции, следовательно, такие, которые создаются в момент речи, тогда как все остальные слова в момент речи воссоздаются, воспроизводятся как готовые единицы языка» (Хохлачева, 1942, 168).

Иначе говоря, как потенциальные, так и индивидуально-авторские слова создаются «по случаю», окказионально.

Выше мы уже говорили, что окказионализмы широко употребляются не только в художественной литературе и

не только отдельными авторами. Они нередко встречаются и в прессе. Однако широкая употребительность окказионализмов в литературной нормированной речи не означает, что они имеют «шансы» войти в литературную лексику. Употребление окказионализмов в литературной речи оправдывают «их функциональная целесообразность и изобразительные возможности» (Лыков, 1977, 78).

Как уже говорилось, окказионализмы не подлежат включению в общий словарь языка, поскольку «они засоряют его, создавая неправильное представление о словарном составе языка» (Фельдман, 1957, 72).

Как же решается этот вопрос в толковых словарях тюркских языков? Почти в каждом из них имеются окказионализмы. При этом все они в основном являются потенциальными словами. Особо следует говорить об абстрактных словах, созданных с помощью очень продуктивного аффикса *-лык*, обильно представленных в этих словарях. Ср.: азерб. *гызыллыг* «краснота, свойство красного», *гаралыг* «чернота, свойство черного», *агълыг* «белизна», *адъютантлыг* «должность адъютанта», *адмираллыг* «положение, обязанности адмирала», *губернаторлук* «должность губернатора», *газанчылыг* «профессия мастера, изготовляющего котлы», *гайнарлыг* «свойство кипяченого», *авторитетсизлик* «отсутствие авторитета», *бојакарлык* «занятие красильщика»; казах. *аюлыкъ* «хищничество», *бөрілік* «волчье свойство», *жолбарыстыкъ* «смелость, мужество», *бөрісіздік* «отсутствие волков», *буфетсиздік* «отсутствие буфета», *базарсыздық* «отсутствие базара», *акъсакъалшылыкъ* «старшинство (по возрасту)»; киргиз. *актык I* «белизна», *большевиктик* «положение последователя большевизма», *бакырчылык* «профессия медника, жестянщика», *бакытсыздык* «несчастье», *бакчачылык* «бахчеводство», *жумушсуздук* «безработица»; татар. *акчасызлык* «безденежье», *артталык I* «отставание», *буяучылык* «занятие красильщика», *властлылык* «положение властелина, повелителя», *бурычлылык* «положение должника», *кешелеклелек* «человечность»; туркмен. *аббатлык* «аббатство», *адвокатлык* «обязанности адвоката», *аяксызлык* «отсутствие ног», *аяллык* «положение девушки после замужества», *балетмейстерлик* «должность и обязанности балетмейстера», *баягчылык* «занятие красильщика», *дуканчылык* «профессия продавца», *доцентлик* «звание доцента», *драматурглык* «профессия драматурга» и т. д.

Все приведенные слова, за редким исключением, не подкреплены примерами, ни печатными, ни даже состави-

тельскими. Следовательно, слова эти сочинены самими составителями словарей по аналогии с литературными словами типа азерб. *адамлыг* «человечность», казах. *балалык* 1. «детство», 2. «ребячество», татар. *байлык* «богатство» и т. п.

Здесь необходимо учесть следующее обстоятельство. Включая искусственные новообразования типа *акъсакъалшылык*, *аклык*, *акчасызлык*, *бакчачылык* и т. п. в словник, составители толковых словарей, судя по всему, ориентировались на русско-тюркские словари, в которых русские эквиваленты данных слов являются самостоятельными лексическими единицами.

В некоторых словарях в качестве заголовочных слов встречаются и такие искусственные слова, как киргиз. *быт-былдыктат* понуд. от *бытбылдыкта* «кричать (о перепеле)», *жаталактат* понуд. от *жаталакта* «болеть мышками (о лошади)», *желиндет* понуд. от *желинде* «причинать, набирать вымя», *жумурткалат* понуд. от *жумурткала* «нести (о птице)» и др. Их тоже следует отнести к окказионализмам. Подобное сочинительство в литературном языке не может быть оправдано не только практически, но и теоретически: невозможно заставить перепела петь, корову причинать, набирать вымя, птицу нести, а лошадь болеть мышками.

Окказионализмы встречаются не только среди «простых», но и сложных слов, особенно среди повторов с различными фонеморфологическими изменениями редуликата. Такие повторы, как правило, имеют собирательное значение, сопровождаемое пренебрежительно-иронической оценкой, например: кар.-балк. *эски-мески* «старье, тряпье» (ирон.), *мал-сал* «скот (всякий)» (ирон.); киргиз. *эт-мет* «мясо всякое, всякого сорта» (ирон.), *айран-сайран* «кислое молоко (всякого качества)» (ирон.) и т. д.

Аналогичные повторы свободно образуются способом морфологической редупликации по образцам стабильных лексических единиц данного назначения типа кар.-балк. *аз-маз* «немного, мало-помалу, понемногу», *эски-бусху* «старье, тряпье», *акъсакъ-тукъсакъ* «хромые и подобные калеки» и т. д. от всех имен существительных предметного или конкретного значения. Однако в отличие от повторов-окказионализмов эти повторы характеризуются стабильностью своей структуры и лексического значения, широко употребляются в устной и письменной речи. На этом основании включение их в общетюркские словари как самостоятельных лексических единиц вполне оправдано. Но наряду с повторами — лексическими единицами в ряде толковых

словарей тюркских языков, а именно в ТСКЯ¹ и ТСУЯ, встречается довольно много окказиональных образований данного типа, например: казах. *арыз-марыз* «всякие жалобы», *боран-моран* «всякий буран, выюга, буря, смерч», *кбайык-пайык* «всякие лодки», *кзурай-сурай* «всякий курай», *аукзат-саукзат* «всякая пища, пропитание»; узбек. *мева-чева* «разные фрукты», *чанг-чунг* «всякая пыль; сор и пыль», *бурма-сурма* «с разными складками», *бултак-султак* «состоящий из разных кусков», *халта-хулта* «разные мешочки», *чаток-чуток* «запутанный, перепутанный» и т. д.

Как видно из приведенных примеров, редупликат повторов описываемого структурного типа не функционирует в языке как самостоятельная лексическая единица или не функционирует в данном значении. Однако это не означает, что любой из таких повторов является окказиональным. Среди них имеются и полноценные лексические единицы, подлежащие размещению и описанию в словаре на общих основаниях (см. выше). Следовательно, для лексикографии важно отличить окказиональные повторы от неокказиональных. Многие окказиональные повторы имеют общепотребительный синоним подобной же структуры. Ср., например, карачаево-балкарские окказиональные повторы *тамыр-мамыр*, *кзара-мара*, *эски-мески*, *кзан-ман*, *кзатыматы* и их литературные синонимы *тамыр-тумур* «всякие коренья», *кзара-кзура* «всякий черный, грязный», *эски-бусху* «старье, тряпьё», *кзан-кзун* «всякая кровь», *кзатыкзуту* «засохшие куски хлеба, корки хлеба». Однако это нельзя считать отличительным признаком окказиональности повторов с различными фонеморфологическими изменениями редупликата, так как абсолютное большинство последних не имеет литературного синонима. Таким признаком, видимо, является то, что в отличие от неокказиональных повторов в окказиональных повторах, как уже говорилось, собирательное значение обычно сопровождается пренебрежительно-иронической оценкой.

Это подтверждается фактами и других тюркских языков. Например, в башкирском языке повторы *агъас-магъас* «всякие деревья», *ит-мит* «всякое мясо», в татарском *агач-магач*, *ит-мит* имеют ироническое значение, поэтому оцениваются как окказионализмы, а повторы *аз-маз* «мало-помалу», *тимер-томор/тимер-томыр* «всякие железные изделия, лом» не имеют такого значения, они стилистически нейтральны, что говорит об их стабильности.

Следует особо подчеркнуть, что повторы, оба компонен-

та которых не обладают самостоятельным значением и употреблением, являются не окказионализмами, а самостоятельными лексическими единицами, поэтому справедливо включаются в общие словари. Это в основном имена прилагательные и наречия: киргиз. *апан-тапан* «неуклюжий»; башкир. *алпан-толпан* «вразвалку», *урыкъ-хурыкъ* «урывками»; татар. *алпы-салпы* «ленивый; нерешительный», *эпен-төпен* 1. «спотыкаясь, переваливаясь», 2. «кое-как, поспешно» и др. Значение их не сопровождается пренебрежительно-иронической оценкой.

Таким образом, при определении окказиональности и неокказиональности повторов, редурикат которых самостоятельно не употребляется, особую роль играет учет стилистических их особенностей.

Заемствованная терминология, не вошедшая в литературную норму

Известно, что нет языков, в которых лексика ограничилась бы только исконными словами.

Иноязычные слова имеются в каждом языке. Заимствование — результат языковых контактов.

Среди иноязычных слов различаются заимствованные, т. е. освоенные данным языком, и «чужие» (Шахрай, 1961, 53—59; Газанчян, 1972), т. е. не освоенные им, не вошедшие в его лексическую систему. Отбор иноязычной лексики первого типа (напр., *колхоз, совхоз, самолет, социализм, коммунизм, ракета, спутник* и мн. др.) для общих филологических словарей тюркских языков не представляет проблемы: она целиком отражается в них.

Основную часть иноязычной лексики второго типа в тюркских языках составляет обширная научно-техническая и отчасти общественно-политическая терминология, которая характеризуется своей употребительностью только в специальной литературе. Эта терминология проникает в тюркские языки через русский язык и притом главным образом через язык науки. Почти каждый исследователь, касающийся вопроса отбора терминологической лексики для общих филологических словарей, считает его одной из сложных и трудных проблем лексикографии (Ожегов, 1952, 99; Бабкин, 1955, 96; Филин, 1957, 47; Сороколетов, 1957, 123; Сергеев, 1955, 123—126; Юлдашев, 1972, 88; Берков, 1973, 62—63; Князькова, 1978, 27; Перерва, 1979, 107). Трудность заключается в том, что вслед за составителями

толковых словарей русского языка составители толковых словарей тюркских языков руководствуются весьма общепринятым принципом, согласно которому в словарь включаются лишь термины «широко употребительные» или «общеупотребительные», а «узкоспециальные» туда не допускаются. Однако они в большинстве случаев не располагают объективными данными о том, какие из специальных терминов стали общеупотребительными, а какие и ныне являются лишь узкоспециальными. Для того чтобы решить этот вопрос, составитель словаря должен обладать энциклопедическими знаниями в различных областях науки и техники, что вряд ли возможно. Поэтому в оценке употребительности терминов лексикографы нередко допускают субъективность: термины, которые одни из них считают широко распространенными, другие относят к узкоспециальным. Так, например, термины *абсентеист*, *абсорбент*, *аутогемотерапия*, *аддент*, *булава* и десятки других составители однотомного СТЯ посчитали общеупотребительными и зафиксировали. Эти же термины составителями двухтомного ТСУЯ, трехтомного ТСТЯ и даже десяти томного ТСКЯ² верно оценены как узкоспециальные и в состав словника не вошли.

Понимая расплывчато, далеко не однозначно принцип общеупотребительности, ряд исследователей считает необходимым конкретизировать его. Так, по мнению Ф. П. Филина, общеупотребительность термина должна подтверждаться надежными письменными источниками, к которым он относит в первую очередь «...научно-популярные книги, брошюры и статьи, стабильные учебники для средних школ, лучшие произведения художественной литературы» (1957, 48). Умелый подбор источников, т. е. ориентация на включение более информативных видов их, может и должен служить достижению рационального отбора заимствованной терминологии. Однако это не следует рассматривать как панацею. Об этом совершенно правильно пишет Л. Гильбер: «Лексикографы, у которых нет иной мерки, чем их собственное чувство языка и их собственная культура, сходятся на том мнении, что уровень языка, отражаемый прессой и неспециальными журналами с их дозировкой общей и специальной лексики, достаточно точно соответствует среднему уровню языковой общности коллектива. Но критерии эти расплывчаты и субъективны. Точный анализ различных словарей и соотношений в них общеупотребительной и специальной лексики согласно с социопрофессиональными и социокультурными факторами представ-

ляет обширное поле для социолингвистических исследований» (1961, 10).

Документированность тех или иных терминов в названных источниках не всегда может свидетельствовать о широком их распространении или общеупотребительности. Объясняется это следующими обстоятельствами. Научно-популярная литература рассчитана на читателей «...с весьма различной общекультурной и специальной подготовкой» (Берков, 1973, 65), и в ней встречается довольно много терминов, которые известны только узкому специалисту. Учебники средней школы излагают основы наук, терминология которых в силу осуществления всеобщего среднего образования в нашей стране становится достоянием языка широких масс советского народа. Но тем не менее в учебниках общеобразовательной школы, например, в учебниках химии, геометрии, физики и др., имеется большое количество терминов, которые практически никогда не встречаются вне специальных текстов. В художественной литературе тоже нередко встретить случаи употребления малоизвестных для широкого читателя терминов. С другой стороны, нельзя сказать, что в художественной литературе употребляются «...даже самые важные термины каждой из многочисленных отраслей знания и деятельности людей» (Перерва, 1979, 108—109).

Некоторые исследователи справедливо считают, что для того, чтобы критерий документированности источника стал приемлемым, одних печатных источников недостаточно. Нужно еще охватить статистической обработкой радио- и телепередачи, кино, публичные лекции и мн. др. (Перерва, 1979, 109), а также провести специальные статистико-социологические исследования по установлению словарного запаса среднего носителя языка (Берков, 1973, 69).

Вряд ли можно считать надежным критерием оценки употребительности терминов и картотеку выписок из литературных произведений, так как, во-первых, обычно не все литературные произведения картографируются, а, во-вторых, в литературные произведения попадает лишь незначительная часть общего числа терминов.

Проблема отбора терминологической лексики для общих филологических словарей некоторых тюркских языков, помимо указанной, имеет еще и другую сложность, которая связана с необработанностью и неупорядоченностью специальной терминологии. Примером может служить, например, язык карачаевцев и балкарцев, которые в силу не-

которых исторических причин позднее соседних народов оказались вовлеченными в современное производство и современную науку.

Таким образом, предлагавшиеся до сих пор принципы и критерии отбора терминологической лексики для толковых словарей тюркских языков, т. е. принцип общеупотребительности, критерий документированности терминов письменными источниками, применение картотеки выписок из литературных произведений, по существу сводятся к учету частотности употребления терминов в общелитературном языке.

Предположим, что лингво-математическими методами обследования будут полностью охвачены все возможные сферы употребления терминов и получены объективные данные об их частотности в том или ином общелитературном тюркском языке. Однако «...частотная характеристика слова, хоть и установленная с достаточно большой точностью, не всегда отражает важность слова для общения людей...» (Берков, 1973, 24). Частота употребления слова объективно отражает степень употребительности его. В качестве критерия отбора в словарь она может быть применена в основном в том случае, когда речь идет о языковых дублетах, вариантах, словообразовательных параллельных формах (Ожегов, 1952, 95—98; Перерва, 1979, 110).

Анализ лексикографических работ по вопросам словника толковых словарей русского и тюркских языков показывает, что к отбору терминологической лексики применяются принципы и критерии отбора слов других лексических слоев, таких, как архаизмы, историзмы, диалектизмы и т. д. Однако это неправомерно, во-первых, потому, что при этом игнорируется специфика терминов, их особая роль в жизни общества, во-вторых, потому, что «слова этих слоев отбирают из числа тех, которые действительно реально употребляются в обследуемых источниках письменной и устной речи, а отдельные слова-термины, нужные для общего словаря, могут и не употребляться в общелитературных источниках (что и наблюдается в действительности), будучи тем не менее известными и понятными носителям языка, не являющимся специалистами соответствующих отраслей знания» (Перерва, 1979, 111).

Исходя из этого, В. М. Перерва справедливо считает, что в решении вопросов отбора терминов в общий словарь нужно исходить не из принципа «общеупотребительности», а из принципа общеизвестности их (1979, 111), так

как употребительность термина говорит о частной встречаемости его, а общеизвестность означает, что носители языка знают значение данного термина, оно им понятно. Следовательно, принцип «общеупотребительности» терминов, укоренившийся в русской и тюркской лексикографии, представляется правомерным заменить принципом общеизвестности.

Общеизвестными становятся, как правило, общественно значимые, актуальные термины, т. е. те термины, в которых отражены наиболее общие, основные элементы знаний об окружающем человека мире, о природе и обществе, о всех сферах науки, техники, производства и искусства.

Среди терминов обычно различают: 1) термины, употребляющиеся во многих отраслях знания и деятельности и 2) термины, относящиеся к отдельным отраслям знания и деятельности. Термины первой группы имеют общенаучный и общетехнический характер, т. е. употребляются специалистами различных наук. Это термины типа *адаптация, вариант, модель, октава, система, тип, типология* и мн. др. Они общеизвестны, поэтому их следует включить в толковые словари тюркских (а также и других) языков, особенно в словари среднего и большого объема, полностью. Проанализировав словники толковых словарей тюркских языков, можно убедиться, что составители их хорошо справились с этой задачей.

Что касается терминов второй группы, т. е. отраслевых терминов, то проблема отбора их для включения в названные толковые словари представляет большую трудность. При разрешении этой проблемы необходимо руководствоваться принципом общеизвестности и помнить, что этот принцип базируется на факторе общественной значимости терминов.

Многие исследователи, касающиеся вопроса отбора терминологической лексики в общие филологические словари, противопоставляют значимость термина-понятия в системе понятий области знания его «общественной значимости» (Ожегов, 1952, 110; Сороколетов, 1957, 124; 1978, 13; Филин, 1957, 43; Бабкин, 1970, 18—19; Берков, 1973, 69; Гречко, 1977, 94). Такое противопоставление представляется неправомерным, так как наиболее важные понятия-термины области знаний оказываются и общественно значимыми для общенародного языка — входят в круг терминов, которые общеизвестны или должны быть общеизвестны.

Таким образом, между общественной значимостью тер-

минов и степенью их важности в соответствующей системе понятий нет никаких противоречий. «Важность термина-понятия в системе понятий определяет и его социальную значимость» (Перерва, 1979, 115).

В толковые словари тюркских (да и не только тюркских) языков можно включать ту часть отраслевых терминов, которая отражает важнейшие, наиболее общие и устойчивые понятия конкретной области знания, ибо они в общеупотребительный язык проникают прежде всего и легче всего. В общем литературном языке такие термины «функционируют почти в таком же качестве, как и в сфере специального употребления той или иной отрасли науки, техники, искусства и т. п.» (Бабкин, 1971, 16).

Можно считать общеизвестными, освоенными в тюркских языках и включать в их толковые словари отраслевые термины, которые отвечают следующим условиям:

1. Если слово помимо своего основного, терминологического значения приобрело другое — нетерминологическое. Это является убедительным доказательством его активного употребления в живой речи. Такие термины можно включать в словарь даже в случае недостаточной их документации в материалах картотеки (Малаховский, 1977, 104—105). Например, слово *апогей* в татарском языке употребляется не только как астрономический термин, но еще в переносном значении — «высшая степень, расцвет чего-нибудь». Это явление показывает особые условия функционирования данного термина в общем литературном татарском языке и свидетельствует о его своеобразном семантическом переждении. Поэтому включение термина *апогей* в ТСТЯ вполне оправдано. Этого нельзя сказать относительно включения его в ТСУЯ и ТСКЯ², ибо в узбекском и казахском языках *апогей* употребляется только терминологически.

2. Если термин имеет производные слова, свидетельствующие о его словообразовательной активности, и особенно когда это подтверждается цитатами. Так, например, включение терминов *гранула*, *вакса*, *валторна*, *ваниль*, *ватерполо*, *гарпун*, *девальвация*, *дегустация* в ТСТЯ, *городки*, *гравюра*, *вектор*, *вёрстка*, *гидролиз*, *гидрофон*, *графа* в ТСКЯ², *брикет*, *дезинфекция*, *радиоактив* «радиоактивный», *паром*, *памфлет* в ТСУЯ оправдывается тем, что все они имеют производные слова, иллюстрируемые цитатами, например: *гранулалау* «гранулировать», *ваксалау* «ваксить», *валторначы* «валторнист»...; *городкиши* «городошник», *гравюрала* «гравировать», *векторлык* «векторный»...; *брикетла-*

мокъ «брикетировать», дезинфекцияламокъ «дезинфицировать», радиоактивлик «радиоактивность» и др.

Однако надо иметь в виду, что не все заимствованные отраслевые термины, имеющие производные слова, являются общеизвестными. На примере тюркских языков видно, что очень часто термин заимствуется вместе со своим производным словом (или производными словами). Такими являются, например, следующие термины, включенные в ТСУЯ и ТСКЯ²: *генеалог* и *генеалогия*, *витализм* и *виталист*, *гастроскоп* и *гастроскопия* (ТСТЯ); *дезинсектор* и *дезинсекция*, *радикал* и *радикализм*, *рефрактор* и *рефракция*, *газификатор* и *газификация*, *абсолютизм* и *абсолютист*, *детерминизм* и *детерминист* (ТСУЯ); *вандал* и *вандализм*, *вакцина* и *вакцинация*, *гистоген* и *гистогенез*, *гегемон* и *гегемония*, *бутафор* и *бутафория* (ТСКЯ²). Здесь производные так же не известны для носителей татарского, узбекского и казахского языков, как и сами производящие термины. Поэтому приведенные производящие и производные от них термины не должны были стать объектом описания толкового словаря.

Следовательно, о словообразовательной активности заимствованных терминов может свидетельствовать обычно образование от них производных слов средствами заимствующего языка.

Что касается производных слов, образованных от иноязычных корней с помощью продуктивных в заимствующих, т. е. тюркских, языках, аффиксов (см. выше аффиксы *-ль*, *-лыкъ*, *-лау*, *ламокъ*, *-чы*), то они, на наш взгляд, должны рассматриваться как составная часть лексической системы этих языков и включаться в их общие филологические словари на общих основаниях. В. В. Виноградов писал, что при создании новых терминов должны полностью использоваться словообразовательные возможности конкретного языка и лишь в необходимых случаях возможно заимствование иноязычных терминов (1961, 5). Однако эта установка не всегда соблюдается в тюркских языках. Так, например, при заимствовании многих терминов — именных образований, обозначающих названия профессий, в ряде тюркских языков не использованы словообразовательные возможности, имеющиеся в них, ср.: татар. *аквалангист*, *бунтарь*, *лифтер*; узбек. *авиатор*, *анархист*, *провокактор*; казах. *акционер*, *диверсант*, *коллекционер* и др. В данном случае желательно было бы использовать аффикс *-чы*: *аквалангчы*, *бунтчы*, *лифтчи*, *авиациячи* и т. п., ибо носителям этих языков такие формы более понятны.

Толковые словари создаются не только для научных работников, учителей, студентов, но и для среднего представителя общества, т. е. для человека, имеющего общее среднее образование. Названная часть отраслевых терминов должна входить в словарный запас такого человека. А если иметь в виду то обстоятельство, что такие словари обновляются не раньше, чем через каждые 15—20 лет, то, видимо, нужно исходить «из фактического словарного запаса, каким должен был бы владеть член общества, с учетом тех требований по общенаучной и общетехнической осведомленности и культурному уровню, которые будут предъявляться к всесторонне развитому человеку в ближайшем будущем...» (Перерва, 1979, 115).

Какое же внимание уделяет тюркская академическая лексикография процессам проникновения терминологической лексики в родной язык и ее отражению в толковых словарях? Надо прямо сказать, что совершенно недостаточное. В инструкциях (Инструкция II, 1964, II—12; Инструкция I, 1964, 7; Инструкция, 1956, 4) и руководствах (Руководство, 1966, 1; Руководство, 1964, 14) для составления толковых словарей, а также во введениях (напр., ТСКЯ², 1974, 8) к словарям уделяется всего лишь несколько строк, причем положения, содержащиеся в этих изданиях, не носят строго научного характера. Декларативно заявляется, что из терминов в словарь вводятся лишь «вошедшие в широкое употребление», «общеупотребительные», употребляемые в учебниках и учебных пособиях средних школ, научно-популярной литературе и в общей прессе. Но это положение сплошь и рядом нарушается почти каждым словарем, при этом не только двух- и многотомным, но даже и одготомным, абсолютное большинство терминов не содержит иллюстраций из указанной литературы, в лучшем случае при них имеются только ссылки на энциклопедии, терминологические словари, переводную литературу и т. д. Так, например, термины *аббатиса*, *абсентеизм*, *агава*, *адонит*, *бальнеология*, *бенуар*, *вагранка*, *гигроскоп*, *палладий*, *паллиатив*, *паппатачи*, *реборда*, *ректификат*, *релятивизм*, *рококо*, *сфероид*, *теократия*, *террарий*, *типаж*, *цедра*, *цедрат*, *цехгауз*, *циан*, *цикада*, *цикламен*, *цикута*, *цинерария*, *цинния* и мн. др., помещенные в одготомном СТЯ, не подтверждаются примерами, тогда как все освоенные заимствованные термины имеют примеры из художественной литературы и периодической печати (ср. *палас*, *парашиют*, *плотина*, *подшипник*, *репетиция*, *репер-*

туар, рюмка, рядовой и др.). Следовательно, они не освоены туркменским языком и поэтому их не надо было включать в сугубо нормативный словарь. Многие из этих терминов, например, *аббатиса, адонит, гигроскоп, палладий, папатачи, паралогизм, сфероид, цедрат, цинния* и др., из-за узости сферы употребления не включены в однотомный толковый словарь русского языка, составленный С. И. Ожеговым. Все перечисленные термины в туркменский язык проникают через русский язык, поэтому в словаре заимствующего языка они тем более не должны были иметь места.

Бесцитатных узкоспециальных терминов, заимствуемых из русского языка и через его посредство, довольно много помещено в двухтомный ТСУЯ и трехтомный ТСТЯ, ср.: узбек. *аберрацион* «аберрационный», *аберрация, абортив* «абортивный», *архитектоника, блюминг, изомерия, газолин, демпинг, дефолиация, коллодий, конвентер, риал, кварцит, квинта, квинтет, лейкоцитоз, магма, магнето, пантеизм, паратиф, партит, патогенез* и т. д.; татар. *аберрация, абортив, абсорбир, аппликация, азроб, азрарий, барит, бриз, бушель, валторна, веноз* «венозный», *вибрион, вольер, газгольдер, гваюла, гедонизм, гематурия, гемпшир, гетерозис, гипофиз, глосиния, гомеопатия* и мн. др. Некоторые же из таких терминов снабжены цитатами только из специальной литературы, например: татар. *адсорбентлар* «адсорбенты», *бактерицид, балансир, биметалл* и др., поэтому и их регистрация в словаре не оправдывается.

В то же время десятки, а то и сотни общеизвестных для носителей татарского и узбекского языков терминов не показаны в этих словарях, особенно в ТСУЯ, например: татар. *джинсы, кемпинг, круиз, мотель, мотороллер, ралли* и др.; узбек. *автокран, акваланг, аккомпанемент, аминокислота, аммонал, анапест, антипатия, бадминтон, берданка, бройлер, буддизм, бронхит, букинист, бургомистр, варенье, вольфрам, гайморит, гарем, кафель, кеда, кекс, коктейль, лавсан, ланцет, лениниана, лицензия, мажор, марганцовка, неологизм, пломбир, поролон, порнография, портвейн, португя, профилакторий* и др.

Как и в отборе других слов лексики, в отборе специальных терминов ТСКЯ² отличился от всех других толковых словарей тюркских языков, чересчур много введя в свой состав сугубо специальных терминов. Приведем примеры только на букву Г. Подавляющая часть узкоспециальных терминов перенесена из «Казахской Советской Энциклопедии» (*гамбузия, гелиобиология, гелиомер, гелиотехника,*

гематит, гематома, гемотерапия, геоакустика, геноботаника, гелиометр, гибереллин, гипнопедия, глоттохронология, грейфер), из различных терминологических словарей (*геликон, гносеология, гоминдан, геноцид*), из вузовских учебников (*гельминтология, газойль, галлий, гаплоид, гаплонт, гастрюляция, гемотоксикин, генотеизм, гексоз, гигрометр, гидатор*), а некоторые выбраны из специальных исследований (*гельминтоз, гематоген, гельминт, гемолиз, гемонхоз, гемоспоридин, гербасульфат, гермафродит, гиацинт, гоголь, грамм-моль*). Здесь приведена лишь незначительная часть названных терминов. В действительности же их чрезмерно много в данном словаре. Так, из 687 реестровых слов на букву Г, включенных в ТСКЯ², 292 (42,5%) являются терминами науки, техники, производства и т. д., из которых 180 (61,6%) узкоспециальные. Тем не менее, как ни странно, даже в таком самом полном из всех толковых словарей тюркских языков, каким является ТСКЯ², не зафиксированы многие общеизвестные, актуальные для казахов заимствованные термины, например: *автострада, акваланг, аминокислота, аммонал, анапест, дактиль, кеда, крем-сода, криминалист, кронштейн, криптограмма, кубанка, кубатура* и мн. др.

Приведенные факты говорят об отсутствии последовательности в отборе заимствованных специальных терминов, включенных в некоторые толковые словари тюркских языков, а именно в ТСУЯ, ТСТЯ и особенно в ТСКЯ². Это же обстоятельство в свою очередь свидетельствует о несистемности и случайности отбора — по всему видно, что включалось то, «что попало» в просмотренной при составлении картотек литературе, системной же проверки полноты подбора заимствованных терминов каждой области не было.

ПРОИЗВОДНЫЕ ФОРМЫ

Регулярные словообразовательные формы

Известно, что значительная часть слов в любом языке является производной (Берков, 1973, 39; Земская, 1977, 110). Не вызывает сомнения и тот факт, что подавляющее большинство производных слов в тюркских языках создается аффиксальным способом. Вот почему одним из весьма важных вопросов, подлежащих решению при составлении словника толковых словарей тюркских языков, является вопрос о включении в него производных форм. Самыми продуктивными в словообразовании считаются аффиксы **-лы, -сыз, -чы, -чан, -рак, -гыч, -дагы** и др. При этом данные аффиксы отдельными лингвистами квалифицируются не только и не столько как словообразующие, сколько формообразующие средства. Это вызвано, очевидно, тем, что в тюркских языках формообразование почти что не изучено. Вследствие этого в большинстве из этих языков формообразующие аффиксы продолжают рассматриваться в качестве словообразующих (Хабичев, 1977, 6).

Как показывают факты тюркских языков, многие словообразовательные высокопродуктивные аффиксы первоначально служат для образования лишь одного определенного типа производных слов, имеют только какое-либо одно типовое деривационное значение. Лишь с течением времени некоторые из них приобретают дополнительное значение, т. е. «...обладают, кроме типового значения, индивидуальным лексическим значением, не вытекающим прямо из их словообразовательной структуры» (Юлдашев, 1972, 105). Таковы, например, кар.-балк. *адамча, жазыучу, ташлы*; киргиз. *баалуу, ийиндйй, окутуучу*, которые помимо типовых значений «как человек», «пишущий», «имеющий камни», «имеющий цену», «имеющий плечи», «обучающийся», выводимых из самих структур форм, имеют и индивидуальные лексические значения: «по-настоящему, как следует», «писатель», «каменистый», «ценный», «плечистый», «преподаватель». Некоторые из таких форм, сохраняя свое типовое значение, приобретают еще индивидуальное лексическое значение, ср. кар.-балк. *башлы* 1. «имеющий голову», 2. «сообразительный, умный»; *башсыз* 1. «не имеющий

головы», 2. «несообразительный, неумный» и др. Первые, типовые, значения подобных слов выходят из их словообразовательной структуры. К тому же эти словообразовательные формы чрезвычайно продуктивны и все имеют одно типовое производное лексическое значение. Поэтому отражать их в словарях просто невозможно и к тому же представляется нецелесообразным. Тем не менее в ряде словарей такие значения фиксируются, например: киргиз. *баштуу 1*, туркмен. *келлели 1*, узбек. *бошли 1*, азерб. *башлы 1* «имеющий голову», киргиз. *башсыз 1*, казах. *бассыз 1*, туркмен. *келлесиз 1*, узбек. *бошсиз 1*, азерб. *башсыз 1* «не имеющий головы».

Нам представляется, что сходные регулярные словообразовательные формы нужно включить в словари лишь в таких случаях:

1) когда они обозначают профессию, занятие человека, его склонность, пристрастие и т. д. к чему-либо. Например, кар.-балк. *темирчи* «кузнец», *хуначы* «каменщик»; киргиз. *жылкычы* «табунщик», *отйкчй* «сапожник» показывают профессию человека; кар.-балк. *жукъучу* «соня», киргиз. *калпычы* «обманщик» — постоянную привычку его; киргиз. *бозочу* «бузовар», кар.-балк. *татлычы* «сластена» — влечение, симпатию и т. п.

2) когда производное слово является термином, ср. кар.-балк. *къыргъыч* «скребница», *тешгич* «зубило, пробойник»; татар. *кыстыргыч* «зажим, скрепка; прищепка (для белья), тиски; клемма», *кӧчэйткеч 1* «усилитель».

Таким образом, при отборе регулярных словообразовательных форм слов в общие словари тюркских языков следует учитывать, какие из них, кроме типового лексического значения, обладают еще и частным лексическим значением, а какие не имеют его, и вторые не следует включать в словник.

При отборе регулярных словообразовательных форм в тюркско-русские словари их составители руководствовались словарем В. В. Радлова, в котором эти формы отражены без какого-либо ограничения. Известно, что В. В. Радлов включал в свой словарь все те формы слов, которые встречались в источниках, используемых при его составлении. Эта традиция отразилась во многих тюркско-русских словарях, созданных в 50—60-е годы. По свидетельству К. К. Юдахина, автора киргизско-русского словаря, при составлении первых словарей тюркских языков проблема отбора лексики по существу не ставилась, отбор производился произвольно (1940, 3).

По сравнению с тюркско-русскими словарями в толковых словарях тюркских языков отбор регулярных словообразовательных форм более упорядочен, в связи с чем количество их в этих словарях намного уменьшилось. Этому способствовало то, что из названных форм слов лексикографы стараются отбирать в составляемые ими словари только те, которые приобрели самостоятельное (прямое или косвенное) лексическое значение (Инструкция I, 1964, 9; Инструкция II, 1964, 17—19; Руководство, 1964, 18—21; Руководство, 1966, 6—11). Однако в существующих тюркских толковых словарях имеется еще много нелексикализованных форм слов, выведение которых из них, безусловно, способствовало бы улучшению их практической значимости. Наличие этих словоформ в данных словарях объясняется следующими обстоятельствами.

Некоторые лексикографы при отборе высокопродуктивных деривационных форм слов для тюркского словаря, как и для словаря тюркско-русского, исходят из их активной употребительности. Так, например, по мнению авторов Руководства по составлению ТСУЯ, из форм существительных на *-чи*, *-лик*, *-овчи*, *-ча* и прилагательных на *-чан*, *-чил*, *-гин* в словарь должны включаться только те, которые имеют широкую употребительность (Руководство, 1964, 17—18). Этому же мнению придерживаются и составители Инструкции ТСКЯ¹ при решении вопроса об отборе форм имени на *-чы* и *-луу* (Инструкция II, 1964, 18—19). Однако критерий употребительности в данном случае никак нельзя считать целесообразным, потому что «...большинство регулярных словообразовательных форм как раз и характеризуется высокой употребительностью» (Юлдашев, 1972, 103).

По сравнению с первыми грамматиками в новых грамматиках тюркских языков словообразование и словоизменение более дифференцированы. Но тем не менее в них многие грамматические формы слов выдаются за слова, ср., например, кар.-балк. *кёзлю* «имеющий глаза», *юйсюз* «бездомный», *жерсиз* «безземельный» (ГКБЯ, 1976, 134—139); казах. *къарлы* «снежный», *кйлдi* «зольный», *атасыз* «не имеющий отца», *борансыз* «безбуранный» (СКЯ, 1962, 185—190); азерб. *агъсыз* «нежирный», *анасыз* «без матери», *ййклий* «груженный», *örtйлий* «закрытый», *кесичи* «режущий» (ГАЯ, 1971, 62—65); киргиз. *аттуу* «имеющий коня», *тишсиз* «не имеющий зубов», *баласыз* «не имеющий детей, бездетный», *мендей* «как я, с меня», *найзачан* «вооруженный копьем, пикой» (КАТГ, 1980, 226—230); татар. *сулы* «с водой, имеющий воду», *сусыз* «безводный», *янгыр-*

лы «дождливый», *явымсыз* «без осадков, не имеющий осадков», *судагы* «находящийся в воде» (СТЛЯ, 1969, 161—165); башкир. *кѳоршаулы* «с обручем», *асфальтез* «без асфальта, неасфальтированный», *мауыгѳыусан* «увлекающийся», *башмакѳтай* «с годовалую телку» (ГСБЛЯ, 1981, 172—175). Неразличение нелексистализованной формы слов от ее лексикализованной наблюдается даже в специальных исследованиях. Например, А. Ю. Бозиев считает, что производные *кюрешиучю* «борец», *кандидатлыкѳ* «кандидатство, степень кандидата» являются существительными, *сабийли* «имеющий детей, с ребенком», *бузоулу* «имеющий теленка, с теленком» являются прилагательными, *кѳушча* «по-орлиному», *пионерча* «по-пионерски», *маллай* «скотом» — наречиями (1965, 14, 16, 20, 40, 43, 51, 53).

По мнению Э. В. Севортяна, образования типа азерб. *гапаглы* «имеющий крышу», *голтуглу* «имеющий подлокотники», *гулаглы* «с наушниками», *дѳрдсиз* «не имеющий горя», *меѳвѳсиз* «без плодов» — прилагательные, а *сѳндѳрѳйчи* «гаситель, тушитель», *ѳиклѳѳѳичи* «грузчик», *миничи* «наездник», *гуѳругѳуг* «хвостик», *ѳастыгѳыг* «подушечка» — существительные (1966, 56, 57, 58, 80, 94, 105).

В отдельных исследованиях обнаруживается и такое, когда авторы их одни и те же образования квалифицируют по-разному: то как слова, то как нелексистализованные грамматические формы. Например, М. А. Хабичев в своем исследовании по карачаево-балкарскому словообразованию такие аффиксальные образования, как *ташлы* «с камнем, обладающий камнем, изобилующий камнями, каменистый», *суулу* «с водой, имеющий воду, изобилующий водой, водянистый», *терезели* «с окном, имеющий окно», *башсыз* «без головы; глупый», *кѳѳзсюз* «без глаз, слепой», *ѳскича* «по-старому», *акѳыллыракѳ* «умнее», *ариууракѳ* «красивее», *бийигирек* «выше», *жарыгѳыракѳ* «светлее», *кѳараракѳ* «темноватого цвета», *кечирек* «позже, попозже», *ахшыракѳ* «лучше, получше», считает самостоятельными словами (1971, 244, 245, 248, 255, 256, 258, 259), а в работе по формообразованию и словоизменению данного языка эти же единицы он относит к нелексистализованным формам слов (1977, 17, 20, 21, 22, 27—28).

Приведенные факты показывают, что в тюркских языках словообразующая роль аффиксов исследована далеко не достаточно. Это обстоятельство долгое время оказывало и продолжает оказывать отрицательное влияние на составление общих словарей тюркских языков.

Следовательно, при определении лексикализованности и нелексикализованности регулярных производных форм составители тюркско-русских и тюркских толковых словарей, с одной стороны, исходят из того, как этот вопрос разрешается лингвистами, а с другой стороны, руководствуются укоренившейся лексикографической традицией, идущей в основном от В. В. Радлова.

Проведенный нами анализ показывает, что при отборе нелексикализованных форм слов в общие словари лексикографы ориентировались на их переводимость на русский язык лексическими единицами. Иначе говоря, формы, которые передаются на русский язык самостоятельными лексемами, ими зарегистрированы как заголовочные слова, а формы, которые при переводе на русский язык не имеют такой аналогии, оставлены за пределами словаря. Определенная роль в этом вопросе принадлежит, как это верно заметил А. А. Юлдашев, связанным с двуязычием фактам конвергенции и интерференции (1972, 104).

Обратимся к конкретным фактам лексикализации производных форм слов.

Многие формы на *-лы* в тюркских языках стали лексическими единицами и на этом основании включены в толковые словари, например: казах. *ташлы* «каменистый», *тузды* «соленый», *эдепті* «вежливый»; киргиз. *акылдуу* «умный», *кйчтйй* «сильный», *даамдуу* «вкусный, питательный», *пайдалуу* «полезный, прибыльный»; татар. *барлы* «богатый», *хөрмәтле* «уважаемый», *башлы* «умный, сообразительный»; азерб. *сйдлй* «молочный», *дйшйнчелй* «умный, задумчивый» и др. Однако наряду с формами, ставшими самостоятельными лексическими единицами, в этих словарях нашли место сотни и тысячи регулярных словообразовательных форм с типовой структурой, значение которых легко выводится из производящей основы: казах. *абажурлы* «имеющий абажур», *аллеялы* «имеющий аллею», *дуалды* «имеющий дувал», *енелі* «имеющий мать»; татар. *аракылы* «имеющий водку», *аталы-аналы* «имеющий родителей», *атлы I* «имеющий коня», *паркетлы* «покрытый паркетом»; узбек. *байрокъли I* «имеющий знамя», *оловли I* «огненный, огневой», *аякълы I* «имеющий ноги, ножки», *лимонли* «имеющий лимон, с лимоном»; киргиз. *балалуу* «имеющий детей», *жардуу* «имеющий жену», *документтйй* «имеющий документ (документы)», *ийиндйй II* «имеющий норы», *тактуу* «имеющий пятно (пятна), с пятном (пятнами)»; азерб. *дајлаглы* «имеющий жеребенка», *дипломлу* «имеющий диплом, с дипломом, дипломированный», *даллы* «имеющий

ветви», *дырнаглы* «имеющий ногти (когти), с ногтями (когтями)».

В ряде толковых словарей помещены образования на -лы с семантикой «содержащий в своем составе что-то» и «изобилующий чем-то», ср.: татар. *азотлы*, казах. *азотты*; азерб. *азотлу* «азотистый, азотный, содержащий азот»; кар.-балк., татар. *баллы*, казах. *балды* «сладкий, имеющий в своем составе мед»; татар. *аммиаклы* «аммиачный, содержащий аммиак», *бромлы* «бромистый, содержащий бром», *радийлы* «радиевый, содержащий радий», *алкоголь-ле* «алкогольный, содержащий алкоголь»; киргиз. *адырдуу* «холмистый, бугристый», *бадалдуу* «поросший кустарником», *таштуу* «каменистый»; казах. *агъашты* «лесистый», *алаботалы* «поросший лебедой», *алмалы* «изобилующий яблонями, яблоками»; татар. *балыклы*; казах. *балыкты* «рыбный, изобилующий рыбой»; татар. *акчалы*; казах. *акъшалы* «денежный, имеющий много денег»; кар.-балк. *жыланлы* «изобилующий змеями», *жауунлу* «дождливый», *желли* «с частыми ветрами»; казах. *аязды* «с частыми бурями» и др. Подобные образования, кроме типового значения, имеют семантическое своеобразие, хотя и незначительное.

Учитывая это, включение их в словари представляется возможным, несмотря на то, что они не полностью удовлетворяют вышеописанному принципу отбора регулярных производных форм.

Незначительное семантическое своеобразие обнаруживают и образования с этим же аффиксом, имеющие значения «одетый во что-то», «вооруженный чем-то», которые представлены в ряде словарей, например: татар. *каскалы* «одетый в каску, в каске», *кйзлекле* «в очках», *кепкалы* «одетый в кепку, в кепке», *колакчынлы* «одетый в шапку-ушанку, в шапке-ушанке»; казах. *айбалталы* «вооруженный секирой», *найзалы* «вооруженный копьем, пикой», а также некоторые другие образования с этим же значением, но с другим аффиксом, например: казах. *байпакъшан* «в носках (чулках)», *гимнастеркашанг* «в гимнастерке», *кительшенг* «в кителе»; киргиз. *кййнёкчён* «в рубахе (платье)», *жоолукчан* «в платке», *мылтыкчан* «вооруженный ружьем»; татар. *кйлмэкчэн* «в одной рубахе, в одном платье, без верхней одежды» и др. Однако они употребляются редко. Поэтому не стоило, видимо, вводить их в общие словари.

По традиции, идущей от первых русских толковых словарей, принято включать в тюркские общие словари все названия народов СССР и наиболее употребительные из

названий народов зарубежных стран на **-лы** и **-лар**, а также безаффиксные, например: кар.-балк. *малкъарлы* «балкарец», *оруслу* «русский»; башкир. *азербайджанлы* «азербайджанец»; туркмен. *ӱзбеклер* «узбеки»; узбек. *балкарлар* «балкарцы», *албанлар* «албанцы»; татар. *белорус, испанлы* «испанец» и др. Однако эта установка, с нашей точки зрения, правильная, соблюдается не во всех словарях. Некоторые словари, например ТСКЯ¹, вовсе не включают в свой состав сходные слова, а в других в решении этого вопроса не соблюдается последовательность. Так, например, в СТЯ включены такие названия народов СССР, как *азербайджанлар* «азербайджанцы», *аварлар* «аварцы», *абхазиялылар* «абхазцы», *белоруслар* «белорусы» и др., но нет в нем названий *армянлар* «армяне», *башкирлер* «башкиры», *балкарлар* «балкарцы», *оруслар* «русские» и др., в то же время здесь более широко охвачены названия народов зарубежных стран, ср.: *австралиялылар* «австралийцы», *австриялылар* «австрийцы», *аргентиналылар* «аргентинцы», *даниялылар* «датчане», *шведлер* «шведы», *британиялылар* «британцы» и мн. др.

Говоря о регулярных формах на **-лы**, следует остановиться и на таком вопросе. Эквиваленты русских сложных прилагательных, образуемых по модели числительное+прилагательное (*пятикилограммовый, десятиградусный*), в тюркских языках обычно пишутся раздельно, ср.: узбек. *беш килограмми* «пятикилограммовый»; казах. *эки валентти* «двухвалентный»; татар. *кырк градуслы* «сорокаградусный» и т. п. Некоторые лексикографы вторые части подобных словосочетаний включили в словари как самостоятельные лексические единицы, ср.: узбек. *томли* «-томный», *калибри* «-калибровый», *килограмми* «-килограммовый», *минутли 1* «-минутный»; татар. *грамми* «-граммовый», *яруслы 1* «-ярусный»; казах. *градустыкъ* «-градусный», *грамдыкъ* «-граммовый», *балдыкъ* «-балльный», *километрлик* «-километровый», *валентти* «-валентный», *вольтти* «-вольтовый» и др. Однако с этим нельзя согласиться, потому что указанные образования без первых компонентов — числительных — не обладают лексической самостоятельностью. Другое дело — подобные единицы в азербайджанском языке, где благодаря орфографии их части семантически объединены и на этой базе образованы сложные прилагательные, ср.: *чохатомлу* «многотомный», *икиајаглы* «двуногий», *йчјанлы* «трехсторонний» и т. п., которые справедливо включены в общие словари данного языка.

Регулярных словообразовательных форм на **-сыз** сравнительно с рассмотренными формами меньше в исследуемых словарях. В некоторые из них, например в ТСКБЯ, ТСКЯ¹ и ТСБЯ, такие формы включены лишь выборочно. Однако их необычайно много в ТСУЯ, СТЯ и особенно ТСКЯ²: ср. узбек. *андазасиз* «не имеющий меры, мерки», *асоссиз* «необоснованный, несостоятельный», *жойсиз 1* «не имеющий дома», *жонсиз 1* «неживой, мертвый», *истикъболсиз* «без будущего, не имеющий будущего», *ишсиз* «не имеющий работы, без работы, безработный», *кишисиз* «не имеющий людей, без людей, безлюдный», *иллатсиз* «без болезни, не имеющий болезни»; туркмен. *зэхэрсиз* «не ядовитый, не содержащий яда», *агызсыз 1* «не имеющий рта», *агырысыз* «не имеющий болезни, без болезни», *адамсыз* «не имеющий людей, без людей, безлюдный», *чагасыз* «не имеющий детей, бездетный», *оринсиз* «не имеющий места»; казах. *агъасыз* «не имеющий старшего брата, без старшего брата», *азансыз* «не имеющий муки, без муки», *азотсыз* «не имеющий в своем составе азота», *аллеясыз* «не имеющий аллеи», *балдакъсыз* «не имеющий костылей, без костылей», *баласыз* «не имеющий детей, без детей, бездетный», *агъайын-тугъансыз* «не имеющий родственников, без родственников», *азыкъ-тиликсиз* «не имеющий пищи, без пищи», *акъшасыз* «не имеющий денег, без денег» и мн. др.

Во всех приведенных примерах аффикс **-сыз** придает исходной основе значение «не имеющий чего-нибудь», т. е. он образует так называемую форму отсутствия. Эти формы в своем регулярном лексическом значении не могут быть заголовочными словами в словарях, так как их семантика ограничивается только типовым значением, вытекающим из их словообразовательной структуры. Этого нельзя сказать о производных типа кар.-балк. *акъылсыз* «глупый» (типичное знач.—«без ума»), *башсыз* «несообразительный» (типичное знач.—«без головы, не имеющий головы»), татар. *аергысыз* «неразлучимый» (типичное знач.—«не имеющий смелости») и др., которые осмысливаются как самостоятельные лексические единицы и на этом основании включены в соответствующие словари.

Известно, что словообразовательные возможности аффикса **-сыз** ограничены определенным составом основ. Например, производные на **-сыз** не могут образоваться от глагольных имен, в которых, как известно, совмещаются свойства имени и глагола, от количественных числительных и прилагательных. «Фактически производные на **-сыз** могут

образоваться лишь от имен, которые означают предметы и явления (грамматически представленные как предметы)» (Севортян, 1966, 78). На основании этого некоторые исследователи считают, что данный аффикс образует не регулярные формы, а самостоятельные слова. Так, например, по мнению исследователя азербайджанского словообразования Э. В. Севортяна, в данном языке «...показатель **-сыз** не может быть отнесен к словоформам...» (1966, 78). Однако приводимые им же примеры противоречат этому, ср.: *дэрдсиз* «не имеющий горя, беспечальный», *мејвэсиз* «без плодов, бесплодный», *мејсиз* «без вина», *мэзэсиз* «без закуски», *харсыз* «без шипов, без колючек». В семантическом отношении эти образования ничем не отличаются от приведенных выше нелексикализованных регулярных словообразовательных форм на **-сыз**.

В тюркских языках широко развито образование имен существительных от имен со значением имени действующего лица по названию предмета или имени профессии при помощи аффикса **-чы**. Между тем в анализируемых словарях производные, созданные при помощи аффикса **-чы**, отражены значительно меньше, чем сходные же производные на **-лы** и **-сыз**. Ввиду этого отбор производных имен на **-чы** для общего словаря не требует специального рассмотрения. Упорядочить нужно отбор новообразований, созданных при помощи этого аффикса путем калькирования русских слов.

Наравне с активно употребляющимися всеми носителями языка образованиями типа кар.-балк., киргиз. *колхозчу* «колхозник», *тракторчу* «тракторист»; узбек. *бульдозерчи* «бульдозерист»; татар. *буфетчи* «буфетчик», *велосипедчи* «велосипедист» и мн. др., лексическая самостоятельность которых не вызывает сомнения, в ряде толковых словарей имеются и образования, не получившие общенародного признания. К ним можно отнести такие производные формы, как казах. *аккумуляторишы* «аккумуляторщик», *гитаршы* «гитарист», *зенитши* «зенитчик», *бакалейши* «бакалейщик», *геодезияшы* «геодезист»; узбек. *акробатчи* «акробат», *моторчу* «моторист», *крепостнойчи* «крепостник», *подполчи* «подпольщик», *гримчи* «гример», *водопроводчу* «водопроводчик», *группачи* «групповщик»; татар. *восстаниече* «участник восстания», *гарпунчы* «гарпунщик», *флейтачы* «флейтист», *фольклорчы* «фольклорист», *фигурачы* «фигурист», *финалчы* «финалист», *пикетчы* «пикетчик», *фонетикачы* «фонетист». Эти и им подобные новообразования, находящие применение лишь в периодической печати, пока еще

не отличаются активным употреблением не только в художественной литературе, но и в устной речи. Поэтому желательно было бы ограничить их регистрацию только терминологическими словарями и вводить их в общие словари лишь по мере вхождения в общелитературный язык.

Производные на *-чан* и *-гыч* по своей семантике близки к причастиям на *-ычу* (см. ниже). Образования на *-чан* представлены как вокабулы только в ТСТЯ: *эшчэн* «работающий, работающий», *халыкчан* «народный», *талэпчэн* «требовательный», *күйтерйчэн* «вздувающийся», *мавыгучан* «чересчур увлекающийся», *онытучан* «забывчивый», *масаючан* «хвастливый, хвастающий» и др. Производные приведенного типа, хотя и употребительны, еще не утвердились в языке как самостоятельные лексические единицы*. Поэтому нет достаточного основания для включения их в словарь.

Большинство тюркских толковых словарей охватывает производные на *-гы* выборочно, т. е. из них отбирает только те, которые, будучи вовлеченными в язык как необходимые термины, в настоящее время уже стали достоянием как общенационального, так и общелитературного языка. К ним относятся имена типа татар. *кыздыргыч* мед. «перегреватель, прогреватель», *кыстыргыч* «зажим; скрепка, прищепка (для белья); тиски; клемма», *бетергеч 1* «резинка (школьная)»; кар.-балк. *кергич* «инструмент для растягивания кожи», *кесгич* «резец», *тикгич* «тонкие тесемки из козьей кожи», *чакъгъгыч* «огниво»; киргиз. *жырткыч* «хищник», *кескич* «зубило; стамеска; долото», *кыргыч* «скобель», *тилгич* «ножичек для подрезания головок опийного мака». Об освоенности данных терминов литературным языком говорит тот факт, что за редким исключением они в словарях помещены без пометы, указывающей на их принадлежность к терминам. Однако в ряде словарей, например в ТСКЯ², имеется чрезмерно много производных данного типа, которые являются явными искусственными образованиями. Вот некоторые из них: *айыптагъгыш* «обвиняющий», *айныгъгыш* «непостоянный (о человеке)», *алдагъгыш* «обманщик, обманчивый», *алдангъгыш* «легко поддающийся обману, соблазну», *алдандыргъгыш* «забавляющийся, развлекающийся», *абайлагъгыш* «осторожный, осмотрительный», *бакъыргъгыш* «часто кричащий, ревуший, орущий», *байкъагъгыш* «наблюдательный, осмотрительный».

* По этому поводу трудно согласиться с А. М. Латыповым, считающим эти образования качественными прилагательными (СТЛЯ, 1969, 168—169).

Нельзя считать упорядоченным и отбор для толковых словарей тюркских языков форм интенсива. Одни словари демонстрируют все его формы, т. е. высокопродуктивные и малопродуктивные или непродуктивные, а другие (абсолютное большинство) — только непродуктивные. Высокопродуктивными обычно считаются формы интенсива на **-рак** и интенсив типа кар.-балк. *акъырын-акъырын* «медленно».

Форма интенсива на **-рак** в таких тюркских языках, как киргизский, карачаево-балкарский, казахский, татарский, башкирский, кумыкский, ногайский, образуется почти от каждого прилагательного и наречия. Этот аффикс, как правило, не создает самостоятельных слов с совершенно новым значением, лишь только усиливает или ослабляет качество, признак прилагательного или наречия. Поэтому данный тип интенсива не принято отражать в словарях. Исключения составляют такие образования, как башкир. *бигерэк*, татар. *бигрек*, кар.-балк. *бегирек* «слишком, чересчур, особенно, преимущественно, наиболее», кар.-балк. *артыгъыракъ* с этим же значением. Лексическое значение этих единиц не совпадает со значением интенсива, ср.: *бигрек* (от *бик* «очень»), *артыгъыракъ* [от *артыкъ* (лишний)]. Поэтому совершенно правильно поступили составители ТСКБЯ, ТСТЯ и ТСБЯ, включив эти производные в состав словника. Наоборот, ничем не оправдывается включение в ТСКЯ² следующих регулярно образуемых форм интенсива: *агъыракъ* «белее», *акъылдыракъ* «умнее», *акъырыныракъ* «медленнее, тише», *алысыракъ* «подальше», *арзаныракъ* «подешевле», *аныгъыракъ* «четче, яснее» и т. д. и т. п. Таких форм в этом словаре тысячи.

В тюркских языках интенсив типа *акъырын-акъырын* также создается регулярно от любого прилагательного и наречия путем редупликации, ср.: киргиз. *чонг-чонг* «большой-пребольшой», туркмен. *тиз-тиз* «очень быстро», татар. *тишек-тишск* «дырявый» и др. При этом из подобных регулярных форм лексикализацию обнаруживают только некоторые, ср.: кар.-балк., татар., азерб. *аз-аз* «понемногу, мало-помалу» (от *аз* «мало, немного»); кар.-балк. *башха-башха* «отдельно» (от *башха* «другой, иной»), *терк-терк* «часто» (от *терк* «быстро»), *тюрю-тюрю* «разнообразный, различный, разный» (от *тюрю* «странный»); татар. *пар-пар* «попарно, парами» (от *пар* «парный»), *айдар-айдар* «пятнистый, пестрый» (от *айдар* не употребляется); туркмен. *арам-арам* «временами, время от времени, иногда» [от *арам* «небольшой, умеренный (по силе, величине)»], которые и

пашли место в соответствующих словарях. Однако, помню этих полнокровных лексических единиц, в ряде словарей, особенно в ТСТЯ, СТЯ и ТСКЯ², имеется довольно много и регулярных форм типа туркмен. *асса-асса* «медленно-медленно», *буйра-буйра* «кудрявый», *башга-башга/айры-айры* «разный, различный, отличающийся друг от друга», *отгйн-отгйн* «резко-резко», *гаршы-гаршы* «несколькократно; часто, непрерывно», татар. *тиз-тиз* «быстро-быстро», *катлы-катлы* «слоистый, слоеный, слоями, пластами; многослойный»; казах. *алыс-алыс, аляк-алык* «далекый-далекый», *ауыр-ауыр* «тяжелый-тяжелый», *биик-биик* «высокий-высокий», *кишкене-кишкене* «маленький-маленький», *жұлым-жұлым, жыртқы-жыртқы* «разорванный», *будак-будак* «клубами (о дыме)».

Форма интенсива типа кар.-балк. *кӟап-кӟара* «черный-пречерный» в основном образуется только от прилагательных, обозначающих цвет предмета, которых в каждом из тюркских языков всего лишь несколько единиц. К тому же префиксальная морфема подобных образований «...носит индивидуальный характер — представляет собой повторение первого слога слова с добавлением согласного звука в соответствии с характером последующего согласного» (Юлдашев, 1972, 116). Исходя из этого, видимо, правильно поступили тюркские лексикографы, включив этот тип интенсива в общие словари.

Что касается форм интенсива с другими малопродуктивными аффиксами типа азерб., туркмен. *-(ы)мтыл* (*агъымтыл/агымтыл* «беловатый», *гарамтыл* «черноватый, темноватый», *кӱймтӱл/кӱгӱмтӱл* «синеватый, голубоватый»); киргиз. *-гыч* (*саргыч* «желтоватый»), *-лжын* (*каралжын* «черноватый, темноватый», *кӱгилжӱн* «синеватый, голубоватый»); кар.-балк. *-гъыл, -гъылдым* (*кӟызгъыл, кӟызгъылдым* «красноватый»), *-сыл, -сылдым* (*акӟсыл, акӟсылдым* «беловатый»); татар. *-су* (*зэнгэрсу* «синеватый»), *-сел кӱксел* «голубоватый») и др., то они полностью охвачены общими словарями, что также представляется оправданным.

В большинстве тюркских языков регулярно образуются относительные формы на *-дагы*. Этот аффикс, присоединяясь к именам, указывает на местонахождение того, что выражается исходной основой. Образования на *-дагы* лишь в исключительных случаях обнаруживают лексикализацию, ср.: кар.-балк. *эрттеги* «давнишний», *бусагъатдагъы* «современный», *юйдеги* «семья; муж; жена»; татар. *кӱндэге* «ежедневный»; киргиз. *мурдагы* «прежний», *адаттагы* «обыч-

ный», *кйндөгй* «ежедневный». В связи с этим, думается, неправильно поступили татарские, казахские и узбекские лексикографы, отразив в словарях родного языка такие нелексикализованные формы на **-дагы**: татар. *көнчыгыштагы* «находящийся на востоке», *көнъяктагы* «находящийся на юге»; казах. *арадагы* «находящийся в (по) середине», *андагы-мундагы* «находящийся и там, и тут», *бертиндеги* «находящийся вблизи»; узбек. *къаршисидаги/тугърисидаги* «находящийся вдалеке».

В состав ТСУЯ и ТСКЯ² вошли также производные на **-симон** и **-сымак**: узбек. *дарахтсимон* «древовидный», *хамирсимон* «тестообразный», *юлдузсимон* «звездообразный», *газсимон* «газообразный», *гумбазсимон* «куполообразный»; казах. *адамсымакъ* «человекообразный», *айгъырсымакъ* «подобный жеребцу», *атсымакъ* «подобный лошади», *батырсымакъ* «подобный герою, храбрцу, смельчаку» и т. д. и т. п. Эти формы попали в словари только на основании переводимости на русский язык самостоятельными лексическими единицами.

Лексикализованные грамматические формы

В тюркских языках немало примеров лексикализации грамматических форм слов. При этом, сохраняя показатель грамматической категории, эти формы изолируются от своих производящих основ и переходят в другую часть речи. Это происходит в основном с падежными формами имен существительных, прилагательных, отчасти местоимений и числительных, а также с некоторыми формами множественного числа имен существительных, причастий и деепричастий.

Рассмотрим лексикализацию каждой из названных грамматических форм в отдельности.

Падежные формы, лексикализуясь, обычно становятся наречиями, ср.: кар.-балк. *карексизге* (форма дат.-направит. пад.) «зря, напрасно» (от *керексиз* «ненужный»), *амалсыздан* (форма исх. пад.) «поневоле» (от *амалсыз* «безвыходный»), *ахырында* (форма мест. пад.) «наконец» (от *ахыр* «конец»); киргиз. *алга* (форма дат.-направит. пад.) «вперед» (от *алды* «перед, передняя сторона чего-либо»), *башында* (форма мест. пад.) «вначале» (от *баш* «голова; начало»), *мурунтан* (форма исх. пад.) «издавна» (от *мурун* «давно»); татар. *бергэ* (форма дат. пад.) «вместе, совместно, заодно, вкуче», *бердэн* (форма исх. пад.) «в один прием, сразу, все сразу, все вместе» (от *бер* «один»), *кйп-*

тэн (форма исх. пад.) «давно; долго; давненько» (от *кит* «много»), *ахырда* (форма мест. пад.) «наконец» (от *ажыр* «конец»).

Подобных изолированных падежных форм в тюркских языках довольно много и все они перешли в разряд наречий. Как видно из приведенных примеров, наречием становятся обычно формы пространственных падежей имен, которые обозначают пространственные и временные отношения. Некоторые падежные формы имен существительных стали послелогоми, а числительных — вводными словами, например: кар.-балк. *башха* послелог (форма дат. пад.) «кроме, помимо» (от *баш* «голова»), *алда* послелог «перед» (от *ал* «перед, передняя сторона чего-л.»); казах. *біріншіден* вводн. сл. (форма исх. пад.) «во-первых» (от *бірінші* «первый»); татар. *икенчедэн* вводн. сл. (форма исх. пад.) «во-вторых» (от *икенче* «второй») и др. Как и в тюркско-русских, так и в тюркских толковых словарях лексикализованные формы падежей отражены полно. Однако наряду с ними в ряде толковых словарей на правах самостоятельных лексических единиц приводятся и некоторые нелексикализованные формы падежей: узбек. *бир-бировига* «друг другу», *бир-бировидан* «друг от друга», *узокъда* «вдали, вдалеке», *узокъдан* «издалека»; татар. *еракка* «далеко», *еракта* «вдали, вдалеке», *ерактан* «издалека, издали», *як-якка* «по сторонам, в разные стороны», *якында* «вблизи», *якыннан* «близко, из близкого расстояния»; казах. *баурында* «в чьих-л. руках, у кого-л. (находиться)», *алғашкыда* «вначале», *алғашкыдан* «сначала», *аягъында* «впоследствии, под конец». ТСУЯ и ТСТЯ формы слов, ничем не отличающиеся от приведенных, не включили в себя. Например, в ТСУЯ нет форм *йирокъда*, *йирокъдан*, которые являются полными синонимами *узокъда*, *узокъдан*, а также их антонимов *ёвукъда* «вблизи», *ёвукъдан* «из близкого расстояния». В ТСТЯ отсутствуют формы *якынга* «близко», *язда* «весной», *кышда* «зимой», *жэйдэ* «летом», хотя у них нет никакой семантической разницы от зарегистрированных в нем на правах самостоятельных слов форм *еракка*, *көздэ*. Однако как первые, так и вторые падежные формы слов не заслуживают самостоятельного описания в словарях, так как они не претерпели лексикализации.

В форме мн. числа в словарях обычно помещаются существительные, или вовсе не имеющие ед. числа, или более употребительные во мн. числе. В подаче существительных, не имеющих ед. числа, нет каких-либо разногласий между толковыми словарями тюркских языков. Они все подаются

в них в форме мн. числа, ср., например, кар.-балк. *айрыула* «выборы», *кесекле* «грипп», *урунганла* «трудящиеся», *хазырла* «газыри», *акъла* «белогвардейцы».

Словарная подача названий национальных и этнических групп, а также родовых и видовых названий животного мира в тюркских языках требует пересмотра.

В подаче названий наций, племен, этноса, жителей стран и территорий наблюдается разноречивость как между разными тюркскими толковыми словарями, так и в пределах одного тюркского толкового словаря. Так, в ТСТЯ и ТСКЯ² они помещены в форме ед. числа (ср. татар. *азербайджан* «азербайджанец», *америкалы* «американец»; казах. *грузин*, *европалыкъ* 2. «европеец»), в СТЯ — в форме мн. числа (*ажарлар* «аджарцы», *бразилиялылар* «бразильцы»), в ТСУЯ в формах ед. и мн. числа (*белорус* и *белоруслар* «белорусы»), где вторая толкуется описательно, а первая — путем отсылки к понятию, названному формой мн. числа, а в ТСКЯ¹ эти наименования вовсе не приводятся. В решении вопроса о подаче существительных названной группы составители толковых словарей тюркских языков руководствовались аналогичными словарями русского языка. Однако в последних национальные и этнические наименования также не имеют единообразной подачи. Например, в словаре С. И. Ожегова (1973) и в БАС они приводятся в форме мн. числа, но, в отличие от первого, во втором словаре рядом в скобках указывается и форма ед. числа муж. и жен. рода (напр. *армяне* мн.; ед. *армянин*, *армянка*), в МАС формы ед. (муж. и жен. рода) и мн. числа составили самостоятельные статьи, хотя описательное толкование получила только вторая. При этом рядом с формой мн. числа в скобках еще раз приведена форма ед. числа муж. и жен. рода (напр., *аджарец*, см. *аджарцы*; *аджарка*, см. *аджарцы*; *аджарцы* мн. (ед. *аджарец*, *аджарка*). Поскольку описываемые наименования в русском языке употребляются преимущественно в форме мн. числа, наиболее приемлемым для толковых словарей русского языка представляется способ подачи в БАС. В словарях же тюркских языков, по-видимому, было бы целесообразно подавать эти наименования в форме ед. числа, так как они в тюркских языках употребляются обычно в ед. числе.

В словарях тюркских языков нет единства и в подаче родовых и видовых названий животного мира. В тюркские языки эти наименования пришли путем калькирования из русского языка, а в некоторых из них (напр., в карачаево-балкарском языке) они еще не вошли в обиход. В тех

тюркских языках, в которых терминология разработана хорошо (напр., в татарском, узбекском, казахском, туркменском и других языках), названные наименования давно уже стали нормой. Однако вопрос о том, как их подавать в словарях — в форме ед. или мн. числа, до сих пор не разрешен. Поэтому в одних словарях эти единицы помещаются в форме ед. числа, а в других — в форме мн. числа, ср.: туркмен. *сййренижилер* «пресмыкающиеся»; узбек. *кемирувчилар* «грызуны»; киргиз. *кемирййчй* «грызун». В этом отношении имеются разногласия не только между словарями, но и внутри них, ср.: туркмен. *сййренижилер* «пресмыкающиеся» и *гемирижи* «грызун»; татар. *имезййчелэр* «млекопитающие» и *кимерййче* «грызун». Видимо, такой разницей в употреблении указанных наименований тюркскими словарями объясняется влиянием толковых словарей русского языка, в которых также нет последовательности в словарной подаче их. В них, как уже отмечалось, утверждается, что существительные, употребляющиеся преимущественно во мн. числе (но имеющие и ед. число), приводятся в заголовке в форме этого числа (БАС, 1948, 14; МАС, 1957, 11; Ожегов, 1973, 15). Однако в решении вопроса о том, в каком числе обобщенно-родовые названия животных более употребительны, словари русского языка расходятся. Так, в БАС и МАС указанные названия помещены в форме мн. числа, исключение составляет только слово *грызун* в МАС. В словаре же С. И. Ожегова (1973) одни названия даны в форме ед. числа (*грызун, млекопитающее, моллюск, земноводный, сумчатый, пернатый*), а другие — в форме мн. числа (*парнокопытные, пресмыкающиеся, ракообразные, членистоногие*).

Судя по иллюстративным примерам, приведенным в толковых словарях русского языка на эти названия, они более употребительны во мн. числе. Поэтому представляется, что составители БАС и МАС правильно поступили, поместив их в заголовке в форме мн. числа, в то же время указав рядом в скобках и форму ед. числа, которую они тоже имеют. И составителям толковых словарей тюркских языков в данном случае, видимо, целесообразно ориентироваться не на словарь С. И. Ожегова, а на академические толковые словари русского языка.

Некоторые толковые словари, например ТСУЯ, ТСТЯ и ТСКЯ¹, выделили в самостоятельные словарные статьи отдельные формы принадлежности, например: узбек. *меники* «мой», *бизники* «наш», *сеники* «твой», *сизники* «ваш»; татар. *минеке* «мой», *аныкы* «его, ее, принадлежащий ему».

ей», *йзенеке* «свой, своя, свое», *анасы-атасы* «его, ее отец и мать», *карты-яше* «принадлежащее кому, чему-л., люди разных возрастов»; казах. *алгъаны* «его жена, та, на которой он женат». Из этих примеров видно, что в одном и том же словаре в регистрации форм принадлежности как самостоятельных словарных единиц нет системы. В ТСУЯ форма принадлежности 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа регистрируется, а форма принадлежности 3-го лица ед. числа *уныкы* «его, ее, принадлежащий ему, ей» и 3-го лица мн. числа *уларныкы* «их, принадлежащий им» не регистрируется. В ТСТЯ форма принадлежности 1-го и 3-го лица ед. числа включена, но нет там формы принадлежности 2-го лица ед. числа *синеке* «твой». Другие тюркские толковые словари не включили в свой состав приведенные грамматические формы. И это, с нашей точки зрения, совершенно верно. Те лексикографы, которые эти формы включили в словарь на правах самостоятельных слов, считают их притяжательными местоимениями, по всей вероятности, по аналогии с русскими местоимениями *мой, твой, свой, наш, ваш, их*. Однако это неверно, ибо в тюркских языках все разряды местоимений могут принимать аффиксы принадлежности.

В тюркских языках многие причастия субстантивировались, пополнив лексику, ср.: башкир. *юлбасар* «разбойник», *илгизер* «путешественник», *укъытыусы* «учитель»; кар.-балк. *ашарыкъ* «пища», *къайнар* «кипяченный», *окъуучу* «ученик»; киргиз. *орунбасар* «заместитель», *тубар II* «самка животного, созревшая для расплода», *жараткан* «создатель, творец (эпитет бога)» и под.

Среди причастий особое место занимают причастия настоящего времени на **-уучу**, которые субстантивируются чаще других форм причастий. При полной утрате глагольных свойств субстантивированные причастия настоящего времени переходят в разряд имен существительных со значением имени действующего лица, например: кар.-балк. *окъуучу* «ученик», *жазыучу* «писатель», *бичиучю* «закройщик, закройщица», *алыучу* «покупатель», *сатыучу* «продавец», *мараучу* «охотник»; башкир. *укъытыусы* «учитель», *хатыусы* «продавец», *укъыусы* «ученик», *көтөйсе* «пастух», *сэсэйсе* «сеятель»; татар. *укучы* «ученик», *укытучы* «учитель», *тегйиче* «портной», *язучы* «писатель», *көтйиче* «пастух», *сатучы* «продавец»; киргиз. *башкаруучу* «заведующий, управляющий; администратор», *сатуучу* «продавец», *аткаруучу* «исполнитель», *айыптоочу 2.* «обвинитель», *айыпталуучу* «обвиняемый», *бөлийчй 2.* мат. «делимое» и мн. др.

В образовании перечисленных и аналогичных с ними существительных большую роль сыграло всемерно развивающееся русско-тюркское двуязычие.

Вопрос об отборе для филологических словарей тюркских языков причастий настоящего времени, перешедших в ряд имен существительных, продолжает оставаться актуальным. Дело в том, что этот вопрос во многих случаях осуществляется произвольно, без учета лексикализации данной формы причастия. Между тем учет лексикализации причастий на **-ыучу** совершенно необходим, так как при помощи этого аффикса от любого глагола свободно образуется причастие. Лексическую же самостоятельность приобретают лишь некоторые из них. В результате недостаточного учета лексикализации словник некоторых тюркских толковых словарей, а именно ТСКЯ¹, ТСТЯ и в особенности ТСКЯ², перегружен причастиями на **-ыучу**, ср.: киргиз. *женгійчй* «побеждающий», *бузуучу* «нарушающий, разрушающий», *бйтйрййчй* «завершающий, заканчивающий», *баштоочу* «ведущий; начинающий», *айыптоочу I* «обвиняющий», *бблйнййчй I*. «делимый, подлежащий делению»; татар. *версткалаучы* «верстальщик», *вербовкалаучы* «вербовщик», *азаплаучу* «мучитель, притеснитель, истязатель; тиран», *никельлэйче* «никелировщик»; казах. *адастырушы* «сбивающий с пути, с толку; вводящий в заблуждение», *айдаушы* «погонщик», *айналдырушы* «вращающий, вертящий; крутящий», *байлаушы* «завязывающий, привязывающий, связывающий», *айтушы* «говорящий», *айтысушы* «выступающий в прениях, полемизирующий, спорящий; состязующийся в песнях», *барушы* «посещающий кого-, что-л., ходящий куда-л.».

Подобных причастий необычайно много включено в УРС, ТРС¹ и КРС². По всей вероятности, при их отборе составители словарей учитывали возможность перевода их на русский язык отдельным словом. Как видно из приведенных примеров, взгляды составителей тюркско-русских словарей отражены и на взглядах составителей толковых словарей тюркских языков. Однако следует отметить, что многие причастия на **-ыучу**, имеющие место в тюркско-русских словарях, остались за пределами толковых словарей тюркских языков. Например, только на букву А не вошли в ТСТЯ следующие причастия настоящего времени, которые помещены в ТРС¹: *агартучы* «белильщик, тот, кто белит (делает побелку); просветитель», *агулаучу* «отравитель; тот, кто отравляет; протравитель (машина)», *айнытучы* «отрезвитель; вор, обманщик», *аклаучы* «маляр, белильщик; тот,

кто оправдывает, оправдывающий», *акырынучы* «крикуи, горлан», *алмашучы* «обменивающийся», *аралаучы* «разнимающий; заступающийся», *асраучы* «тот, кто воспитывает (вскармливает); тот, кто хранит (у себя)», *асучы* «вешатель; палач», *атакалаучы* «атакующий», *атучы* «стрелок», *ашаучы* «сдок», *англатучы* «тот, кто объясняет (разъясняет, растолковывает)».

Субстантивированное причастие на **-уучу** параллельно со значением существительного сохраняет и свое значение, ср.: кар.-балк. *жазыуучу* «писатель» и «пишущий» (*письмо жазыуучу* «пишущий письмо»); киргиз. *окуучу* «ученик» и «читающий» (*китеп окуучу* «читающий книгу») и т. п. Совершенно очевидно, что второе, вернее, собственное, значение этих причастий не должно приводиться в словарях. Однако ряд словарей этого не учитывает, ср., например, приведенные выше значения причастия *айыптоочу I* «обвиняющий»; *бөлиййичи I* «делимый, подлежащий делению» в ТСКЯ¹.

Причастия прошедшего и будущего времени лексикализуются по сравнению с причастиями настоящего времени редко. При этом они могут переходить как в существительные, так и в прилагательные, например: кар.-балк. *туурагъан* «ломоть» (от *туурагъан* «резавший, рубивший»), *жарагъан* «настоящий, самый подходящий, очень хороший» (от *жарагъан* «пригодившийся»), *тууар* «крупный рогатый скот» (от *тууар* «отелится»); киргиз. *жараткан* «создатель, творец (эпитет бога)» (от *жараткан* «создавший, творивший»), *жеткен* «самый, самый что ни на есть» (от *жеткен* «приехавший, пришедший; догнавший, достигший; достаточный»), *орунбасар* «заместитель» (от *орун басар* «место займет») и др.

В некоторых грамматиках тюркских языков контекстуальное употребление причастия в значении прилагательного оценивается как полный переход его в разряд имен прилагательных. Так, в ГСБЛЯ (1981) причастия *эсегэн*, *къайнагъан*, *бешмэген*, *бешкэн*, *тыугъан* в сочетаниях *эсегэн һөт* «кислое молоко», *къайнагъан һыу* «кипяченая вода», *бешмэген алма* «неспелое яблоко», *бешкэн ит* «вареное мясо», *тыугъан ер* «родная земля», а в ГКБЯ (1976) причастия *къачар*, *ёлюр*, *баргъан*, *бишген*, *сыннган*, *къайнагъан* в сочетаниях *къачар къыз* «зрелая девушка», *ёлюр ауруу* «смертельная болезнь», *бишген эт* «вареное мясо», *сыннган тепшек* «разбитая тарелка», *къайнагъан суу* «кипяченая вода» приведены как прилагательные. Судя по тому, что эти причастия утрачивают грамматические свойства

глагола и выражают постоянные признаки предмета и лица, они сближаются с прилагательными. Однако все это присуще приведенным причастиям лишь в случае, когда они употребляются с именами существительными. Поэтому они являются не самостоятельными, а лишь контекстуальными прилагательными.

Видимо, с одной стороны, переводимость многих причастий прошедшего и будущего времени на русский язык прилагательными, а с другой — их неправильная квалификация в грамматиках послужили причиной включения следующих и аналогичных с ними причастий в ТСУЯ и ТСТЯ на правах самостоятельных лексических единиц: узбек. *келишген* «красивый, стройный, статный», *келишмаган* «несообразный, несуразный; нестройный; недостойный, неподходящий; нескладный»; *бирлашган* «соединенный, объединенный», *укъигъан* «грамотный, образованный, ученый», *утган* «прошлый, прошедший, минувший», *сотилгъан* «продажный; проданный», *енгилмас* «непобедимый», *туганмас* «неисчерпываемый, неиссякаемый, неистощимый; нескончаемый, несметный», *бузилмас* «нерушимый», *булинмас* «неотделимый»; татар. *тегелмэген* «неотделанный», *танылган* «известный, популярный», *котырган* «бешеный, взбесившийся», *каклиган* «вяленый, копченый», *унгмаган* «непутевый; бестолковый, тупой, бездарный; неумелый, неловкий», *тутыкмас* «нержавеющий», *тынгламас* «непослушный, не желающий слушаться (выполнить просьбу)», *аерылмас* «неотделимый, неотъемлемый; неразлучный», *туймас* «ненасытный, прожорливый», *онытылмас* «незабываемый».

Следует отметить, что по сравнению с простыми причастиями парные причастия более часто лексикализуются, переходя обычно в разряд имен существительных с собирательным значением, ср.: кар.-балк. *ётген-сётген* «всякий прохожий», *къалгъан-къулгъан* «всякие остатки, объедки», *келген-кетген* «всякие посетители»; татар. *калган-поскан* «крохи; остатки; объедки; отходы», *туган-тумача* «родственники, родня, родичи» и под., которые верно замечены соответствующими толковыми словарями.

Деепричастие — очень редко лексикализирующаяся грамматическая форма слова, ср.: кар.-балк. *биле-биле* «заметно, ощутимо» (от *биле* «зная»), *бара-бара* «со временем, постепенно»; татар. *тора-бара* «с течением времени, со временем, постепенно, в дальнейшем» (от *тора* «живя» и *бара* «идя»); киргиз. *аябай* «очень, весьма; много» (от *аябай* «не щадя, не жалея»). Однако некоторые толковые словари

тюркских языков, например, ТСКЯ², ТСТЯ, СТЯ, включили отдельными статьями многие деепричастные формы на -п и на -а, ср.: казах. *аныкзтап* «точно выяснив, определив, уточнив», *аламандап* «действуя скопом, беспорядочно», *бадырайтып* «резко выделив (величиной)»; татар. *багана-лап* «посадив, поставив столбы», *бантлап* «украсив бантом», *калжалап* «разделив на куски (мясо)»; туркмен. *горка-горка* «боязливо, робко, с опаской», *сагына-сагына* «мешкая, медленно», *яйдана-яйдана* «колеблясь, долго не решаясь; раздумывая» и мн. др.

В действительности же эти деепричастия ничем не отличаются от тех, которые не охвачены в указанных словарях. В регистрации деепричастий ТСУЯ пошел еще дальше, выделив их форму на -б в самостоятельные словарные статьи, ср.: *булиб 1* «разделив на части», *бошлаб 1* «начиная», *боплаб 1* «выполняя, исполняя (что-л.) как следует», *авайлаб* «бережно, осторожно» и т. п.

Отдельного рассмотрения требуют индивидуальные грамматические формы слова, в которых производящая основа расходится с таковой исходной формы (им. пад.). подача таких форм в тюркских словарях осуществляется в основном по подобию подачи их в русских словарях. Однако в решении этого вопроса толковые словари русского языка непоследовательны. Так, например, в МАС и в словаре С. И. Ожегова (1973) эти формы помещаются вместе с исходной формой, образуя одну статью, а в БАС они приводятся отдельно, каждая на своем алфавитном месте. Непоследовательность в лексикографировании названных форм слов наблюдается и в пределах одного словаря. Например, в БАС формы род. и дат. падежей местоимения *мы* — *нас*, *нам* — даются на своем месте по алфавиту (без словарных статей), а формы этих же падежей местоимения *вы* — *вас*, *вам* вовсе не приводятся, хотя структура исходной основы в обеих формах затемнена совершенно одинаково. Этот же словарь регистрирует самостоятельной лексической единицей форму род. падежа местоимения *они* — *их*, а форму дат. падежа этого же местоимения — *им* — оставляет за своими пределами. При наличии формы *тебя* как лексической единицы форма *тобою* в данном словаре отсутствует.

В толковых словарях тюркских языков названные формы слов также принято подавать самостоятельными статьями, ср.:

Ол мест. личн. «он, она, оно». *Бу* мест указ. «этот, эта, это».

Аны «сго, ее».

Анга «ему (ей), к нему (ней)».

Шул мест. указ. «тот, та, то, этот, эта, это».

Шунга «этому (этой), к этому (этой), тому (той)».

Муну «этого, эту».

Мынга «этому (этой), к этому (этой)» (ТСКБЯ).

Ул «он, она, оно».

Алар «они» (ТСТЯ).

Такой способ словарной подачи индивидуальных грамматических форм описываемого типа представляется правильным. Однако не во всех тюркских толковых словарях он соблюдается последовательно. Так, в ТСУЯ, ТСКЯ¹ и СТЯ формы род. падежа местоимений *мен* «я», *сен* «ты», *ул/ал/ол* «он, она, оно» — *магъа/мага/манга* «мне, ко мне», *сагъа/сага/санга* «тебе, к тебе», *унга/ага/онга* «ему (ей); к нему (ней)» не приводятся отдельными статьями. В СТЯ и ТСКЯ¹ не зарегистрированы формы вин. и мест. падежей местоимения *ол/ал* — *оны/аны* «его, ее», *онда/анда* «у него (нее)». Эти словари обошли и формы дат., вин. и мест. падежей указательного местоимения *бу/бул* — *мунга/буга* «этому (этой), к этому (этой)», *муны/муну* «этого, эту», *мунда/мында* «у этого (этой)», а также дат. и вин. падежей указательного местоимения *шол/ошол* «тот, та, то», *шонга/ошого* «к тому, к этой», *шоны/ошону* «того, того, ту».

Производящие основы приведенных форм слов не совпадают с производящей основой их исходной формы. Поэтому их нужно было помещать отдельно от исходных слов, со своей статьей. Однако в названных словарях эти словоформы не приведены не только самостоятельной статьей, но и в рамках словарной статьи исходного слова. Правда, в отличие от ТСКЯ¹ и СТЯ в ТСУЯ, рядом с исходной формой в скобках приводятся отдельные падежные образования указанных местоимений. Но это не те специфические неправильные образования, а наоборот, те, которые образуются правильно от исходного основы, ср.: *мен* (*менинг, мени* «меня»), *сен* (*сенинг, сени* «тебя»), *бу* (*бунга* «этому (этой), к этому (этой)»; *ему*), *бунда* «в этом, на этом; у него», *бундан* «от этого, из этого; у него, от него; отсюда») и др., см. также словоформы, включенные в ТСУЯ в качестве ресстровых единиц, типа *улар* «они» (от *у* «он, она, оно»), *булар* «эти» (от *бу* «этот, эта, это») и др.

Если названные словари не приводят описываемые словоформы ни в словарной статье производящего слова, ни отдельно, то ТСТЯ в решении этого вопроса явно переста-

рался, приводя их дважды: и внутри соответствующих словарных статей, и отдельными словарными статьями.

В ряде словарей имеют место и такие факты, когда структурно и семантически одинаковые словоформы оцениваются по-разному, т. е. одни из них характеризуются как самостоятельные лексические единицы и помещаются в словаре, а другие вовсе не приводятся в нем. Ср., например, татар. *анынг* «его (се), принадлежащий ему (ей)», *аны* «его, ее» (от ул. «он, она, оно»), *шунынг*, *шуну* «этого (эту), того (ту)» и *монынг*, *моны* «этого, эту». Ни с точки зрения семантической, ни с точки зрения структурной между ними нет никакого различия. Тем не менее первым из них в ТСТЯ посвящены самостоятельные словарные статьи, а вторые не вошли в него. С нашей точки зрения, и те, и другие словоформы не имеют основания быть включенными в словарь самостоятельными статьями, поскольку основы их не отличаются от основ остальных падежных форм, ср.: *аннан*, *анда*; *шуннан*, *шунда*; *моннан*, *монда*.

В тюркских языках лично-возвратное местоимение *өз/йз/уз/ёз*, а в кар.-балк. еще *кеси* «сам, само, сама» без притяжательного аффикса обычно не употребляется, ср.: киргиз., туркмен. *өзүм*, узбек. *узим*, татар. *йзем* «я сам (сама)»; киргиз., туркмен. *өзүңг*, узбек. *узинг*, татар. *йзенг* «ты сам (сама)»; туркмен. *өзй*, узбек. *узи*, татар. *йзе* «он сам, она сама». Эта особенность их не выявлена до конца. Умалчивает этот вопрос и большинство грамматик тюркских языков. Как отдельный разряд местоимений, а именно как лично-возвратные местоимения, приведенные слова оцениваются лишь в ГКБЯ. Видимо, этим и объясняется тот факт, что данное местоимение в большинстве тюркских толковых словарей приводится без притяжательных аффиксов, а в СТЯ — только в форме 3-го лица: *йзе*. Оба решения этого вопроса представляются неправильными. Наиболее разумно, на наш взгляд, поступили составители ТСКБЯ, зарегистрировав местоимение *ёзю* и его синоним *кеси* в форме всех трех лиц ед. числа: *ёзюм/кесим*, *ёзюңг/кесинг*, *ёзю/кеси*.

ВАРИАНТЫ СЛОВ

Понятие вариантности и ее отношение к синонимии

В тюркских языках не на должном уровне установлены границы отдельных слов, выявлены причины звуковых изменений их, взаимоотношения литературных языков и диалектов, урегулированы лексико-стилистические, орфоэпические и орфографические нормы. Всестороннее изучение вариантов слов способствует решению этих и многих других проблем.

Вариантность — это органическое свойство языковых средств, вытекающих из характера языковой системы (Косериу, 1963, 174), «...естественное состояние языка как конкретно исторического явления, одно из внутренних проявлений литературного языка...» (Горбачевич, 1978в, 3). Поэтому нельзя искусственно «искоренить» вариантность и показать в словарях лишь один способ выражения определенного содержания, обходя молчанием другой.

Вариантность нельзя изучать только путем выявления чисто статистических отношений между языковыми единицами. Перспективная норма может быть установлена лишь в результате функционально-динамического изучения ее вариантов, причин их возникновения и условий взаимодействия. Иначе говоря, варианты слов должны быть рассмотрены, во-первых, в контексте, в дистрибутивных и стилистически разнородных условиях, во-вторых, их следует анализировать не в строго синхронной плоскости, а с учетом перспективы данной языковой единицы. Такой подход к вариантам позволяет в значительной мере объективировать оценки сложных и спорных фактов речи, что весьма существенно для развития и усовершенствования нормативной лексикографии.

Существуют различные толкования понятия «варианты слов». По мнению одних лингвистов, вариантность — это множественность средств выражения одного значения, а варианты — языковые единицы, тождественные по значению. При этом различие или сходство звуковой материальной формы слова — признак несущественный (Ельмслев, 1960, 331; Крысин, 1969; Михайловская, 1981, 6—22; Копор-

ская, 1981, 22—38, и др.). По мнению других лингвистов, вариантность появляется в результате некоторого видоизменения материальной оболочки слова, и варианты понимаются как разновидности одного и того же слова, характеризующиеся тождеством значения и частичным различием звукового состава слова (Рогожникова, 1966; Горбачевич, 1978в; Граудина, 1981, 39—41 и др.).

Как видно из приведенного определения, сторонники первой точки зрения учитывают только содержательную сторону языковых единиц, игнорируя их материальное выражение. Однако специальные исследования проблемы вариантности в русском языке в последние годы убеждают в том, что «определение понятия «варианты слова» может быть выведено лишь при одновременном учете материальной и содержательной стороны языковых единиц» (Горбачевич, 1978в, 17; см. также: Граудина, 1980, 100—121).

Учет только смысловой стороны языковых единиц приводит к неверному результату: отождествлению вариантов слова с абсолютными синонимами. Так, например, исследователь проблемы вариантности в казахском языке И. К. Уюкбаев считает, что «...варианты слов, дублиеты слов, параллелизмы слов относятся к абсолютным синонимам» (1976, 13). Такое понимание вариантов слова привело автора к смешению фономорфологических и собственно морфологических вариантов слов с лексическими вариантами (по его терминологии «лексико-семантические дублиеты»). Так, например, бесспорные фономорфологические варианты *нэлет* — *лэнет* «проклятие», *тепкишек* — *тепкишек* «переметная сумка из войлока», *акърет* — *акъырет* «загробный мир», *лагънет* — *лагъынет* «проклятие», *албатта* — *элбетте* «конечно, несомненно», *лагънат* — *лэгнет* «проклятие»; *таярлау* — *даярлау* «готовить, готовить, готовить, заготовлять», *шай* — *чай*, *шылаушын* — *шылаужын* «дождевой червь», *айран* — *къайран* 1 «жаль, увы», 2. употребляется с оттенком удивления, огорчения; морфологические варианты *тамыздыкъ* — *тамызыкъ* «лучинка, щепка (для разжигания)», *алымсакъ* — *алымкъор* «покупатель (потребитель)» И. К. Уюкбаев рассматривает как лексические варианты (см. с. 16—41).

Во избежание подобных ошибок необходимо отличить варианты слов от абсолютных синонимов. При этом, как уже отмечалось, следует опираться не только на семантические, но и на материальные основания, поскольку «выделение вариантов слова предполагает при тождественности

содержания и обязательную тождественность словообразовательных морфем» (Степанова, 1973, 8).

Морфологическая структура и набор словообразовательных морфем у абсолютных синонимов не одинаковы. В отличие от них у вариантов слова составляющие их морфемы генетически и материально совпадают. Несовпадения формы у вариантов касаются только фономорфологических или иных преобразований внутри данного слова.

Варианты слова и абсолютные синонимы неравноценны и в плане общелингвистической значимости. Лексическая синонимия — явление синхронное и функционально-стилистическое. Один из членов синонимического ряда бывает нейтральным, общеупотребительным, а другие употребляются или в просторечии, или являются устаревшими, диалектными и т. д. Синонимический ряд может состоять из двух, трех, четырех, пяти и более членов. Варьирование слова хронологически ограничено, оно является прямым следствием всего исторического развития языка. Вследствие этого варианты слова прежде всего маркируются по временной шкале (уходящие — входящие) и с точки зрения отношения к норме (нормативные — ненормативные), а с социальной и стилистической сторон — лишь после этого (Горбачевич, 1978в, 19). Вариантный ряд за редким исключением состоит из двух или трех членов.

Классификация вариантов слов

Общепринятой классификации вариантов слов не существует пока что ни в русском, ни в тюркских языках. По формальному признаку, т. е. в зависимости от того материального элемента, который отличает один вариант от другого, в современном русском языке выделяют четыре вида вариантности: акцентную, фонетическую, фонематическую и морфологическую. Для тюркских языков акцентные варианты, т. е. варианты, различающиеся местом ударения, не характерны, если не считать единичные случаи заимствованных из русского или через русский язык пар типа *апартамент/апартамент, община/община* и др. в татарском языке. Фономорфологические, морфологические и орфографические варианты в них не разграничиваются, т. е. все эти три вида вариантов рассматриваются нередко как фонетические варианты. Примером сказанному могут послужить упомянутая выше монография И. К. Уюкбаева и кандидатская диссертация С. Б. Бизакова. В работе И. К. Уюкбаева в качестве орфоэпических (фонетических)

вариантов приводятся как орфографические варианты типа *шамалайд/шамалайт* «определять приблизительно, прикидывать», так и фонеморфологические варианты типа *бэлэ — пэлэ* «беда, несчастье» (1976, 115). Аналогичную же ошибку допускает С. Б. Бизаков, квалифицируя чисто морфологические (*тірідей — тірілей* «живьем, в живом виде», *бйркеуиш — бйркегиш* «пульверизатор, опрыскиватель») варианты как фонетические, а фонеморфологические варианты (*шай — чай, шал — чал* «старик») как варианты орфографические (1972, 15, 17). Выделение орфографических вариантов не находит общего признания и в русистике. Исследователи обычно относят их к фонетическим вариантам (Ахманова, 1956, 42), правда, некоторые оговариваются, называя орфографические варианты «орфографически выраженными фонетическими вариантами» или «закрепленными орфографически фонетическими вариантами» (Горбачевич, 1978в, 21, 29).

С нашей точки зрения, фонеморфологические и орфографические варианты слов не тождественны и поэтому должны рассматриваться отдельно.

Часть фонеморфологических вариантов слов в тюркских языках обусловлена современными фонетическими закономерностями, одни из которых (метатеза, сингармонизм, ассимиляция и др.) проявляются обычно при произношении исконных тюркских слов, другие (эпентеза, протеза и др.) преимущественно при освоении иноязычных слов: кар.-балк. *бохча — бочха* «кошелек», *кукурт — кюкюрт* «сера», *лыбыта — ылыбыта* «лебедя», *сапыран — сапран* «желтуха»; киргиз. *кыйлан — кыйнал* «мучиться», *лакан — ылакан* «поговорка», *кеперес — купорос*; узбек. *шланга — шланг, батис — батист, шикъир — ширикъ* «звяк» и др. Подавляющее же большинство этих вариантов появилось в результате действия исторических закономерностей в развитии звукового строя тюркских языков, проникновения диалектизмов, просторечных и разговорных слов в художественную литературу и другими факторами. Примерами этой разновидности фонеморфологических вариантов являются пары слов типа татар. *кэтмэн* диал. — *китмэн* «кетмень, мотыга», *текэй/тегэй* «устремлять взгляд»; киргиз. *догоо — дого* (часть упряжки), *дукаба — тукаба* «плюш». У приведенных вариантов слов различие в произношении отражается и на письме, т. е. звуки *э — и* (*кэтмэн — китмэн*), *д — т* (*дукаба — тукаба*) и т. д. произносятся по-разному, что отражается и на их написании.

В отличие от фонеморфологических вариантов у орфо-

графических вариантов при одинаковом произношении — разное написание, ср.: узбек. *бекзот* — *бекзод* «сын бека, потомок бека», татар. *кэбаб* — *кэбап* «кебаб, шашлык»; казах. *бетбакъ I* — *бетпакъ I* «несчастный, горемычный», киргиз. *абад* — *абат II* «населенный, заселенный; благоустроенный» и др. Такие варианты должны быть унифицированы в соответствии с преимущественным употреблением одного из них.

Помимо названных вариантов слов, в тюркских языках довольно большое распространение имеют и морфологические варианты — регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова, сохраняющие тождество лексического (и грамматического) значения и различающиеся по составу словообразующих аффиксов: киргиз. *кӧргӧз* — *кӧрсӧт* «показать», узбек. *аввалгидай* — *аввалгича* «по-прежнему, как прежде, как и раньше», татар. *кигез* — *кидер* «надеть на кого-либо, заставить надеть (одежду, обувь, шапку)» и т. д.

Таким образом, в современных тюркских языках наблюдается три основных типа вариантности слов: фономорфологическая, орфографическая и морфологическая.

Фономорфологические варианты слова

Возникновение фономорфологического варьирования слова в тюркских языках связано главным образом с особенностями разговорной речи. Оно в большинстве случаев проявляется при освоении иноязычных заимствований, в ряде же случаев — при произношении исконных тюркских слов.

Фономорфологические варианты слов, возникшие в результате действия фонетических закономерностей, не ограничены устной речью, они довольно часто отражаются и на письме. В меру этого фономорфологическая вариантность в тюркских языках является объектом нормативной лексикографии.

1. Фономорфологические варианты, вызванные законами сингармонизма

Варьирование слова по сингармонизму — довольно распространенное и устойчивое явление в современных тюркских языках: татар. *эчетке* — *ачыткы* «закваска, бродило», *лэшек I* — *лапшык* «мягкий, слабый, рыхлый (о мускулах)»; казах. *ажым* — *эжім* «морщина», *абзал I* — *эбзел II*

«сбруя, упряжь»; азерб. *элэф* — *алаф* «кормовая трава, корм, фураж», *эгилли* — *агъыллы* «умный, разумный, толковый»; киргиз. *колчой* — *кӧлчӧй* «быть большим, неуклюжим (об обуви)», *мудаа* — *мӱдӧӧ* «желание, цель, интерес»; туркмен. *лӧнгкӱлди* — *лонгкулды* «трусца, мелкая рысь», *сӱнжӱлмек* — *санжылмак* «втыкаться, вонзаться» и др. Некоторые из вариантов данного вида возникли на основании фонетической адаптации заимствованного слова: киргиз. *кӱпкӧ II* — *купка* (устройство для купания овец и купание их), *бӧтӧлкӧ* — *бутылка*; казах. *бутылка* — *бӧтӧлке*, *куртка* — *кӱртке* и т. д.

С точки зрения лексикографирования сингармонических вариантов существующие толковые словари тюркских языков можно разделить на две группы: а) словари, в которых во всех случаях сингармонического варьирования слова приводится только его твердый вариант. (Сюда относятся, например, ТСТЯ и СТЯ); б) словари, в которых в одних случаях (их большинство) предпочтительным считается твердый, а в других мягкий вариант сингармонизма. Данная особенность характеризует ТСКЯ¹, ТСКЯ² и ТСАЯ (ввиду отсутствия сингармонизма в литературном узбекском языке в ТСУЯ варьирование по сингармонизму не имеет места).

Поскольку в абсолютном большинстве случаев твердый и мягкий варианты слова сосуществуют на одинаковых правах, на современном этапе развития тюркских языков унификация их невозможна*. Следовательно, словари обязаны отражать оба конкурирующих сингармонических варианта.

2. Варианты, вызванные наличием или отсутствием безударных гласных

Эта разновидность фонеморфологической вариантности включает в себя два вида: а) варианты, отличающиеся наличием или отсутствием протетического гласного перед начальными *л, р*, перед и между начальными, а также между интервокальными сочетаниями согласных; б) варианты, отличающиеся наличием и отсутствием конечного неударного гласного *а*.

* Правда, это не касается вариантов типа татарских *лэчмэ* диал. — *лычма* «насквозь (промокнуть)», *лэчкелдэй* диал. — *лычкылдау* «хлопать, хлопаться». Они должны быть унифицированы в пользу общепупребительной формы.

✓
Рассматриваемый вид фонеморфологических вариантов распространен главным образом среди дореволюционных заимствований, которые обычно пишутся в адаптированной форме, характерной для разговорного языка: кар.-балк. *гуржаба* «кружева», *бурус* «брус», *газет* «газета», *школ* «школа»; киргиз. *палоо* «плов», *алабата* «лебедя», *ыштан* «штаны»; башкир. *керэн* «хрен», *арыш* «рожь», *кэнфит* «конфета» и т. п. Однако материалы толковых словарей ряда тюркских языков говорят о том, что многие из подобных заимствований продолжают употребляться в двух вариантах: киргиз. *раазы* — *ыраазы* «довольный», *акрет* — *акырет* «загробный мир»; узбек. *шланга* — *шланг*, *растрата* — *растрат*, *батис* — *батист*; татар. *газет* — *газета*, *метаморфоз* — *метаморфоза*, *фанер/фанера*; кар.-балк. *схарла* — *ысхарла* «сукно, байка», *стауат* — *ыстауат* «стойбище», *разы* — *ыразы* «довольный», *ысталба* — *столб*, *лыбыта* — *ылыбыта* «лебедя», *плоу* — *пулоу* «плов», *гранча* — *гыранча* «разновидность женского головного (убора) платка», *шланга* — *шланг*, *танка* — *танк*, *киоска* — *киоск* и т. п. Как видно из приведенных примеров, описываемый вид фонеморфологической вариантности по сравнению с другими тюркскими языками в карачаево-балкарском языке более распространен, что в своде орфографических правил данного языка вовсе не отражено. Однако составители ТСКБЯ при определении нормативности/ненормативности приведенных вариантов слов учитывали то, что в живой речи балкарцев и карачаевцев (как монолингвов, так и билингвов) они реализуются обычно в виде *ысхарла*, *ыстауат*, *ыразы*, *ылыбыта*, *пулоу*, *гыранча*, *шланга*, *танка*, *киоска*.

В некоторых толковых словарях, например в ТСКЯ¹, наравне с вариантами, освоенными литературным языком, без всякой нужды приводятся и варианты, идущие вразрез с действующими правилами орфографии киргизского языка: *лакан*: (правильно) *ылакан* «поговорка», *лаачын*: (правильно) *ылаачын* «сокол», *акрет*: (правильно) *акырет* «загробный мир» и т. п.

В отличие от других тюркских языков, в которых имена существительные с безударным конечным гласным *а*, заимствованные из русского языка и через его посредство, освоены в соответствии с давно принятым их произношением (отпадение конечного гласного: ср. кар.-балк. *салам* «солома», *школ* «школа», *гранат* «граната» и др.) или же как в языке-источнике (ср. киргиз. *граната*, *газета*, *консерва*, *фанера* и др.), в татарском литературном языке па-

раллельно употребляются в двух вариантах: *консерв/консерва, фанер/фанера* и т. п. Составители ТСТЯ приводят такие варианты слов в одной словарной статье, под общим реестром, что вполне оправдывается.

Тюркским языкам характерна и вставка протетического гласного перед несвойственными звуками и звукосочетаниями (иногда и после таких звукосочетаний) и между ними. Отражается такое явление и на письме. Таким образом, в литературном языке появляются фонеморфологические варианты типа карачаево-балкарских *глоч — гулоч* «клюка», *смарли — сымарла* «украшать», *глан — гылан* «гвалт, шум», *къланч — къыланч* «зигзаг», *топракъ — топуракъ* «почва, глина, земля», *чокъракъ — чокъуракъ* «ракушка», *татран — татыран* «хрен», *трел — тирел* «продвинуться вплотную; упереться; застревать», *къымжа — къымыжа* «голый», *къамжакъ — къамыжакъ* «жук», *абзек — абизек* «балкарский и карачаевский парный круговой танец», *эбзе — эбизе* «сван» и др.

Весьма любопытным является следующий факт: с одной стороны, заимствования типа *столб, брус, плов* и мн. др. настолько освоены балкарцами и карачаевцами в произношении, что они с узкими вставными гласными закрепились и в орфографии, а с другой стороны, слова родного языка типа *гылан, гулоч, тирел, къыланч* и т. п. очень часто употребляются не только в устной речи, но и на письме без узких гласных *ы, у, и*.

Это парадоксальное явление Е. Д. Поливанов объяснил хорошо известным «...законом турецкого (тюркского.— Ж. Г.) языкового мышления...», законом, который исключает возможность двух согласных в начале слова.

Этот же закон, как указывает Е. Д. Поливанов, способствует и ослаблению гласного в первом открытом слоге: ввиду нехарактерности сочетаний согласных для начала тюркских слов не возникает опасности и смешения комплексов *гыл, гул, тир, къыл* и других с начальными сочетаниями согласных *гл, тр, къл* и т. п. (1968, 240).

Большинству тюркских языков, в том числе и карачаево-балкарскому, не свойственны и некоторые интервокальные сочетания, например, «шумный согласный + р» (Гузеев, 1972, 36—48; 1980, 38). Не свойственны карачаево-балкарскому языку и интервокальные сочетания согласных *мж, бз* (Гузеев, 1980, 38).

Исходя из сказанного, из приведенных вариантных пар в качестве литературной нормы следует рекомендовать варианты с узкими гласными (*гулоч, сымарла, гылан,*

къыланч, топуракъ, чокъуракъ, татыран, тирел, къымыжа, къамыжакъ, абизек, эбизе), что обязательно должно быть учтено составителями ТСКБЯ

3. Фономорфологические варианты, вызванные метатезой

Фономорфологическое варьирование этого типа находит частичное отражение и в орфографии некоторых из тюркских языков: *кыйлан* — *кыйнал* «мучиться», *карачкы* диал. — *каракчы* «пугало, чучело» (ТСКЯ¹), *алпарыс* разг. — *арпалыс* «возня, столкновение», *кегеже* разг. — *кежеге* «затылок» (ТСКЯ²), *илэри* — *ирэли* 1. «вперед», 2. «раньше, прежде» (ТСАЯ), *лэшпердей* — *лэшпердей* 1. «стать вялым, дряблым (например, о мускулах)», 2. «вянуть (о листьях)», 3. «терять упругость, пружинистость (например, о шине)», *кымырска* уст. и диал. *кырмыска* «муравей» (ТСТЯ), *пилдирукъ* разг. — *пирилдокъ* «волчок», *телмирмокъ* — *термиолмокъ* «установиться; вперить взор; смотреть (с ожиданием, томлением, жадностью)» (ТСУЯ), *ахса* — *асха* кар. «хромать», *ахча* — *ачха* кар. «деньги», *тасха* — *тахса* кар. «секрет», *ахшы* — *ашхы* «хороший» (ТСКБЯ). Из этих вариантов подача самостоятельными статьями в словаре оправдывается только тех, которые имеют место в карачаево-балкарском языке, так как одни из них, употребляясь балкарцами, не употребляются карачаевцами, а другие, наоборот, употребляясь карачаевцами, не употребляются балкарцами. Что касается вариантности этого типа слов, зарегистрированных в толковых словарях других тюркских языков, то они, как нам кажется, должны быть унифицированы с учетом прежде всего их этимологии. При затемнении этимологии нормативным следует считать тот вариант, употребление которого преобладает не только в устной речи, но и в письменных источниках.

4. Фономорфологические варианты с различием в гласных фонемах

Эти варианты подразделяются на: а) варианты слов, вызванные меной гласных фонем [o/a], [a/э], [a/e], [э/e], [э/и], [е/и]; б) варианты слов с соотношением: долгое гласное — краткое гласное и в) варианты слов с соотношением: гласная фонема в конце слова — отсутствие этой фонемы.

Среди вариантных пар, различающихся по составу

гласных фонем, наибольшее распространение имеет вариантность слов, вызванная меной гласных фонем [o/a]. Она характерна особенно узбекскому языку, где, судя по ТСУЯ, насчитывается около 50 таких пар. При этом данные словаря не дают основания для определения варианта — с каким из указанных гласных стабилизируется в качестве нормы, так как в одних случаях помету, указывающую на стилистическую ограниченность, имеют слова с гласным *o* (*лова* разг.— *лава* «лава», *арокъ* разг.— *аракъ* «водка», *ногах* — ногах 1. «внезапно, неожиданно, вдруг», 2. «случайно»), а в других с гласным *a* (*загъча* разг.— *зогъча* «галка», *мата* разг.— *мато* 1. «ткань, материя», 2. «вещь, предмет; товар», *аламон* разг.— *оломон* «толпа»). Стойко сохраняются лишь немногие пары: *шал* — *шол* II «паралич», *момо* — *мома* «мать», *одоб* — *адаб* «воспитанность, вежливость, учтивость; приличие, хороший тон» и др.

Из других тюркских языков указанное варьирование [o/a] sporadически встречается лишь в киргизском, где это обозначается с помощью отсылки: *абалтан* то же, что *оболтон* «с самого начала, с древних времен, издревле, искони», *дабыш* то же, что *добуш* «голос», *табыш* то же, что *тобуш* «голос».

Фономорфологическое варьирование [a/э] довольно часто наблюдается в азербайджанском и татарском языках. В большинстве случаев каждый из конкурирующих фономорфологических вариантов слова имеет свою словарную статью. При этом варианты снабжаются отсылками, которые в одних случаях указывают на стилистическую ограниченность (ср. татар. *кэрэмэт* разг. см. *кэрамэт* «чудесный, чудотворный; имеющий чудодейственную силу», *лэлэ* разг. см. *лалэ* «тюльпан»), а в других случаях такое указание отсутствует (ср. азерб. *дэват* см. *дават* «чернильница», *адэм* см. *адам* «человек»; татар. *санэм* см. *санам* «идол»). Лишь устаревшие варианты в ТСТЯ объединены в заголовках одной и той же словарной статьи: *кяса*, *кясэ* уст. 1. «чаша, бокал»; 2. «чашечка (цветка)».

Варианты слов, отличающиеся друг от друга по составу гласных фонем [э/и] и [е/и], характерны в основном только для татарского языка. В ТСТЯ из них диалектные и устаревшие варианты приведены в словарной статье литературных их вариантов, возглавляющих словарную статью (*печтек*, *печтик* диал. «очень мало»; *пэже*, *пэжи* диал. «конопля; пенька»), остальные типы фономорфологических вариантов приводятся самостоятельными словар-

ными статьями, снабженными отсылками (*кэтмен* диал. см. *китмэн* «кетмень, мотыга», *пигамбэр* разг. см. *пэйгамбэр* «пророк»).

Варианты слов, отличающиеся друг от друга по составу гласных фонем [а/е] и [э/е], в толковых словарях тюркских языков представлены единичными лексемами и каждый из них имеет свою словарную статью. Причем эти варианты в одних словарях снабжены отсылками, а в других их не имеют, ср., например: киргиз. *адет* то же, что *адат* «обычай; привычка, обыкновение, традиция», *ажеп* то же, что *ажап* «удивительно»; азерб. *дэми* см. *деми* «кальян, трубка»; татар. *кэрэшкэ* — *кэрешкэ* разг. «вика (полевая)» и казах. *бэтбакъ* разг.— *бетбакъ I* «несчастный», *дйдемал* разг.— *дйдадал* «сомнительный, недостовверный»; узбек. *сансирамокъ* диал.— *сенсирамокъ* «обращаться на «ты»; тыкать; фамильярничать».

С нашей точки зрения, из рассматриваемых вариантов слов вовсе не надо было давать в словарях ненормативные, т. е. устаревшие (*кяса/кясэ*) и диалектные (*печтек/печтик, кэтмэн, сансирамокъ* и др.), ибо употребление их в словарях, как уже отмечалось выше (см. разделы «Арханизмы» и «Диалектизмы»), противоречит нормативному характеру последних. Что же касается остальных фономорфологических вариантов, т. е. разговорных (*лова, бэтбакъ, кэрешкэ* и др.) и конкурирующих между собой в отношении нормы (*шал, дэват, санэм, адет, дэми* и др.), то их целесообразно объединить в заголовках одной и той же словарной статьи, т. е. приводить парами.

а) Фономорфологические варианты слов с соотношением:
длгое гласное—
краткое гласное

Эти варианты из рассматриваемых словарей представлены только в ТСКЯ¹. При этом, судя по данным этого словаря, в киргизском языке вариантные пары с краткими гласными составляют не все долгие гласные, а только *аа, оо* и *оо*: *мусапыр* — *мусапыр* «странник, бесприютный; чужестранец», *атаа* — *ата III* (слово, употребляемое для выражения желания или сожаления), *она* — *онаа* «верность (данному обещанию, любимой, любимому и т. п.), преданность (другу и т. п.)», *догоо* — *дого* «дуга (часть упряжи)», *чоочу* — *чочу I*. «пугаться, бояться», 2. перен. «вспухнуть, вскочить (напр. о желваке)», *көдөрүк* — *көрүк* «кузнечный мех» и др. Снабжая первые из этих вариантов

отсылкой (то же, что...), составители словаря предпочтительным считают вторые из них, которые в большинстве случаев, в отличие от первых, иллюстрируются печатными примерами. Учитывая, что в устной речи и первые варианты данных пар имеют широкое употребление, видимо, нельзя их оставлять за пределами составляемого двухтомного ТСКЯ¹, а желательно приводить под одним реестром со вторыми, литературными, вариантами: *мусапыр*, *муссапыр*; *мусапыр* и *мусаапыр* или *мусапыр* (*мусаапыр*).

Совершенно избыточным представляется регистрирование в данном словаре неправильных, с точки зрения орфографии, вариантов, например: *маакул*: (правильно) *макул* «ладно», *кобо*: (правильно) *кӧбӧӧ* «подшивка по краям полы и подола или по полям головного убора» и др., так как таким вариантам не место в сугубо нормативном словаре, каким именно является однотомный ТСКЯ¹.

б) Фономорфологические варианты слов
с соотношением:
гласная фонема в конце слова —
отсутствие фонемы

Они в современных тюркских языках, за исключением узбекского, представлены крайне редко: киргиз. *замана* то же, что *заман* «время, эпоха», *дайыма* то же, что *дайым* «постоянно, всегда»; туркмен. *гадымы* см. *гадым* «древний, старинный»; казах. *дэйімі* обл.—*дэйім* «постоянно, всегда», *замана* поэт.—*заман* «время, эпоха» и др. В узбекском языке вариантность этого рода имеет широкое распространение в устной речи. Многие из таких вариантов отражены и в словарях узбекского языка, в том числе и в ТСУЯ. При этом, как показывает анализ этого словаря, абсолютное большинство вариантов описываемого типа падает на слова, начинающиеся с согласного *м*, и «лишней» гласной обычно является *и*: *мавзеи* см. *мавзе* «небольшой квартал города», *мажмуи* см. *мажму* «совокупность, сумма; итог», *манбаи* см. *манба* 1. «источник: источники (чего-л.); 2. «источник, первоисточник», *матои* см. *мато* 1. «ткань, материя»; 2. «вещь, предмет; товар», *мавзуи* см. *мавзу* «тема, предмет (речи); содержание» и мн. др. Однако материал ТСУЯ свидетельствует о том, что вариант с конечным гласным в современной узбекской художественной литературе и в периодической печати не употребляется. Поэтому данный вариант, как и приведенные выше, лучше всего регистрировать в одном реестре с его лите-

ратурной формой. Такой принцип подачи можно применить и в отношении аналогичных вариантов киргизского (*зама-на — заман*), казахского (*дэими — дэйим*) и туркменского (*гадымы — гадым*) языков.

5. Фономорфологические варианты в различии в согласных фонемах

Фономорфологическая вариантность, вызванная чередованием согласных фонем, распространяется в современных тюркских языках на довольно большое количество слов и имеет следующие основные разновидности: а) различие по глухости/звонкости; б) различие по твердости/мягкости; в) варианты с соотношением: губно-губные согласные фонемы /б/, /п/—губно-зубные согласные фонемы /в/, /ф/ и г) варианты с соотношением: губно-губной смычный /б/—губно-губной смычнопроходной носовой /м/.

Варианты слов, различающиеся по глухости/звонкости согласных фонем, широко представлены во всех тюркских языках и отражаются в их словарях. В некоторых тюркских языках, например в карачаево-балкарском, они в основном являются региональными (см. раздел настоящей работы «Диалектизмы»), поэтому их параллельное употребление не только в устной, но и в письменной разновидности данного языка оправдывается, и ТСКБЯ поддерживает это. ТСАЯ и особенно ТСТЯ большинство таких вариантов приводят рядом, через запятую, снабжая общим определением, например: татар. *текэй, тегэй* «устремлять взгляд»; *шыбырдык, шыбыртык* разг. «шуршащий» и т. п. Такой принцип регистрации вариантов слов, различающихся глухостью и звонкостью согласных фонем, который, как нам кажется, заслуживает всяческой поддержки, распространяется только на стилистически равноценные варианты. Что касается стилистически неравноценных вариантов, то каждый из них имеет свою словарную статью: *кэнти* диал. *кэнди* «чашка, миска», *пиштэр* диал. *биштэр* «котомка, заплечный мешок» и т. п. В ТСКЯ¹, ТСКЯ² и ТСУЯ варианты слов рассматриваемого типа, независимо от их функционально-лингвистической принадлежности, даются отдельно в виде заглавных слов: киргиз. *гаухар — каухар* «перл, самоцвет», *дукаба — тукаба* «плюш», *зым — сым* «провода»; казах. *айгъай* разг.—*айкъай* «громкий, тревожный крик», *келтек II* разг.—*келдек II* «колос», *бушпакъ* разг.—*пушпакъ* «шкура с ног зверей»; узбек. *тутукъ* диал.—*дудукъ* «заика», *туппи* разг.—*дуппи* «тюбетейка»

и др. В ТСКЯ¹ самостоятельные словарные статьи посвящены даже неправильным вариантам: *бакта*: (правильно) *пахта* «хлопок», *козо*: (правильно) *гозо* «хлопок», *далкы*: (правильно) *талкы* «горький привкус в соли» и т. д.

Ошибочность включения в современные толковые словари диалектных (*кэнти*, *тутукъ* и др.) и неправильных с точки зрения орфографии (*бакта*, *далкы* и др.) вариантов слов не вызывает сомнения. Вариантные же пары, конкурирующие в своем употреблении (*гаухар* — *каухар*, *айгъ-ай* — *айкъай*, *туппи* — *дуппи* и др.) могли быть объединены в одной словарной статье как одна лексическая единица.

Варьирование слов по твердости/мягкости согласных фонем имеет место в основном в карачаево-балкарских и татарских старых заимствованиях. При этом более распространено соотношение *кя* — *ка*: кар.-балк. *кямар* — *камар* «женский пояс с серебряными украшениями», *кяфыр* — *кафыр* «богоотступник, нечестивец», *неках* — *неках* «обряд бракосочетания (мусульманский)»; татар. *кафире*, *кяфире* уст. «богоотступница»; *кятип* уст. — *катип* уст. «секретарь», *кясэ* уст. — *касэ* «бокал, чаша» и др. В теоретических работах по карачаево-балкарской орфографии (Гузеев, 1973, 59; 1979, 134—135; 1980, 56—58) предлагается унифицировать подобные пары слов в пользу мягкого согласного *к'*, который и освоен носителями карачаево-балкарского языка. Поэтому в ТСКБЯ не вошли варианты с твердым *к* типа *камар*, *кафыр*, *неках* и проч. Судя по данным ТСТЯ, в татарском языке предпочтение отдается, наоборот, варианту с твердым *к*, поддерживаемому современной художественной литературой, он толкуется и иллюстрируется примерами.

Относительно чередований *г'* — *г*, *л'* — *л* следует отметить, что они в современных татарском и карачаево-балкарском языках представлены у единичных слов: татар. *ляф* уст. — *лаф* уст. «хвостовство», кар.-балк. *гяур* — *гаур* «гяур», *билляхий* — *биллахий* «ей богу, клянусь». И в этих парах слов в качестве нормы в карачаево-балкарском языке уже закреплен вариант с мягкими согласными (*г'*, *л'*), поэтому варианты *гаур*, *биллахий* оставлены за пределами ТСКБЯ. В татарском языке, как свидетельствует ТСТЯ, устарели и *ляф* и *лаф*, но словарь предпочтительным считает *лаф*.

Фономорфологическое варьирование, связанное с соотношением фонем /б/ — /в/, распространено в узбекском (больше) и азербайджанском (меньше) языках. Появление вариантов слов этого типа связано главным образом с тем,

что в этих языках в интервокальной позиции губно-губной согласный /б/ обычно произносится с неполной смычкой, как звук между губно-губным взрывным б и губно-зубным проточным в. Оппозиция /б/—/в/ для этих языков, как и для других тюркских языков, не характерна, т. е. смешение данных фонем не приводит к изменению значения слова, как это имеет место в русском языке (ср. быть — выть, бор — вор и др.). Поэтому носители азербайджанского и особенно узбекского языка в устной речи допускают следующие варианты слов: азерб. *дэвэркөз* — *дэбэркөз* «пучеглазый», узбек. *кавоб* разг.— *кабоб* «шашлык», *собун* уст.— *совун* «мыло», *саба* диал.— *сава* «бурдюк», *бевош* разг.— *бебош* 1. «необузданный; отбившийся от рук; предоставленный самому себе»; 2. «недисциплинированный, неорганизованный», *соявон* разг.— *соябон* 1. «зонт, зонтик»; 2. «навес, тент»; 3. перен. «покровительство, попечение; защита; прибежище» и проч. Как видно из приведенных примеров, варианты слов с соотношением фонем /б/—/в/ в основном стилистически не равноценны. Диалектные и устаревшие варианты подобных пар не имеют отношения к литературному языку. Исходя из этого, включение их в словарь нельзя считать оправданным. Варианты же, параллельно употребляемые в литературном языке и устной речи (*бевош* разг.— *бебош*, *соявон* разг.— *соябон*), представляется целесообразным объединить в одной словарной статье.

Варьирование слов, вызванное чередованием согласных фонем /п/—/ф/, имеет место обычно только в разных замещениях, в устной речи наблюдается почти во всех тюркских языках. Однако, как уже отмечалось, в связи со стабилизацией орфографических и орфоэпических норм во многих из них оно унифицировано. Лишь в узбекском и татарском литературных языках рассматриваемое варьирование встречается в единичных случаях, и при этом в ТСТЯ и ТСУЯ нормативный вариант противопоставляется ненормативному: татар. *пилтэ* диал.— *филтэ* «фитиль», *тупрак* диал.— *туфрак* «почва; земля, грунт»; узбек. *испихон* разг.— *исфихон* «сабля, меч (изготовленные в Исфагане)», *рап* разг.— *раф* «подоконник».

Карачаево-балкарский язык в отношении варьирования /ф/—/п/ среди тюркских языков стоит особняком. Как в устной, так и в письменной его формах эта вариантность представлена гораздо шире, чем в других тюркских языках. Объясняется это, видимо, отсутствием правил относительно ее правописания в существующей орфографии

карачаево-балкарского языка. Несмотря на это, карачаево-балкарские лексикографы, исходя из того, что в отличие от большинства тюркских языков в их языке звук *ф* является фонемой (ср. оппозиции *кеп* «форма (для шляп, отливки и т. п.)», колодка» — *кеф* 1. «пьяный», 2. «внешний вид человека», *сап* «ручка чего-либо, черенок» — *саф* «ряд (в строю)», *кзылып* «сделав, совершив что-либо» — *кзылыф* «проделка» (Гузеев, 1973, 60—61; 1980, 79—80), из вариантных пар типа *патеген* — *фатеген* «керосин», *пакъырачы* — *факъырачы* «нищий, попрошайка», *элип* — *элиф* «алиф (название буквы арабского алфавита)», *пахму* — *фахму* «талант», *пайхампар* — *файхампар* «пророк», *патыуа* — *фатыуа* «наставление» и проч. в ТСКБЯ отобрали форму с фонемой /ф/.

Учитывая, что в узбекском и татарском языках вариант с согласным *ф* по своей употребительности является по сравнению с вариантом с согласным *п* наиболее перспективным с точки зрения литературной нормы, приведенные выше варианты слов (*пилтэ* — *филтэ*, *рап* — *раф* и др.) тоже следовало бы унифицировать в пользу варианта с фонемой /ф/.

Вариантность слов, связанная с соотношением согласных фонем /б/ — /м/, в той или иной мере характерна почти для всех тюркских языков, но отражается она в литературном языке только некоторых из них, особенно в киргизском и карачаево-балкарском языках. За исключением редких случаев [*мунт* разг. *бунт*, *курбан*: (правильно) *курман* и др.] варианты этого рода в ТСКЯ¹ представлены как равноценные: *бокочо* — *мокочо* «бука, чудище (дет.)», *думана* — *дубана* «вещий, старец, дервиш», *мыкын* — *быкын* «бок (сторона туловища)» и мн. др. Судя по материалам этого словаря, в одних случаях (их большинство) в литературном языке преобладает вариант с фонемой *б*, а в других (их меньшинство) — с фонемой *м*, т. е. нет возможности рекомендовать ту или иную форму в качестве нормы. Поэтому совершенно прав был К. К. Юдахин, который в киргизско-русском словаре отразил оба таких фонеморфологических варианта без всяких рекомендаций (Юдахин, 1965).

Относительно вариантов *муслийман* — *буслийман* «мусульманин», *маймёз* — *баймёз* «бязь», *мутхуз* — *бутхуз* «неяркий, тусклый, пасмурный, мутный» и проч. в карачаево-балкарском языке следует отметить, что они характерны для языка как балкарцев, так и карачаевцев. Поскольку, однако, материал словоупотребления свидетельствует о

том, что форма с *б* в современном языке явно преобладает (Гузеев, 1980, 78), составители ТСКБЯ совершенно справедливо унифицировали их в пользу нее. Что касается отдельных вариантов слов типа *бычхы* — *мычхы* «пила», *бийик* — *мийик* «высокий», *туман* — *тубан* «туман», *биз* — *миз* «шило» и проч., то они оба нашли место в названном словаре как нормативные, так как являются регионализмами: первые употребляются балкарцами и не употребляются карачаевцами, вторые употребляются карачаевцами, но не употребляются балкарцами.

Орфографические варианты слова

Орфографическая вариантность имеет место во всех тюркских письменностях. Однако в исследованиях о вариантности языковых явлений ей не уделяется никакого внимания. Орфографическая вариантность в них не выделяется, она обычно рассматривается как фонетическая вариантность. Однако орфографическая вариантность имеет качественные отличия от языковой.

1. В отличие от языковых вариантов, которые, как уже отмечалось, являются закономерным следствием развития языка, свойством системы языка, орфографические варианты — результат неупорядоченности орфографии. Орфографическое варьирование объясняется возможностью наличия правил, допускающих факультативные написания, или отсутствием правил для написания тех или иных групп слов, или же неопределенностью, нечеткостью формулировок действующих правил.

2. Языковые варианты могут существовать очень долго, тогда как орфографические варианты — явление кратковременное.

3. Варианты в языке могут быть равноправными и неравноправными [что в словарях отмечается при помощи стилистических помет: *уст.* (устаревшее), *диал.* (диалектное), *разг.* (разговорное), *прост.* (просторечное) и др.], а варианты в орфографии всегда равноправны.

4. Вариантность в языке становится избыточной только тогда, когда «варианты не имеют никакой особой нагрузки» (Филлин, 1966, 18), варианты же в орфографии всегда избыточны.

5. Варьирование в языке может вести к распаду вариантности и к преобразованию вариантных пар в самостоятельные слова, чего лишено варьирование в орфографии.

6. При отборе для словаря того или иного языкового

варианта исследователи обычно исходят из общих тенденций развития языка и из его соответствия литературным нормам. Поэтому их рекомендации не всегда совпадают. «По отношению же к орфографическим вариантам субъективное отношение исследователя к тому или иному написанию исключается. Все пишущие в одинаковой мере обязаны писать только в соответствии с действующими правилами и Орфографическим словарем» (Букчина, 1981, 221).

7. Орфографические варианты легче поддаются регламентированию, чем языковые. Их можно и надо искоренять декретом сверху, чего нельзя делать в отношении к языковым вариантам (ПЛК, 1967, 397).

Таким образом, орфографические варианты — это разновидности письменного «облика» одного и того же слова, в отличие от языковых вариантов они «стилистически равноценны, не связаны ни с фонетическими, ни с грамматическими видоизменениями слова» (Букчина, 1981, 224).

Несмотря на указанные отличия между языковыми и орфографическими вариантами, на практике выделение орфографического варьирования оказывается довольно сложным. Объясняется это тем, что в ряде случаев орфографическое и языковое варьирование переплетается. Например, варианты типа азерб. *адэм* и *адам* «человек», *дйа* и *дуа* «молитва; благословение бога»; киргиз. *дукаба* и *тукаба* «плюш», *барча* и *парча*; узбек. *арокъ* и *аракъ* «водка», *зирвак* и *зирбак* «поджаренные в сале мясо, лук и морковь (для плова)» и др. являются орфографически отмечаемыми языковыми вариантами, т. е. фонеморфологическими вариантами, обозначающимися на письме.

Варианты типа приведенных одни ученые считают фонетическими (Ахманова, 1956, 43—47; Бизаков, 1972, 5), по мнению же других, их нельзя считать «лишь фонетическими вариантами, ибо в них фонетическое варьирование приводит к морфологическим изменениям» (Рогожникова, 1966, 25).

Представляется, что данные варианты наиболее удачно охарактеризованы А. А. Юлдашевым как фонеморфологические (1981, 79—87). Не установлены четкие границы между орфографическими вариантами, с одной стороны, и фонеморфологическими — с другой, даже в специальных исследованиях. Так, в упомянутой работе И. К. Уюкбаева к орфографическому типу варьирования отнесены всякие фонеморфологические и морфологические варианты вроде *нэлэт* — *лэнэт* «проклятие», *азар* — *азэр* «еле, едва»; *айкъ-*

ай — *айгъай* «крик, шум», *кебек* — *кеук* «отруби», *къызметши* — *къызметкер* «работник, служащий», *сыпыргъыш* — *сыпырткы* «веник, метла» и др.

Анализ толковых словарей тюркских языков показывает, что и у составителей некоторых из них отсутствует разграничение между собственно орфографическими и фономорфологическими вариантами. Это подтверждает, например, текст инструкции для составления ТСКЯ¹, руководства по составлению ТСУЯ и предисловия к ТСКЯ². Так, например, в инструкции для составления ТСКЯ¹ говорится: «Каждая из вариантных пар слов, которые должны были писаться одинаково, но в практике широко употребляются и с дwoяким написанием, дается на своем месте» (Инструкция II, 1964, 27). Но в качестве орфографических приводятся только фономорфологические (*лакан* и *ылакан* «поговорка», *руксат* и *уруксат* «разрешение, позволение», *гозо* и *козо* «хлопок (растение)», *сым* и *зым* «провода», *казал* и *казел* «газель») варианты. В руководстве по составлению ТСУЯ читаем: «Орфографические, фонетические и стилистические варианты слов, широко употребляемые в письменной литературе, вводятся в словарь» (Руководство, 1964, 16). Но в приведенных примерах нет ни одного орфографического варианта, все они являются фономорфологическими вариантами: *холва* — *халва* «халва», *адаб* — *оодоб* «воспитанность, вежливость, учтивость; приличие, хороший тон», *маъни* — *маъно* «смысл, значение», *набира* — *невара* «внук», *гъовгъа* — *гъавгъо* 1. «шум, крик», «гам»; 2. «скандал»; 3. «заботы, хлопоты». Однако, как и в ТСКЯ¹, в ТСУЯ наряду с фономорфологическими вариантами слов приводятся и орфографические варианты (см. ниже).

Предисловие к ТСКЯ² призывает брать в словарь параллельно употребляемые дублиеты и варианты. Судя по примерам, данным здесь, словарь фиксирует только фономорфологические варианты, оставляя в стороне орфографические варианты. Но знакомство с самим словарем говорит о том, что и орфографические варианты слов широко приведены в нем.

Теоретическая неразработанность вопроса о структурных типах варьирования слов в тюркских языках сказана и на практике составления их общих словарей, где орфографические варианты приведены как отдельные слова, каждому из которых посвящена словарная статья: киргиз. *абад* — *абат* II «населенный, заселенный; благоустроенный», *мурад* — *мурат* «цель, намерение», *насбай* —

наспай «особо изготовленный табак, закладываемый за губу или под язык», *асбап* — *аспап* «инструмент; орудие»; узбек. *бекзот* — *бекзод* «сын бека, потомок бека», *зап* — *заб* «очень хороший, замечательный, отличный», *запт* — *запт* «завоевание, оккупация, захват», *бадтар* — *баттар* 1. «хуже, еще хуже»; 2. «еще больше, в большей степени»; казах. *бетбакъ* 1 — *бетпакъ* 1 «несчастный, горемычный» и проч.

Орфографические варианты в ТСТЯ даются не как две самостоятельные словарные единицы, а как одна единица, т. е. объединены в заголовке одной и той же словарной статьи: *кэбаб/кэбап* «кебаб, шашлык», *тамуг/тамук* «ад, преисподня, геенна огненная», *гаит/гаид* уст. «относящийся, имеющий отношение» и проч. Однако этот принцип, с нашей точки зрения совершенно правильный, изредка нарушается — каждая единица орфографической пары составляет самостоятельную словарную статью: *табиб* разг. — *табип* «лекарь, врачеватель; врач», *тавар* разг. — *товар*.

В ТСАЯ и ТСКБЯ орфографические варианты слов как реестровые единицы вообще не приводятся.

Трудность разграничения собственно орфографических и фономорфологических вариантов объясняется тем, что между ними имеется много общего: большинство фономорфологических вариантов, как и орфографические варианты, «строго лексикализованы, не поддерживаются системой современного языка, не образуют регулярных соответствий грамматического характера; несовпадения в фонемах не являются результатом фонетических чередований» (Букчина, 1981, 231) или других комбинаторных изменений звуков. Однако их различает то, что орфографическое варьирование не связано с произношением, т. е. орфографические варианты произносятся одинаково (ср.: *кэбаб* и *кэбап*, *бадтар* и *баттар*), а фономорфологические варианты, как правило, на письме отражают различие в произношении, т. е. они и пишутся и произносятся по-разному (ср. *сым* и *зым*, *маъни* и *маъно*).

Морфологические варианты слова

Наличие морфологических вариантов слов в тюркских языках объясняется в основном следующими причинами: 1) взаимодействием устной и письменной разновидностей литературного языка: киргиз. *кӧргӧз* разг. — *кӧрсӧт* «показать», *зырыдла* разг. — *зыркыра* «мчаться»; азерб. *эриник* разг. — *эринчек* «ленивый», *дијѣнчѣк* разг. — *дѣјѣнчѣ* «узе-

лок, связка, кипа, тюк»; татар. *рэхимчел* разг.— *рэхимле* «жалостливый, милосердный, добросердечный, добрый», *кигезй* разг.— *кидерй* «надеть на кого-л., заставить надеть (одежду, обувь, шапку)» и т. д.; 2) параллельным существованием заимствованных и исконных аффиксов: кар.-балк. *почтачы* — *почтальон*, татар. *мотоциклист* — *мотоциклчы*, киргиз. *моторчу* — *моторист*, узбек. *диверсант* — *диверсиячы*, азерб. *дэфтэрчи* — *дэфтэрдар* «работник канцелярии», узбек. *афсунчи* — *афсунгар* «чародей, колдун, волшебник», киргиз. *пахтакер* — *пахтачы* «хлопкороб» и т. д.; 3) параллельным существованием двух различных заимствованных аффиксов: туркмен. *карткеш* — *картбаз* «картежник», *сйбсекеш* — *сйбсегер* «уборщик, уборщица», *зулумдар* — *зулумкеш* «угнетатель, насильник, тиран, деспот»; киргиз. *аракор* — *аракеч* «пьяница», *паракеч* — *паракор* «взяточник»; узбек. *пиллапоча* — *пиллапоя* «ступенька (лестницы)», *ёлпеч* — *ёлпуш* «попона» и т. д.; 4) взаимодействием литературного языка с народными говорами: узбек. *савачун* диал.— *сафагъич* 1. «прут, тонкая палка или связка прутьев, которыми треплют вату, шерсть и т. п.», 2. «тростник», татар. *чэйгйн* диал.— *чэйнэк* «чайник» и т. д.

Члены вариантных пар первых трех групп параллельно представлены в каждом из названных литературных языков. Это устойчивые параллельные формы, являющиеся самостоятельными лексическими единицами. Поэтому включение их в словарь на правах отдельных слов в целом не вызывает возражения. Однако такие варианты, как киргизские *билгиз* — *билдир* «дать знать, сообщить», *откоз* — *откөр* «проводить, заставлять проходить»; узбек. *аввалгидай* — *аввалгича* «по-прежнему, как прежде, как и раньше», представляется целесообразным объединить, как поступили составители ТСАЯ в большинстве подобных случаев.

Что касается морфологических диалектизмов (узбек. *савачун*, татар. *чэйгйн*), арханзмов [узбек. *пагъамол* «палочка для скатывания клона ваты в трубку, из которой потом прядут нить», *пахсазан* «мастер, возводящий глинобитные стены» (ср. варианты: *пагъамол* уст.— *пагъачун*, *пахсазан* уст.— *пахсакеш*)], а также грубых просторечий [татар. *бэлешэю/бэлэшию* (более употребительный вариант *бэлешлэн* «знакомиться, познакомиться»)], то вообще нет никакого смысла приводить их в словарях современных литературных языков.

В процессе развития языка некоторые варианты

формы могут устраняться, став разными словами в связи с тем, что за ними закрепляются разные значения. Так дифференцированы, например, следующие морфологические варианты: кар.-балк. *кёзлук* «счки» и *кёзюлдюреуюк* «бинокль»; киргиз. *эчтеке* «ничего, ничто» и *эчтеме* «ничего (при отрицании)»; башкир. *сэйгйн* «чайник фарфоровый (для заварки)» и *сэйник* «чайник металлический»; татар. *кечкентэй* «очень маленький» и *кэчкенэ* 1. «маленький, небольшой», 2. «невысокий (о голосе)», 3. «незначительный, ничтожный», 4. «малолетний». Предложенная отдельная подача подобных пар слов в соответствующих словарях представляется справедливой.

ГРАНИЦЫ И ОБЪЕМ ФРАЗЕОЛОГИИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Известно, что в качестве лингвистических единиц, требующих определения, помимо отдельных слов, в толковые словари включаются также фразеологизмы. Вопрос о принципах отбора их является одним из сложных в тюркской лексикографии. Именно отбор фразеологизмов представляет собой наиболее спорную и уязвимую часть толкового словаря каждого тюркского языка.

В последние два десятилетия в области фразеологии (как русской, так и тюркской) сделано довольно много. Несмотря на это, ряд проблем фразеологии, весьма существенных для лексикографической практики, еще остается недостаточно проясненным и установленным. Прежде всего это касается природы и границ фразеологических единиц.

Как среди русистов, так и среди тюркологов до сих пор нет единства и понимания самой природы фразеологии. «...Даже одни и те же словесные комплексы определяются у разных авторов по-разному в их отношении к фразеологическому фонду языка...» (Амосова, 1962, 3). Например, такие повторы, как *ноль-ноль*, *ни-ни* в словаре С. И. Ожегова зарегистрированы как ФЕ, тогда как в ФСМ они отсутствуют. Сочетания служебного слова с полнозначным типа *с жиру, на словах* в МАС и БАС квалифицированы как ФЕ, а в словаре С. И. Ожегова они не приводятся.

В толковых и фразеологических словарях тюркских языков подобных разногласий еще больше. Так, словесный комплекс *кундан-кун(га)* «изо дня в день, с каждым днем» в ТСУЯ зарегистрирован в качестве ФЕ, а аналогичный же двусловный комплекс *йилдан-йил(га)* «из года в год, с каждым годом» — как слово. Что касается комплекса слов *ойдан-ой(га)* «каждый месяц», то он в данном словаре не приводится ни в качестве слова, ни в качестве ФЕ. В ТСТЯ и ТСКЯ² словесные комплексы приведенного типа зарегистрированы как слова, а в ТСКБЯ они вовсе не попали из-за того, что в карачаево-балкарском языке эти комплексы пишутся раздельно.

Не решен вопрос и о границах фразеологии: одни исследователи неограниченно расширяют границы ее, другие,

наоборот, сужают. Этим объясняется произвольность подбора ФЕ в толковые и фразеологические словари тюркских языков.

Анализ толковых словарей тюркских языков показывает, что в большинстве из них проблема отграничения ФЕ от других языковых конструкций, а именно: от обычных простых слов, парных слов и повторов, аналитических глаголов, терминологических и свободных словосочетаний, а также пословиц и поговорок, разрешена неудовлетворительно. В некоторых словарях не на должном уровне решены и такие вопросы, как разграничение фразеологической полисемии, омонимии, синонимии и вариантности, определение состава и формы ФЕ. Объем фразеологии, отбираемой в толковые и фразеологические словари, зависит от того или иного решения всех этих вопросов.

I

ФЕ следует отделять от слов, хотя между ними и имеются некоторые сходные черты, в основном проявляющиеся в том, что ФЕ, как и слово, может выступать в языке как отдельная самостоятельная единица: ФЕ и слово могут быть соотнесены по своим лексическим значениям как синонимы; например: кар.-балк. *ол дунягъа кет* «отправиться на тот свет» — *ёл* «умереть», *башдан аякъ* «с головы до ног» — *саулай* «целиком»; башкир. *йорэген ярыу* — *кзуркзытыу* «перепугать» и др. Однако между словом и ФЕ имеются существенные различия. Внешний признак, по которому они отличаются, заключается в том, что слово — единица «цельнооформленная», а ФЕ «раздельнооформленная» (Сидоренко, 1962, 282; Телия, 1966, 29). Этот признак может послужить для внешнего разграничения слов как однолексемных единиц и ФЕ как многолексемных (Уракин, 1975, 10).

Слово и ФЕ различаются и семантически. В слове доминирующим является прямое, номинативное значение, а во ФЕ — образно-номинативное.

Как известно, большинству ФЕ свойственны такие признаки, как переносность значения, образность, роль средства выразительности, «заложенная в самой их природе» (Федосов, 1977, 24), и невозможность буквального перевода их на другие языки. Эти признаки ФЕ характерны и для многих слов. Многие слова, например, не имеют соответствующего эквивалента в других языках, особенно

слова с переносным значением. Они, как и ФЕ, могут выполнять функцию средства выразительности. Это и является причиной того, что некоторые лингвисты (М. И. Михельсон, В. Ф. Рудов и др.), в том числе и авторы более современных работ (Реформатский, 1967, 124), включали во фразеологию не только выражения, но и слова, однолексемные единицы. Мнение этих лингвистов разделяют и составители современных толковых словарей русского языка, зарегистрировав многие отдельные слова как ФЕ, например: *благодарю, боже!, видишь (видите), виноват (виновата), внимание, вниманию, воздух!, данная (величина), (хоть) завались, знай, идет, извини (те), именем, имени и др.* (БАС и МАС), *господи!, горько!, даешь!, ходу!, крышка, станет, шутишь!* (СО).

Не без влияния названных словарей составлены русско-тюркские и тюркские толковые словари. Отдельные слова зарегистрированы как ФЕ в КРС¹, КРС², КРС³, КРПС, ТРС¹ и отчасти в УРС и ТРС², например: кумык. *болду* «кончено!, решено!», *акълар* «белые, белогвардейцы», *яша* «браво!, молодец!»; киргиз. *бол!* «живо!», *болду!*, *бйттй!* «кончено!», *жогол!* «убирайся вон!»; казах. *жоргегинен* «с пеленок», *сакъадай* «отборный», *къарашыгъым* «мой милый»; карaim. *адэплэнгин!* «будь благородным», *кечиргянь* «выкидыш», *бирдэ* «ни один, никто, никакой»; турец. *adina* «от имени, именем кого-чего», *adlar* спорт. «ворота», *aksatmadan* «без задержки»; узбек. *чилтандай* «маленький и худой как былинка», *огъизда* «на словах»; туркмен. *аклар, яшасын!* «да здравствует!». Из толковых словарей в этом вопросе особенно отличился ТСУЯ, возвысив довольно много однословных единиц в ранг ФЕ. Вот некоторые из них: *(хар) сеними!* «вот я тебе задам!», *бировлар* «некоторые люди», *адресига* «в адрес», *(узи) тинчликми?* «что случилось?», *буйнида* «на его ответственности», *бахтига* «к счастью», *гурдами/гурними?* «где уж там!, черта с два», *иссигъида* «пока не поздно», *номига* «так называемый», *номидан* «от (чьего-л.) имени». Что касается толковых словарей других тюркских языков, то в них рассматриваемый факт имеет место лишь в единичных случаях, например: азерб. *гуллу!* «я к вашим услугам!, слушаюсь!»; татар. *адресына (карата)* «в адрес»; казах. *къарагъым* «светик мой, милый мой».

Однако взгляд о том, что отдельные слова тоже могут быть ФЕ, противоречит уже самому существованию фразеологии: минимум два слова могут составить ФЕ, она должна состоять из двух и более компонентов (ФСМ, 10; Жуков,

1978, 6). Это положение уже не оспаривается никем из фразеологов (Архангельский, 1964, 104).

Следует особо отметить, что образность отдельных слов и ФЕ не совпадает. Любое слово может быть средством образности, но только в определенном контексте. Так, например, в карачаево-балкарском слове *жарыкъ* «свет, светлый» переносное значение «веселый» осмысливается образно лишь в сочетании его со словом *адам* «человек» (*жарыкъ адам* «веселый человек»). А ФЕ — это готовые штампы, клише, вводимые в речь, чтобы сделать ее яркой, образной, эмоциональной. Если слова с образным лексическим значением употребляются очень часто и от этого становятся истертыми шаблонами, то ФЕ «...от частого употребления не «изнашиваются» в своей образности. Они — обиходно-разговорные единицы, значение которых всегда переносное, при любом употреблении» (Гепнер, 1964, 58—59).

У теоретиков фразеологии нет единого мнения по вопросу о том, какими словами должны быть компоненты ФЕ — знаменательными или служебными. Одни из фразеологов считают, что оба слова ФЕ должны быть знаменательными (Шанский, 1972, 168), другие полагают, что одно слово ФЕ может быть знаменательным, а другое — служебным (Бабкин, 1964, 9; Гепнер, 1964, 64), по мнению же третьих, допустимы и такие ФЕ, оба компонента которых являются служебными словами. Однако практика составления толковых и фразеологических словарей тюркских языков свидетельствует о том, что в ФЕ может быть сочетание не только знаменательных слов, но и служебного и знаменательного, а также одних служебных слов, например: кар.-балк. *башы бла*, узбек. *боши билан*, киргиз. *башы менен*, татар. *башы белэн* диал. «целиком, полностью»; киргиз. *а дегенде* «сперва»; татар. *инг азында (кимендэ)* «в крайнем случае»; кар.-балк. *атамы жанында* «на том свете»; казах., киргиз. *алдын ала* «заблаговременно, приняв предупредительные меры»; кар.-балк. *артын ала* «в конце»; киргиз. *алды менен* «сначала»; казах. *енг алдымен* «перво-наперво» и др.

II

Несмотря на обилие исследований по парным словам тюркских языков (Дмитриев, 1930; Убрятова, 1948; Джаркешева, 1950; Шукуров, 1955; Кайдаров, 1958; Адилов, 1958; Аганин, 1959; Ходжиев, 1963; Адбурахманов, 1975 и др.), отличие их от ФЕ остается невыясненным до конца.

Ряд исследователей тюркской фразеологии к ФЕ относят и отдельные парные слова (Кенесбаев, 1944; Жарашуева, 1968, 5—6, 10, 23—24; Наурузбаева, 1972, 43, 70, 71; Ахунзянов, 1974). Соответственно в некоторых тюркско-русских и тюркских толковых словарях большое количество парных слов квалифицируется как ФЕ. Из тюркско-русских словарей КРС² в этом вопросе занял особую позицию, отнеся почти все имеющиеся в картотеке словаря парные слова к фразеологии. Вот примеры только на букву А: *ай-асман* «небесная высь», *ачык-айрым* «открыто, явно; откровенно», *акты-кара/акты-каралы* «правый и неправый; правда и ложь» (букв. белое и черное), *алды-берди* «взаимные расчеты», *алдым-бердим* (о людях) «одна шайка-лейка», *алар-албас* «нестоящая вещь, барахло», *алдым-жуттум* «хапуга; мошенник», *алдым-саттым* «они сторговались», *ара-торо* «кое-где, иногда», *аркы-терки* «крест-накрест», *ары-бери* 1. «туда-сюда», 2. «кое-как», *аты-журтка* «все-му народу», *аттан-буттан* «легко, без затруднений (перепрыгнуть, перейти)», *аттуу-баштуулар* уст. «знать, верхушка общества», *ачакей-жумакей* «название детской игры», *ашпай-шашпай* «четко, ясно», *ашык-машык* «шарнир напр., дверной», *аяк-бучкак* «шворот-навыворот», *аяк-табак* «кухонная и столовая посуда».

Из других аналогичных словарей парные слова, оцененные как ФЕ, встречаются в УРС, КРС¹, КРС³, КРПС, но гораздо реже, чем в КРС², например; узбек. *ер-сув* «недвижимое имущество» (букв. земля-вода), *ном-нишон* «признак, след», *нори-бери* 1. «туда-сюда», 2. «наскобе, наспех; второпях, торопливо»; кумык. *етер-етмес* «более или менее (отвечающий чему-л.)»; почти что приблизительно, *онда-мунда* 1. «там и тут, там-сям», 2. «туда-сюда», *оюн-масхара* «шутки, шалости, забавы»; казах. *талас-тартыс* «тяжба», *кѣанат-кѣуйрыкъ* «дети; потомство»; карaim. *кѣол-кѣолгѣа* «вместе, разом», *олур-олмаз* «всевозможные», *фалан-фастан* «спрашивающий, допрашивающий».

Толковые словари тюркских языков появились намного позже тюркско-русских. Стало быть, в них не должна была повторяться отмеченная ошибка в оценке парных слов. В ТСУЯ, действительно, довольно редко встречаются примеры типа приведенных: *унга-бунга* «всякому, каждому», *ундан-бундан* 1. «от каждого, всякого», 2. «о том, о сем» и др., а в ТСТЯ, ТСКЯ² и СТЯ их вовсе нет. Что касается ТСКЯ¹, то в нем все парные слова помещены за знаком фразеологии (◆). Если учесть, что этот словарь вышел в свет спустя много лет после того, как парные слова на

материале киргизского языка были довольно подробно исследованы (Шукуров, 1955, 25—59; Орузбаева, 1964, 75—87), и к тому времени имелось много специальных исследований о парных словах на материале других тюркских языков (см. выше), то непростительно составителям и редакторам ТСКЯ¹ неразличение парных слов от ФЕ.

Большинство парных слов употребляется в прямом значении, но от «простых» слов они отличаются тем, что выражают значение собирательной множественности и обобщенности.

Часть парных слов имеет метафорическое значение: кар.-балк. *жаным-тиним* «самое дорогое для меня» (букв. душа-плоть моя); татар. *килде-китте* «несуразный, нелепый; взбалмошный, неуравновешенный, сумасбродный» (букв. пришел-ушел); киргиз. *алдым-жуттум* «хапуга, мошенник»; башкир. *инэле-сыгъталы* «слегка помешанный»; узбек. *иссыкъ-совуқъчи* «знахарь, знахарка, ворожея» и т. п. Такие языковые единицы следует рассматривать как составные слова, компоненты которых и семантически, и интонационно неотделимы друг от друга, в грамматическом отношении однородны, всегда имеют одинаковое грамматическое оформление, т. е. они уже превратились в отдельное слово (Ураксин, 1975, 16—17).

Многие парные слова могут выступать в качестве компонентов ФЕ, например: туркмен. *ангка-тангка болмак* «растеряться»; башкир. *ул-был булмас борон* «пока ничего не случилось»; киргиз. *жан-дили мнен* «всеми фибрами души»; кар.-балк. *баш-аякъ сал* «прилагать все силы при выполнении чего-л.»; казах. *бас-көз болуу* «присматривать за кем-л., стеречь кого-, чего-л.» и др.

Нельзя отнести к фразеологии также морфологизированные повторы типа узбек. *кундан-кун(га)* «изо дня в день»; азерб. *ил-илдэн/илдэн-илэ* «из года в год», как это наблюдается в ТСУЯ и ТСАЯ. Дело в том, что подобные языковые единицы, кроме регулярной воспроизводимости, не имеют ничего общего с ФЕ. Они должны расцениваться в словарях как парные слова.

В оценке языковых единиц, аналогичных приведенным, нет единства не только между разными словарями, но и в пределах одного и того же словаря. Например, в ТСУЯ морфологизированный повтор *кундан-кун(га)*, как уже говорилось, квалифицирован как ФЕ, а аналогичное же слово *йилдан-йил(га)* «из года в год» — как парное слово, а в УРС оба они даны как парные слова. В ТСАЯ сходный повтор *елден-елэ* «из года в год» отнесен к фразеологии,

а не отличающееся от него по своей структуре слово *јајдан-јаја* «каждое лето» приведено за условным знаком сложных слов (■) в статье слова *йай I* «лето».

Следует отметить, что многие ФЕ в анализируемых словарях ошибочно квалифицированы как парные слова. Например, беспорная ФЕ типа кар.-балк. *жаным (-ынг, -ы) -тиним (-инг, -и) бла*, киргиз. *жан-дили менен* «всеми фибрами души» в ТСКЯ² приведена как парное слово: *жан-тэнимен*. Здесь послелог *мен* пишется с существительными *тэн* «плоть, тело» слитно, в связи с чем ФЕ по форме выглядит как парное слово, компоненты которого обязательно пишутся через дефис. В ТСКБЯ сочетания, представляющие частичный повтор с морфологическим видоизменением слова, типа *кэолдан кэолгэа* «из рук в руки», *бетден бетге* «лицом к лицу», *башдан башха* «баш на баш» и др., помещены за условным знаком фразеологии потому, что они полностью отвечают требованиям, предъявляемым к последней: постоянная воспроизводимость, цельность значения, метафоричность и экспрессивно-эмоциональная выразительность. Однако эти же и им подобные повторы в СТЯ, ТСУЯ и ТСКЯ² даны не как фразеологические, а как лексические единицы, например: туркмен. *баша-баш 2*. «баш на баш», *ййзбе-ййз* «с глазу на глаз»; узбек. *бетма-бет* «лицом к лицу», *бошма-бош 2*. «баш на баш», *сузма-суз* «слово в слово», *кэулма-кэул*; казах. *баспа-бас, бетпе-бет, жйзбе-жйз* «лицом к лицу», *кэзбе-кэз, кэолма-кэол*. Некоторые исследователи признают близость лингвистических единиц приведенного рода к фразеологизмам (Амангельдыева, 1971, 7).

В ряде тюркских языков встречаются образования типа киргиз. *кюйюп-бышуу (жануу) 1*. (букв. скорее вариться, жариться), туркмен. *саралып-солмак* «исхудать, увянуть, исстрадаться (от любви)» (букв. пожелтев, блекнуть). Они, как и приведенные выше повторы, обладают дифференциальными признаками ФЕ, что позволяет поместить их в общих словарях за условным знаком фразеологии. Однако в СТЯ эти ФЕ квалифицированы как парные слова.

Поскольку правописание приведенных лингвистических единиц носит условный характер и «не отличается ни научной обоснованностью, ни единообразием и последовательностью» (Юлдашев, 1972, 197), выделение их как языковых единиц и их лингвистическая квалификация не должны быть поставлены в зависимость от того, пишутся их компоненты раздельно, полуслитно или слитно.

Из имеющихся толковых словарей тюркских языков только в ТСТЯ, ТСАЯ и ТСУЯ аналитические глаголы даются в доромбовой части и, таким образом, отделяются от фразеологии. При этом в отличие от ТСТЯ и ТСУЯ, где эти глаголы не отграничены от фразеологии каким-либо условным знаком, в ТСАЯ они помещаются за знаком квадрата (■). В остальных толковых словарях (ТСКЯ¹, ТСКЯ² и СТЯ) такие глаголы приводятся вперемешку с фразеологией. Поэтому о случаях неразграничения аналитических глаголов и ФЕ судить невозможно.

Как показывает анализ ФЕ, помещенных в исследуемые словари, некоторые из них, а именно глагольные ФЕ, во многих случаях смешиваются с аналитическими глаголами. Этот факт имеет место в основном в ТСУЯ. Например, здесь глагольные ФЕ *окъдан къорани ажратмокъ* «разбираться в людях, разбираться в чем-либо» (букв. отличать белое от черного), *кунгли кутарилди* (или *усди*) «воспрянуть духом, ободряться, воодушевляться», *кун курмокъ* (или *кечирмокъ*, *утказмокъ*) «жить, существовать», *кун бермэйди* «не давать спокойно жить, постоянно теревить», *ичини бушатмокъ* «отводить душу» и мн. др. приведены в качестве аналитических глаголов. Нередки и обратные случаи, когда аналитические глаголы приводятся в одном ряду с глагольными ФЕ. Так, например, за знаком ромба помещены в словаре такие аналитические глаголы, как *кор къилмокъ* «действовать, оказать действие, влиять», *закъум къилмокъ* «сделать горьким, придавать горечь», *иншо къилмокъ* «воздвигать, сооружать; творить» и т. п.

Что касается ТСТЯ и ТСАЯ, то в них названные лингвистические единицы четко отграничены.

Сходство между глагольной ФЕ и аналитическим глаголом чисто внешнее: как и глагольная (и вообще любая) ФЕ, аналитический глагол может быть эквивалентом слова, например: кар.-балк. *салам бер-саламлаш* «здороваться», *азат эт-азатла* «освобождать от неволи»; татар. *бар итй-булдыру* «осуществлять», *бер булу-берегй* «объединяться»; казах. *сэлэм алды-амандасты* «здороваться», *суракъ берді-сурады* «спрашивать» и др.; как и глагольная ФЕ, аналитический глагол в предложении бывает чаще всего сказуемым.

Однако в семантическом отношении глагольная ФЕ и аналитический глагол резко отличаются друг от друга. Так, в отличие от глагольной (и от любой) ФЕ, аналити-

ческий глагол, помимо номинативного значения, несет с собой экспрессивное значение.

Из всех типов аналитических глаголов к сфере фразеологии можно отнести лишь следующие глагольные устойчивые сочетания.

1) Образования, в которых именной их компонент имеет фразеологически связанное значение, например: кар.-балк. *тин-тер басды* «сильно вспотеть», *тюп болду* «уничтожаться, исчезать полностью», *кѳаст эт* «задаваться целью, намереваться, внушать себе выполнить что-н.»; киргиз. *танг калуу*, *анг-танг болуу* «удивляться, изумляться», *денгдароо болуу* «не знать, что выбрать, на чем остановиться, на что решиться»; татар. *ваз кичй* «отречься, отступить, отказаться», *ык-мык итй (кили)* «мямлить, мяться; заикаться, запинаться», *иге-чиге булмау* «не иметь конца и края»; туркмен. *эт болмак (галмак)* «остаться с носом», *барк урмак* «блистать, сиять», *сем этмек* «заставить замолчать»; казах. *кѳор етти* «храпеть», *бэйек болды* 1. «угодничать, угождать», 2. «подхалимничать, льстить» и др. Как видно из этих примеров, именной компонент в подобных образованиях без глагольного компонента в данном значении не функционирует.

Однако такие ФЕ в существующих толковых словарях тюркских языков, как нам кажется, далеко не всегда размещаются правильно: киргиз. *танг*: *танг калуу*; казах. *бэйек*: *бэйек болды*; туркмен. *барк*: *барк урмак* и т. п.

Думается, что карачаево-балкарские лексикографы нашли оптимальное решение этого вопроса, помещая в составленном ими трехтомном Толковом словаре карачаево-балкарского языка названные лингвистические единицы за знаком фразеологии.

2) Аналитические глаголы, первый компонент которых употребляется в переносном значении, являющемся достоянием всей этой сложной лексики в целом, например: кар.-балк. *тап эт* «навредить кому-л. на радость другому» (ср. глагольное значение этого сочетания «наладить, правильно решить какой-л. вопрос»), *ит болду* «поступить скверно» (букв. стать собакой); казах. *адам болды* — 1. «стать взрослым», 2. «стать хорошим человеком», *адам етти* «вывести в люди»; татар. *эт булу* «сильно устать, изнуриться», *эт булып* «сильно, очень крепко» и др.

По вопросу о соотношении терминологических сочетаний с ФЕ в лингвистической литературе в основном существуют две противоположные точки зрения. Одна из них доказывает правомерность абсолютного, а другая ограниченного допуска терминологических сочетаний в область фразеологии. Сторонники абсолютного допуска составных терминов к сфере фразеологических средств языка (О. С. Ахманова, Л. Ф. Киреева, С. Д. Береснев и др.) исходят из «цельности номинации» терминологического сочетания. По их мнению, «сама терминологическая функция этих словосочетаний... уже делает их устойчивыми при самом их возникновении» (Киреева, 1960, 99), что собственно термином может быть только слово, а словосочетание — это ФЕ в системе терминологии, а не термин (Береснев, 1960).

Эта точка зрения получила почти полную поддержку в показаниях имеющихся толковых словарей тюркских языков. Так, за исключением ТСТЯ, все они (СТЯ, ТСКЯ¹, ТСКЯ², ТСУЯ и ТСАЯ) поместили терминологические сочетания за условным знаком фразеологии (◆). Что касается ТСТЯ, то в нем составные термины не причисляются к фразеологии и приводятся отдельно от нее, без условного знака.

Сторонники ограниченного допуска составных терминов в область фразеологии (В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, А. М. Бабкин, Е. Н. Толикина и др.) считают возможным отнести к последней только те терминологические сочетания, которые развили переносное значение и стали употребляться в этом значении в общем литературном языке. Эта точка зрения представляется более правильной.

В последние годы в тюркской фразеологии наметилась еще третья точка зрения, согласно которой терминологические сочетания вообще не могут быть отнесены к фразеологизмам (Хертек, 1978, 25—26).

ФЕ и терминологические сочетания сходны между собой лишь по двум признакам: по воспроизводимости и целостности в семантико-грамматическом отношении. Однако номинативная функция, статичность и узкая направленность семантики, отсутствие экспрессивно-эмоционального момента позволяют рассматривать терминологические сочетания в отдельности от фразеологии (Ураксин, 1975, 15).

Тем не менее некоторые составные термины могут развить переносное значение, т. е. фразеологизироваться. Например: кар.-балк. *сууну энишне барыу* «плыть по течению»=подчиняться в своем поведении сложившимся обстоятельствам, не пытаясь изменить их [*Асхат, ишни халын тап кёрмей: «Мен да, бирсилеча, сууну энишге барсаммы иги болур?» деген суюмга келди* (Ж. Токумаев) «Асхату обстоятельства не понравились, и он подумал: «Может, и мне, как и другим, плыть по течению»]. Слово-сочетание *экинчи сорт* «второй сорт» > ФЕ *экинчи сортлу* «второго сорта»=отверженный, не имеющий в обществе равных с другими его членами прав (*Негрлени эркинлик-лери болмагъаны, ала экинчи сортлу адамла болгъанлары кимге да белгиледи* (газ. «Коммунизмге жол») «Общезвестно, что у негров нет прав, они являются людьми второго сорта»); татар. *апогеена житї* «достигать апогея»=доходить до высшего предела (*Кызларнын [Хэбир белэн] кызыксынулары йзененг апогеена житте* (Ш. Хосэенов) «Увлечение девушек [Хабиром] достигло своего апогея»); узбек. *роль уйнамокъ* «играть роль»=иметь влияние, значение (*Хакъикъатан хам Рафикъовда инкъилобий самимият ёки пролетар соф кунгиллиги катта роль уйнайди* (А. Къодирий) «Поистине революционная искренность и пролетарская чистосердечность Рафикова играли большую роль»).

Из приведенных примеров видно, что термины-слово-сочетания, употребляясь переносно, развивают новое, фразеологическое значение. При этом внутри словосочетания происходит процесс своеобразного семантического переразложения, когда «смысл отдельного слова в той или иной степени бледнеет, убывает до полного исчезновения, смысл же словосочетания как целого при этом выигрывает, приобретая новые семантические качества» (Бабкин, 1970, 9).

В процессе фразеологизации компоненты свободного словосочетания утрачивают не только собственные значения, но и назывную по отношению к предмету функцию. ФЕ формируется вне связи с актом называния познаваемого предмета, на базе уже готовых знаковых единиц, «она возникает как единица... неноминативная» (Толикина, 1964, 166).

Составные термины приведенного типа, т. е. фразеологизированные составные термины, безусловно, должны быть объектом фразеологических и толковых словарей.

По мнению некоторых исследователей (напр. М. А. Бабакина), из всех терминологических сочетаний в разряд ФЕ

можно отнести лишь фразеологизированные сочетания. С. И. Ожегов, помимо фразеологизированных, к фразеологии относит и такие терминологические сочетания, «общее значение которых не определяется непосредственно значением данного слова» (1973, 13). Таковыми, например, являются составные термины типа кар.-балк. *жумушакъ белги* «мягкий знак», *къаты белги* «твердый знак», *ачыкъ жара* «открытая рана», *орта билим* «среднее образование», *тюз мюйюш* «прямой угол», *музыка инструмент* «музыкальный инструмент»; татар. *ак билет* «белый билет», *ак нэсел* «белая кость» (дворянин), *ачык хат* «открытое письмо», *урта бармак* «средний палец», *политика экономия* «политическая экономия», *аю баланы* «бузина», *аю балыгы* «тюлень» и т. п.

В тюркских языках довольно много терминологических сочетаний типа киргиз. *марал кулак* «чемерица» (букв. ухо марала), *козу карын* «сморчок (гриб)», (букв. желудок ягненка), *музоо баш* 1. «медведка», 2. «фаланга» (букв. голова теленка); башкир. *шайтан таягы* «чертополох» (букв. посох дьявола); кар.-балк. *киштик къуйрукъ* «житняк» (букв. хвост кота), *ит бурун* «шиповник» (букв. нос собаки) и др. Эти и аналогичные с ними термины возникли на основе образного значения, которое у них сохраняется, хотя некоторые исследователи и не признают этого (Таканшвили, Сакварелидзе, 1961, 17; Ураксин, 1975, 15). Исходя из этого, мы склонны отнести их к фразеологии.

Учитывая их лексическую и грамматическую неделимость, видимо, следует включать в словари на правах ФЕ и служебные слова типа кар.-балк. *бир да къуруса* «по крайней мере», *не ючюн десенг* «так как»; киргиз. *жок дегенде* «хотя бы»; татар. *шулай ук* «вместе с тем, также», а также различные сочетания, употребляемые в функции модальных слов, какими являются кар.-балк. *узун сёзню къысхасы, къысхасын айтханда*, казах. *къысқаша айтканда* «короче говоря», татар. *турысын (гына) эйткэнде* «по правде говоря» и др.

Все остальные разряды терминологических сочетаний являются прямыми обозначениями предметов, явлений и т. п., поэтому их не следует относить к фразеологии.

V

Решение вопроса об отграничении ФЕ от свободных словосочетаний невозможно без выявления основных признаков ФЕ.

Большинство фразеологов основными признаками ФЕ считают следующие: семантическую целостность, ограниченность в сочетании компонентов в составе ФЕ, переносность значения, образность значения, эмоционально-экспрессивное значение, устойчивость и невозможность буквального перевода на другие языки. Однако большая часть этих признаков, а именно семантическая целостность, образность значения, невозможность буквального перевода на другие языки и устойчивость, оспаривается некоторыми исследователями фразеологии (см.: Иванникова, 1964, 70—72). При этом в качестве основания выдвигаются следующие аргументы.

Известно, что номинативная функция характерна для всех словосочетаний. «Словосочетание... несет ту же номинативную функцию, что и слово» (Виноградов, 1947, 8). Поэтому многим свободным словосочетаниям, как и словам, свойственно единство смыслового содержания. Следовательно, семантическая целостность не является таким критерием, при помощи которого возможно было бы отграничить фразеологическое сочетание от свободного.

Образность значения свойственна большинству ФЕ. Но функцию средства выразительности могут выполнять и слова. Поэтому образность нельзя считать основным признаком ФЕ.

Не следует считать отличительным признаком ФЕ и невозможность буквального перевода их на другие языки на том основании, что этот признак, как уже отмечалось, характерен и для слов, особенно слов с переносным значением.

Сочетания слов с фразеологически связанными значениями являются одним из видов устойчивых словосочетаний. Очень часто практически трудно отграничить такие сочетания от свободных. К тому же устойчивость характерна и для многих свободных словосочетаний, например: кар.-балк. *кѣара кѣашла* «черные брови», *кѣзыл уууртла* «красные щеки» и др. Устойчивость — тот критерий, без которого не может быть ФЕ. Однако одной ее недостаточно для того, чтобы безоговорочно относить все сочетания слов, характеризующиеся устойчивостью, к фразеологическим (Иванникова, 1964, 70).

В исследованиях последних лет устойчивость как отличительное свойство ФЕ признается почти всеми фразеологами. Но они по-разному определяют ее. Большинство исследователей фразеологии понимает устойчивость ФЕ

либо как предсказуемость компонентов, либо как воспроизводимость их, т. е. стабильность употребления.

Предсказуемость компонентов означает, что один элемент ФЕ предсказывает совместное появление остальных ее элементов. Приведем примеры из карачаево-балкарского языка. Например, в выражении *тюнкем (-нг, -си)* *юзюлдю* «сильно истощать, ослабевать» слово *тюнке* предсказывает следующее слово *юзюлдю*, в сочетании *мени сартын* слово *сартын* предсказывает слово *мени*. Устойчивость возможна по двум и более элементам. Например, ни один из элементов предложения *арт этегими (-инги, -ин)* *алыма (-нга, -на)* *кӟаплады* не предсказывает появления остальных. Но сочетание *арт этегими (-нги, -ин)* предсказывает остальные слова предложения.

Однако предсказуемость вряд ли можно считать существенным признаком фразеологичности словосочетания, поскольку ею могут обладать и многие пословицы и поговорки, например, кар.-балк. *жети ёнчеле да бир кес* «семь раз отмерь, один раз отрежь»; узбек. *кӟизим сенга айтаман, келиним сен эшит* «тебе говорю, дочка, а ты, невестка, слушай»; башкир. *алмагӟан айыудынг тиреһен тунамайзар* соотв. «не говори гоп, пока не перепрыгнешь» и т. п.

Мы разделяем точку зрения В. В. Виноградова, А. М. Бабкина, Л. И. Ройзензона, В. М. Мокиенко и других исследователей фразеологии, считающих устойчивость ФЕ как воспроизводимость в готовом виде. При этом, учитывая, что стабильность употребления ФЕ часто может нарушаться, следует согласиться с В. М. Мокиенко, который под фразеологической устойчивостью понимает «...относительно стабильное употребление сочетания слов» (1980, 7).

Известно, что при разработке классификации ФЕ русского языка В. В. Виноградов исходил именно из диалектического характера устойчивости сочетаний слов. Он писал: «В речевой деятельности, так же как и в индивидуальном стиле, границы слова и фразы особенно зыбки, текучи, неопределенны» (1946, 46). Однако объективное и диалектическое понимание этого важнейшего свойства устойчивых сочетаний требовало долгих лет наблюдений. Среди многих работ, авторы которых под устойчивостью ФЕ понимают относительную стабильность компонентов, особое место занимают работы А. М. Бабкина, который считает, что активная мобильность ФЕ не просто художественное новаторство, а закономерное проявление «известной гибкости и диалектичности их живого употребления» (1970, 9).

Определение объема фразеологии прежде всего зависит от разграничения ФЕ и свободных словосочетаний. Поэтому необходимо всесторонне сопоставить устойчивые и свободные сочетания слов: со стороны грамматики, со стороны семантики и со стороны лексического состава.

Синтаксическими особенностями, отличающими устойчивые словосочетания от свободных, признаются: 1) ослабление синтаксических связей между словами в устойчивых словосочетаниях; 2) синтаксическая неразложимость устойчивых словосочетаний. Однако устойчивые сочетания слов, сохраняющие ту же синтаксическую функцию, что и свободные, сохраняют характер и вид синтаксических связей между словами полностью, например: кар.-балк. *бугъумуч ойна* «играть в прятки», *сокъур чеги* «слепая кишка», *къара дугъум* «черная смородина» и др.

С одной стороны, не все устойчивые словосочетания характеризуются синтаксической неразложимостью. Например, терминологические словосочетания и словосочетания с фразеологически связанными значениями слов синтаксически разложимы: кар.-балк. *къара ишхилди* «черника», *къызыл дугъум* «красная смородина», *кёзлени сюзюлтюу* «прищурить глаза», *къургъакъ сёз* «пустое (букв. сухое) слово»; узбек. *темир интизом* «железная дисциплина», *техник мой* «техническое масло» и др. С другой стороны, нередки случаи, когда свободные словосочетания представляют собой синтаксически неразложимые целые и являются одним членом предложения, например: кар.-балк. *бир къауум адам* «несколько человек», *он минут чакълы* «минут с десять»; киргиз. *саат сайын* «с каждым часом», *жйзгё жакын* «около ста» и др. Это говорит о том, что устойчивые сочетания в грамматическом отношении не имеют специфических особенностей, которые можно было бы рассматривать в качестве отличительного признака при разграничении их со свободными сочетаниями.

Значение свободных словосочетаний, как правило, складывается из значений составляющих их слов. Многие устойчивые словосочетания имеют такую же семантическую сущность. Это в основном терминологические сочетания и сочетания с фразеологически связанными значениями (см. выше).

В толковых словарях тюркских языков сочетания с фразеологически связанными значениями слов, в которых имеются слова с переносным значением, очень часто регистрируются как ФЕ, например: узбек. *олтин адам* «золотой человек», *къора металлар* «черные металлы»; туркмен.

дили бай «богатый язык», гурь сӧз «пустое слово» и др. Отсюда выходит, что основным признаком ФЕ признается наличие в словосочетаниях слов с переносным значением. Это приводит к игнорированию того, что слова, помимо прямого значения, могут приобретать переносное значение, употребляться образно. Несмотря на то, что устойчивые сочетания, имеющие слова с переносным значением, отличаются от свободных словосочетаний некоторой связанностью в употреблении, в них нет лексической неделимости, идиоматичности. Отличие сочетаний с фразеологически связанными значениями от ФЕ заключается в том, что в первых в переносном значении выступает один из компонентов, а вторые целиком переносны. Поэтому сочетания с фразеологически связанными значениями слов не должны включаться в толковые словари как ФЕ.

Многие слова в определенном лексическом окружении приобретают новые значения. Эти значения принято называть обусловленными. В ряде анализируемых в данной работе словарей, особенно в СТЯ, ТСУЯ и ТСКЯ², сочетания с обусловленным значением квалифицируются как ФЕ, например: туркмен. *мейлис гурмак* «организовать вечеринку», *сохбет гурмак* «организовать беседу», *той гурмак* «организовать той»; *даг басмак* «ставить клеймо», *печать басмак* «ставить печать»; *йыл бойы* «на протяжении года», *ёл бойы* «на протяжении пути»; узбек. *техник редактор* «технический редактор», *техник котиб* «технический секретарь»; *темир интизом* «железная дисциплина», *темир ирода* «железная воля»; казах. *сенімді акътады* «оправдать доверие», *енгбегін акътады* «оправдать труд», *дэм-тузын акътады* «оправдать хлеб-соль» и многие другие сочетания. В действительности же в сочетаниях приведенного типа нет никакой фразеологичности. Здесь слова *гурмак*, *бойы*, *басмак*, *техник*, *темир*, *акъта* в сочетании со словами *мейлис*, *сохбет*, *той*; *ёл*, *йыл*; *даг*, *печать*; *редактор*, *котиб*; *интизом*, *ирода*; *сенім*, *енгбек*, *дэм-туз* приобретают новые значения: (*мейлис*, *сохбет*, *той*) *гурмак* «организовать, строить (вечеринку, беседу, той)»; (*йыл*, *ёл*) *бойы* «на протяжении (года, нути)»; (*даг*, *печать*) *басмак* «ставить (клеймо, печать)»; *техник* (*редактор*, *котиб*) «технический (редактор, секретарь)»; *темир* (*интизом*, *ирода*) «железная (дисциплина, воля)»; (*сенімді*, *енгбегін*, *дэм-тузын*) *акътады* «оправдать (доверие, труд, хлеб-соль)».

В названных словарях за ФЕ выдаются не только сочетания со словами с переносным и обусловленным зна-

чениями, но и многие сочетания слов с прямыми номинативными значениями, например: туркмен. *сапак бермек* I. «давать уроки, преподавать», *сес бермек* I. «голосовать за кого-л. (поднятием руки)»; узбек. *кеч кўз* «поздняя осень», *шум хабор* «плохая весть»; казах. *актёрлік өнер* «актерская профессия», *ат кѳора* «загон для лошадей», *бесті ат* «пятигодовалый конь», *кѳаракѳалпакѳ тілі* «каракалпакский язык» и т. п.

Заслуживают внимания обильно представленные в тюркских языках устойчивые словосочетания с установившимися, ставшими языковыми штампами сравнениями: кар.-балк. *ит бла киштик киби* «как собака с кошкой», *союп кѳаплагѳанлай* (*кѳаплагѳанча*, *кѳаплагѳан киби*) «словно вылитый, очень похожий», *кѳек бла жер киби*: «как небо и земля»; татар. *печэнгэ яткан эт кебек* «как собака на сене», *тал чыбыгы кебек* (*чыбыгындай*) «тонкий, как ивовый прут, стройный»; башкир. *урта бармакѳ кейек* букв. как средний палец (о красивом и стройном человеке), *укѳлау йоткѳан кейек* «словно аршин проглотил», *уткѳа баскѳан бэсэй шикелле* «как ужаленный» (букв. как кошка, наступившая на огонь) и мн. др. В отличие от фразеологических сращений (идиом) образность здесь создается входящими в сравнительную конструкцию словами, которые употребляются в прямом значении (Қоренев, 1981, 45).

Вслед за некоторыми исследователями тюркской фразеологии, например З. Г. Ураксиным (1975, 31—33, 62—63, 78—79), подобные лексически неделимые и обладающие цельностью значения сравнительные обороты мы относим к сфере фразеологии и включение их в толковые словари за знаком ромба одобряем. Однако ни в инструкциях по составлению толковых словарей тюркских языков, ни во введении к последним ничего не говорится о включении или невключении сходных оборотов в эти словари. Тем не менее в некоторых из этих словарей, например в ТСАЯ, ТСТЯ и ТСУЯ, сравнительные обороты зафиксированы как ФЕ в довольно большом количестве. Они намного реже встречаются в СТЯ, ТСКЯ¹ и ТСКЯ². Однако фразеологичность некоторых из сравнительных оборотов, помещенных в ТСАЯ и ТСТЯ, вызывает сомнение. Это в основном обороты, состоящие из двух компонентов, типа азерб. *дирэк кими* «высокий» (букв. как столб), *јун кими* (букв. как шерсть), *зэггум кими* «как яд, отрав» (букв. как ядовитое дерево), *зэнчир кими* «как цепочка», *инчи кими* «маленький, чистый и правильный» (букв. как жемчужина); татар.

ташбака тосле (кебек) «об очень медленном передвижении» (букв. как черепаха), *ук кебек* — 1) «стрелой, стремглав, очень быстро», 2) «острый», *урман кебек* (*шикелле*) «об очень густо и высоко растущих деревьях» (букв. как лес), *ут кебек* (*шикелле*)—1) «очень горячий, жаркий», 2) «очень отчаянный; ловкий, проворный», 3) «об очень ярком (особенно красном, густо-желтом) цвете; огненный» и др.

Трудно также согласиться с З. Г. Ураксиным, относящим к фразеологии подобные же обороты, например: *йгез кейек* «упрямый» (букв. как вол), *нагъызакъ кейек* «назойливый человек», *шэм кейек* «стройный, как свеча», *һолдк кейек* «стройный, гибкий» (1975, 62—63). Подобных сравнительных оборотов в каждом из тюркских языков тысячи, и вряд ли можно оправдать их отнесение к фразеологии, так как в них нет той метафоричности, цельности значения, которые имеются в сравнительных конструкциях, приведенных выше. К тому же второй компонент этих сравнений при сохранении своего исходного лексического значения может свободно сочетаться с любым именем.

На основании того, что главным признаком фразеологичности словосочетаний считается их эквивалентность к словам, к ФЕ относятся все лексикализованные сочетания (Реформатский, 1955, 93). Однако это мнение, видимо, нуждается в пересмотре. Например, значение лексикализованных словосочетаний типа кар.-балк. *акъ къайын* «белая береза», *доклад эт* «делать доклад» и т. д. выводится из значений слов-компонентов, поэтому их нельзя рассматривать как отличные от свободных. На примере того, что фразеологизация во многих случаях сопровождается лексикализацией и лексикализованные словосочетания так же, как и ФЕ, характеризуются устойчивостью, видно, что процесс лексикализации смешивается с фразеологизацией. Тот факт, что лексикализоваться могут как свободные словосочетания, так и несвободные (ФЕ), говорит о том, что лексикализация словосочетаний не является основным и специфическим признаком фразеологичности. Появление фразеологичности очень часто приводит к лексикализации словосочетаний. Но при лексикализации, как мы уже видели, фразеологичность их совсем не обязательна. Не является обязательной и лексикализация при фразеологизации. Следовательно, ФЕ не всегда равноценны словам, они могут быть эквивалентами свободных словосочетаний и предложений.

Таким образом, необходимо отличать фразеологическую

устойчивость (устойчивость, вызванную фразеологизацией) от лексической устойчивости (устойчивости, вызванной лексикализацией).

На основании всего изложенного в данном разделе можно утверждать, что не все устойчивые сочетания являются ФЕ, большинство из них — обычные сочетания по своей семантической структуре. Причиной устойчивости свободных словосочетаний являются лексикализация, грамматикализация, ограниченная сочетаемость слов и др. Однако, кроме устойчивости, они не имеют ничего общего с ФЕ. Из всех устойчивых сочетаний только лексически неделимые сочетания являются ФЕ. Лексическая неделимость в большинстве случаев возникает в результате переосмысления сочетаний слов или в результате наличия в составе сочетания слов, иначе не употребляемых в языке.

VI

Разграничение ФЕ и пословиц и поговорок связано с определенными трудностями. Эти трудности главным образом объясняются тем, что у тех и других имеется много общих признаков: устойчивость и раздельнооформленность компонентов, воспроизводимость, эмоционально-экспрессивный характер значения. На этом основании некоторые языковеды до сих пор продолжают рассматривать пословицы и поговорки в одном ряду с ФЕ (Кенесбаев, 1944; Муратов, 1961; Кирсанова, 1964, 86; Гусейнов, 1967; Жарашуева, 1973; Шанский, 1969; 1972, 216; Ахунзянов, 1974 и др.). Такие исследователи, как В. В. Виноградов, С. И. Ожегов, А. И. Молотков, В. Н. Телия, Ш. У. Рахматуллаев, Г. А. Байрамов, Ж. Осмонова, С. Т. Наурузбаева и др., пословицы и поговорки вообще не относят к фразеологии. Некоторые языковеды в последние годы стали призывать, что отдельные пословицы и поговорки могут быть включены во фразеологию. Так, например, К. Х. Даибова считает, что «некоторые пословицы и поговорки... относятся к фразеологии» (1973, 14). З. А. Ализаде также утверждает, что «...многие пословицы и поговорки без каких-либо изменений могут использоваться в качестве фразеологических единиц» (1979, 57). Однако какие именно пословицы и поговорки следует отнести к фразеологии, эти авторы не выясняют.

Теоретическая неразработанность данного вопроса отражается и на практике составления некоторых толковых и фразеологических словарей тюркских языков. Например,

в ТСАЯ и ТСКЯ² пословицы и поговорки, как правило, использованы как иллюстративный материал к тому или иному значению слова (Оруджев, 1962, 24). Однако некоторые из них помещены в эти словари на правах ФЕ, притом без надлежащего обоснования. Что касается ТСУЯ, то в нем пословицы и поговорки приводятся как ФЕ без разбора, т. е. все подряд. С этим, конечно, нельзя согласиться.

Иносказательное содержание пословицы сближает ее с ФЕ. Это свойство пословиц может быть описано, пересказано и истолковано. Однако по смыслу ФЕ и пословица не совпадают: пословица всегда выражает суждение, а любой тип ФЕ (т. е. ФЕ, эквивалентная слову) — понятие. Ср., например, в карачаево-балкарском языке пословицы *тилде суюк жокъ* «язык без костей», *алма терегинден кенг кетмез* «яблоко от яблони далеко не падает» и ФЕ *акъыл тебе* «умный, ума палата», *кёз байланды* «стемнеть», *жаным (-ынг, -ы) аурайду* «душа (сердце) болит».

Пословицы, в отличие от ФЕ, не обладают семантической целостностью, значение их построено на смысловом содержании составляющих слов, т. е. образование их не сопровождается переосмыслением. Вследствие этого они несоотносительны со словом или членом предложения.

Невозможность пословиц и поговорок выступать членом предложения встречает возражение со стороны некоторых исследователей тюркской фразеологии. Например, З. А. Ализаде считает, что в азербайджанском языке «пословицы и поговорки могут употребляться в функции члена предложения...» (1979, 58), при этом они «...во многих случаях выступают в функции обстоятельства, сохраняя свою цельность» (с. 57). В подтверждение своего мнения автор приводит следующие примеры.

«Аллаһдан бујруг агъзыма гујруг» истэјэн коса сөз чевирмэдэн пулу алды, кйчэ јухары базар башына догъру аддымлады (С. Рахимов) «Безбородый, желавший от бога повеление, а мне в рот курдюк, не раздумывая, взял деньги и зашагал по улице вверх к базару».

— *А, Мэсмэ, белэ, шеји кэрэк, мин блчйб, бир бичэсэн* (С. Рахимов) «Ай, Масме, такую вещь следует делать, тысячу раз отмерив, один раз отрезав».

Онлар бэ'зэн «бал тутан бармаг јалар» мисалына эмэл олараг Пасы тэрэфдэн «пешкэш» дэ алырдылар (С. Рахимов) «Иногда они, следуя поговорке «у кого водится мед, тот палец облизывает», получали от Пасы «подношения».

«Валлах, бэкмэз алмышам, бал чыхыб»,— дејэ, Заур дйшйндй вэ озы-оэилэ зарафат елэди,— бах, Заур, кими алмаг-бошаммаг сөһбэти олмасын (Анар) «Произнося «Клянусь, покупал бекмез, оказался мед», Заур задумался и пошутил над собой: смотри, Заур, пусть не будет разговоров о браке-разводе».

Однако во всех этих предложениях пословицы и поговорки выступают членами предложения не сами по себе, а лишь в составе причастного или деепричастного оборота или же вместе с другими словами (в тексте они выделены), т. е. являются составной частью члена предложения. Поэтому мнение З. А. Ализаде, что «пословицы и поговорки могут быть эквивалентом слова...» (с. 59), следует считать ошибочным.

Утверждая, что «пословицы и поговорки... обладают особенностями именно данного национального языка, и никакого другого» (с. 59), З. А. Ализаде подчеркивает, что эти единицы в азербайджанском языке, в отличие от других тюркских языков, «...составляют объект исследования фразеологии...» (там же, 58). Однако примеров, подобных приведенным ею, довольно много и в других тюркских языках, но тем не менее они не являются ФЕ.

Чтобы стать ФЕ пословицам и поговоркам, как и словосочетаниям, не обязательно быть эквивалентами отдельных слов. Большинство ФЕ, как уже отмечалось, не удовлетворяет этому требованию. Приведенные выше и им подобные пословицы и поговорки не являются ФЕ не потому, что они не эквивалентны словам, а потому, что они семантически делимы и состоят из слов со свободными значениями.

То, что пословицы, как правило, обладают не всеми признаками, свойственными ФЕ, не означает, что они не имеют никакого отношения к фразеологии. Они принадлежат к фразеологическим средствам языка.

Факт исторической связи пословиц и ФЕ известен давно. Это, в частности, отражается и в традиционной недифференцированности употребления терминов «пословица» и «поговорка» во многих языках, в том числе и тюркских.

Проведенный нами анализ тюркских пословиц показывает, что некоторые из них служат материалом для ФЕ. При этом для превращения во ФЕ нужно отбросить от пословицы отдельные слова или же разложить её на составные части. Примеры: кар.-балк. *сёз бердинг эсенг, сёзюнге табыл* «давший слово, держись»—*сёз бер* «дать слово» и *сёзюнге табыл* «сдержат слово»; татар. *кем арбасына утырсанг, шунынг жырын жырларсын* «на чью телегу

сядешь, того песню и потянешь» — *жырын жырлау* «плясать под дудку чью»; башкир. *кешегэ сокъор къазма, йзенг тӧшорһонг* «не рой яму другому, сам свалишься» — *бер-берэйгэ сокъор къазыу* «рыть яму кому-либо».

В отличие от пословиц поговоркам не присущ характер нравственного правила или поучения. Поговорка — это индизказательное выражение экспрессивно-эмоционального характера. Основное отличие их от пословиц заключается в том, что они обладают смысловым единством. Всё это говорит о близости поговорок к ФЕ. Поговорки гораздо проще, чем пословицы, превращаются во ФЕ. При этом в большинстве случаев нужно только изменить форму одного из компонентов поговорки или добавить к ней слово (слова). Примеры: кар.-балк. *ёлмеген айыуну терисин юлешмейдиле* «не говори гоп, пока не перепрыгнешь» (букв. нельзя делить шкуру неубитого медведя) — *ёлмеген айыуну терисин юлешуу* «делить шкуру неубитого медведя», *гаккыда тюк излегенлей* (букв. как будто в яйце ищет волос) — *гаккыда тюк излеген* «очень придирчивый (человек)»; башкир. *башты ташкъа бэреп булмай* «нельзя биться головой об стену» — *башты ташкъа бэрей* «биться головой об стену», *илэк менен һыу ташымайзар* «в решете воду не носят» — *илэк менен һыу ташыу* «носить воду в решете»; татар. *миннэн киткэнче, иясенэ житкэнче* «лишь бы с рук сбыть» (букв. пока от меня уйдет, до хозяина дойдет) — *миннэн киткэнче, иясенэ житкэнче генэ эшлэй* «работать кое-как, халтурить» и др. С такими же изменениями одну из половинок поговорки нередко можно преобразовать во ФЕ. Примеры: кар.-балк. *суугъа тюшген таш къармар* «утопающий за соломинку хватается» — *таш къарма* «хвататься за соломинку», *тилде суюк жокъду, не суйсенг да айтыр* «язык без костей что хочешь скажет» — *тилде суюк жокъду* «язык без костей»; татар. *акылы кысканынг теле озын* «у кого ум короток, у того язык длинный» — *акылы кыска* «скудоумный, недалекий», *татлы тел тау билэр* «ласковый теленок двух маток сосет» [букв. сладкий язык (сладкоречивый) горой завладеет] — *татлы тел* «сладкоречивый»; казах. *аузы жаман елди былгъар* «сплетник чкакает (честных) людей» — *аузы жаман* 1. «сквернослов», 2. «сплетник»; башкир. *башлыкъкъа баш эй* «подчиняться старшему»; 2. «преклоняться, раболепствовать старшему» — *баш эй* 1. «подчиняться», 2. «преклоняться, раболепствовать»; туркмен. *дили узынныг ъмри гысга* «у кого язык длинный, у того жизнь коротка» — *дили узын* «длинный язык».

Среди поговорок имеются и такие, которые без каких-либо изменений компонентов служат ФЕ, например, кар.-балк. *жолунг мамукъданды* «скатертью дорога», *ит биченде жатханлай* «как собака (лежит) на сене», *аузунда къуууту болгъанча* «словно в рот воды набрал» (букв. словно в рот толокна набрал), *жерине кёре жылань* «по Сеньке и шапка»; туркмен. *эшегинг гуйругьу ере етенде* «когда рак свистнет» (букв. когда хвост ишака коснется земли); азерб. *дэвэнин гуйругъу йерэ дэйэндэ* «когда рак свистнет» (букв. когда хвост верблюда коснется земли); татар. *печэнгэ яткан эт кебек* «как собака на сене», *авзында эт балалаган* «мелет день до вечера, а послушать нечего» (букв. у него во рту собака оценилась), *эт эткэ, эт койрыкка* «Иван на Петра, Петр на Якова, Яков на всякого» (букв. собака собаке, а та хвосту своему), *балтасы суга тóшкэн* «повесить нос» (букв. его топор упал в воду); башкир. *эт кйрмэгэнен кйрһэтэй* «подвергать таким испытаниям, которых и собака не испытала», *илэктэген силэккэ, силэктэген илэккэ бушатыу* «переливать из пустого в порожнее» и др.

Приведенные примеры говорят о том, что для отнесения той или иной поговорки к фразеологии необходимо выработать дифференцированный подход (Фелицина, 1964; Жуков, 1967, 108; Осмонова, 1969, 9—10; Ураксин, 1975, 20).

VII

С отбором ФЕ в словарь, как уже отмечалось, связаны и такие вопросы, как синонимия, вариантность, многозначность, омонимия ФЕ, а также определение состава и формы подачи их в словаре. Дело в том, что неумение различать фразеологические омонимы от фразеологических синонимов приводит к приравнению двух (и более) ФЕ к одной, неумение установить состав и формы ФЕ, наоборот, приводит к признанию одной ФЕ за две, а неразличение фразеологических синонимов от вариантов ФЕ приводит к тому и другому. Результатом же неумения отграничить лексическую полисемию от фразеологической является приравнение нефразеологического, номинативного, значения ФЕ к её собственно фразеологическому значению. Поэтому все эти вопросы требуют изучения.

Начнем с последнего вопроса, т. е. с вопроса многозначности ФЕ. Явление многозначности во фразеологии менее развито, чем в лексике. Подавляющая часть ФЕ тюркских языков, как и русского (Жуков, 1978, 124), одно-

значна (Рахматуллаев, 1966, 9—20; Амангельдыева, 1971, 11; Ураксин, 1975, 38). Сложность структуры ФЕ, их яркая эмоциональная насыщенность, экспрессия ограничивают возможность употребления в разных значениях. Развитию многозначности ФЕ препятствуют: 1) то, что они часто образуются вследствие метафорического переосмысления свободного словосочетания такого же лексического наполнения; 2) то, что ФЕ по сравнению со словом обладают меньшей контекстуальной подвижностью (Жуков, 1978, 124, 125).

Некоторые исследователи тюркской фразеологии причину многозначности ФЕ ставят в зависимость от многозначности слов-компонентов ее (Рагимзаде, 1967). Однако многозначность ФЕ не может быть обусловлена многозначностью слов, составляющих ее, так как сами эти слова и их значения растворяются внутри ФЕ и не мотивируют качественно иное значение ФЕ. Значение ФЕ не выводится из значения каждого ее компонента в отдельности. Смысловая структура многозначной ФЕ также не имеет ничего общего со смысловой структурой слов, входящих в свободное словосочетание такого же лексического состава. Например, карачаево-балкарская ФЕ *аууз ач* «разевать рот» употребляется в двух значениях: 1) «крайне удивляться, приходить в изумление» и 2) «быть крайне рассеянным, невнимательным, ротозейничать». Каждое отдельное значение этой ФЕ синтаксически ограничено.

Наблюдая над ФЕ тюркских языков, можно заметить, что чем больше слово обростает значениями, тем активнее оно участвует в образовании устойчивых словосочетаний, в том числе и ФЕ. К таким относятся наиболее древние слова, в первую очередь слова, обозначающие части человеческого тела: *баш* «голова», *къол* «рука», *кёз* «глаза», *къулакъ* «ухо», *тил* «язык», *аякъ* «нога», *бет* «лицо», *аууз* «рот». Однако эти слова никак не способствуют возникновению многозначности во ФЕ.

Как известно, сопоставление лексических значений как прямого и переносного допустимо лишь в границах одной лексической единицы. Поэтому нельзя рассматривать лексическое значение ФЕ как переносное по отношению к содержанию высказывания, передаваемого словосочетанием, из которого образовалась ФЕ (Молотков, 1967, 9). Иначе говоря, во ФЕ нельзя выделять прямые и переносные значения, поскольку здесь все значения появляются в результате переноса (Рахматуллаев, 1966, 9—20; Амангельдыева, 1971, 13—14; Ураксин, 1975, 39). Тем не менее

в ряде толковых словарей тюркских языков, а именно в СТЯ, ТСУЯ и особенно в ТСКЯ², это требование часто не соблюдается. Например, в этих словарях многие ФЕ подаются следующим образом: казах. *аякѡ алыс* а) «походка»; э) перен. «темп работы»; *кѡл алысты* а) «пожать друг другу руку, братья за руку (приздоровании, прощании, обещании)»; э) перен. «давать друг другу клятву, обещание»; *кѡл кѡтердѡ* а) «поднять руку (руки)»; э) «голосовать за кого-л. (поднятием руки)»; б) перен. «поднять руку на кого-л.; замахиваться»; *кѡлга алды* а) «взять в руки»; э) «братья за что-л. или кого-л.»; *кѡл булгѡады* а) «махать рукой (при прощании)»; э) «пригласить, попросить прийти»; *кѡл сокѡты* а) «хлопать руками, рукоплескать»; э) перен. «одобрять, поддерживать»; *кѡзи шыкѡты* а) «ослепнуть»; э) перен. «начинать жить, существовать»; *шалыс басты* а) «идти нога за ногу, заплетаясь, шатаясь»; э) «ошибиться»; туркмен. *гол гѡтермек*—1) «голосовать за кого-л. (поднятием руки)»; 2) рел. «поднять руки для молитвы и после молитвы провести ими по лицу». Фразеологическое же значение «поднять руку на кого-л.; замахнуться» не показано; *гѡзи ачылмак*—1) «начинать видеть»; 2) «стать грамотным, образованным»; 3) «обрадоваться, получить наслаждение»; 4) «стать грамотным; выучиться грамоте»; *гѡзини чыкармак*—1) «выкалывать кому-л. глаза (или глаз)»; 2) «проявлять неумеренность в чем-л.»; *сапак бермек*—1) «давать уроки, преподавать»; 2) «учить, поучать»; узбек. *кѡул кутармокѡ*—1) «голосовать за кого-л. (поднятием руки)»; 2) «поднять руки (сдаваться)»; 3) перен. «поднять руку на кого-л.; замахнуться».

Все перечисленные ФЕ являются налагаемыми (аплицируемыми). Общей особенностью таких ФЕ является то, что их отдельные значения мотивированы и сложились на основе повторной метафоризации одного и того же свободного словосочетания. Поэтому все частные значения, независимо от степени их близости, являются метафорическими, так что у налагаемых ФЕ нет и не может быть прямого значения: прямое значение возвращает ФЕ в сферу свободного словосочетания такого же состава. Это обстоятельство, как уже говорилось, существенно сдерживает развитие многозначности в кругу налагаемых ФЕ.

В отношении отражения лексической омонимии в толковых словарях вообще можно сказать, что в одних из них границы омонимии расширены за счет ошибочного включения сюда значений полисемичного слова, а в дру-

гих, наоборот, они сужены в результате непризнания возникновения омонимов на основе распада полисемии. Этого нельзя сказать в отношении словарной подачи фразеологических омонимов в тюркских языках, так как они вовсе не признаются словарными единицами и в названных словарях приводятся как значения полисемичной ФЕ, например: киргиз. *ооз ачуу* — 1) «заговорить, начинать говорить»; 2) «отведывать пищу перед ужином во время мусульманского поста»; *кол салуу* — 1) «воровство», 2) «нападение, наступление»; *колдон чыгаруу* — 1) «завершать, заканчивать»; 2) «лишаться чего-л.»; *кош кӧнгӱл* — 1) «равнодушный, безразличный»; 2) «вкусовые капризы (у беременной женщины)»; туркмен. *агыз ачмак* — 1) «разевать рот, удивляясь чему-л.»; 2) «отведывать пищу перед ужином во время мусульманского поста»; *аягы агыр* — 1) «беременная, в положении»; 2) «являющийся причиной неудачи (о человеке)»; *аяга галмак* — 1) «восставать, взбунтоваться, подниматься»; 2) «выздоровливать, поправляться; излечиваться»; казах. *кӱол алды а*) «здороваться», э) «клясться, давать клятву»; *бас котердi а*) «смотреть вверх»; э) «выражая протест, оказывать сопротивление»; б) «прорасти, давать всходы, приниматься (о растении)»; в) «начинать выздоравливать, поправляться»; *жан бердi а*) «умирать»; э) «вкладывать душу»; б) «клясться, давать клятву»; в) «оживлять, наполнять жизнью»; узбек. *огъиз очмокъ* — 1) «заговорить, начинать говорить»; 2) «отведывать пищу перед ужином во время мусульманского поста»; *бош кутармокъ* — 1) «выздоровливать, вставать на ноги»; 2) «прекращать, приостанавливать (работу, действие)»; 3) «зеленеть, произрастать (о растениях)»; 4) «показываться из-за горизонта (о Солнце, Луне)»; 5) «восставать, подниматься на борьбу»; татар. *авыз ачу* — 1) «заговаривать, начинать говорить»; 2) «отведывать пищу перед ужином во время мусульманского поста»; 3) шутол. «изнашиваться, разорваться (по швам)»; *дӧньяга чыгу* — 1) «выходить в люди»; 2) «выходить в свет»; *баш кйтэрi* — 1) «вставать, (подниматься с постели)»; 2) «прорасти, давать росток, приниматься (о растении)»; 3) «восставать, взбунтоваться, поднимать бунт»; азерб. *агъыз ачмаг* — 1) «обращаться с просьбой, просить»; 2) «оплакивать умершего»; *баш алмаг* — 1) «очень долго разговаривать, болтать»; 2) «бежать, удирает (спасая себя)»; *баш ачмаг* — 1) «понимать, соображать, разбираться, уяснять себе»; 2) «колоситься»; 3) «оплакивать умершего, приговаривая ласковые слова» и др.

Данные примеры свидетельствуют о том, что одно и то же явление порождает в сознании людей разное представление, разные понятия, и эти значения «настолько расходятся, что их нельзя признавать за полисемию» (Ураксин, 1975, 43).

Среди исследователей семантики русской фразеологии существует мнение, согласно которому налагаемые ФЕ «не способны порождать омонимию» (Жуков, 1978, 133), так как между отдельными значениями таких ФЕ устанавливается тесная семантическая связь, обусловленная тем, что эти значения «возникают... в результате повторной метафоризации одного и того же свободного словосочетания» (там же). Материал тюркских языков не подтверждает это мнение. Здесь, как мы уже видели, хотя и не часты, но все же имеют место факты возникновения фразеологических омонимов на основе распада фразеологической полисемии.

Итак, явление омонимии во фразеологии менее развито, чем в лексике, но тем не менее оно характерно для тюркских языков и поэтому должно найти отражение в их словарях.

Следует отметить и обстоятельство, что в результате неразграничения самостоятельного фразеологического значения и фразеологического значения, обусловленного лексическим окружением, некоторым ФЕ иногда приписываются несуществующие значения, например: казах. *бас көтерді* (значения а, б, в), *жан берді* (значение в); узбек. *бош кутармоқъ* (1-е, 3-е и 4-е значения; о 2-м значении этой ФЕ как самостоятельной ФЕ сказано выше); татар. *баш кйтэри* (2-е значение), *авыз ачу* (3-е значение). Это видно из иллюстрирующих данные значения примеров, приводимых в ТСКЯ², ТСУЯ и ТСТЯ. Так, например, ФЕ казахского языка *бас көтерді* передает значения «смотреть вверх», «прорастать, давать всходы, приниматься (о растении)» и «начинать выздоравливать, поправляться» лишь в сочетании соответственно со словами *карта бетінен* «от карт (игральных)» [*карта бетінен бастарын көтерді* «от карт (игральных) подняли головы»], *бидай* «пшеница» [*бидай бас көтерді* «пшеница проросла» (букв. подняла голову)] и *аурудан* «от болезни» (*аурудан бас көтерді* «он поправился от болезни»). У казах. ФЕ *жан берді* значение «оживлять, наполнять жизнью» выявляется только в сочетании ее со словом *даласына* «степь (чью-то)» (*даласына жан берді* «оживила (букв. дала жизнь) степь»). Во ФЕ узбекского языка *бош кутармоқъ* значения «выздоровливать, вставлять на ноги», «зеленеть, произрастать (о расте-

ниях)» и «показываться из-за горизонта (о Солнце, Луне)» обусловлены соответственно словами *касалдан* «от болезни» (*касалдан бош кутарди* «(он) поправился от болезни»), *бегона ут* «сорняк» (*бегона ут бош кутарди* «сорняк пророс») и *кзуйёш* «солнце» (*кзуйёш бош кутарди* «солнце показалось из-за горизонта»). Значения «прорасти, давать росток, приниматься (о растении)» во ФЕ *баш кйтэри* и «изнашиваться, разорваться (по швам)» во ФЕ *авыз ачу* в татарском языке возможны лишь в сочетании этих ФЕ соответственно со словами *умырзаялар* «подснежники» (*умырзаялар баш кйтэрэлэр* «подснежники прорастают») и *биялэйлэр* «рукавицы» (*биялэйлэренг авызлары ачканнар* «твои рукавицы разорвались (по швам), есть просят»).

Причина трактовки фразеологических омонимов как фразеологической полисемии, а также выделение во ФЕ несуществующих значений в толковых словарях тюркских языков объясняется недостаточной изученностью семантики тюркской фразеологии.

VIII

Среди ФЕ тюркских языков довольно много таких, которые тождественны или предельно близки по значению, но отличаются друг от друга либо оттенками значения, либо стилистической окраской, либо тем и другим одновременно. Такие ФЕ называются синонимическими. Синонимические ФЕ в основном бывают одноструктурными и разноструктурными. Одноструктурные фразеологические синонимы имеют одинаковую модель построения и чаще всего типа «глагол + вин. пад. сущ.» (напр., кар.-балк. *артын кзурут*, *артын эт* «закончить, завершить; уничтожить») и «прил. + сущ.» (напр., киргиз. *куу кекиртек*, *кызыл кекиртек* «крику»). Некоторые исследователи к данному типу ФЕ относят и дублетные ФЕ — синонимы (Шанский, 1972, 193, 195), например: киргиз. *ата конуш* — *ата журт* «родина», туркмен. *гөвни бозук* — *кейни бозук* «расстроенный, не в духе, не в настроении, с испорченным настроением», азерб. *дйнјадан көчмэк* — *дйнјадан кэтмэк* «умирать» и др. Разноструктурные фразеологические синонимы имеют различный образец построения, показывающий неодинаковое расположение составляющих компонентов, например: кар.-балк. *тюу деген сагъатха*, *тюкюрюк кзуругъунчу*, *кёзню жумуп ачхынчы*, *къарар*, *къарагъынчы* «в мгновение

ока»; киргиз. *эден мурда, эл асты болуп, а дегенде, алды менен* «прежде всего» и др.

Фразеологические синонимы следует отличать от вариантов ФЕ. Вариантность присуща значительной части ФЕ тюркских языков. Варианты ФЕ — это ее лексико-грамматические разновидности, тождественные по значению и степени семантической слитности.

Различия вариантов ФЕ могут быть большими или меньшими, однако они никогда не нарушают тождества ФЕ, всегда остаются разновидностями одной и той же ФЕ, например: кар.-балк., *арт этегими (-инги, -ин) аллыма (-ынга, -ына) кѳаплады-арт этегими (-инги, -ин) аллыма (-ынга, -на) бурду — арт этегими (-инги, -ин) аллыма (-ынга, -ына) этди* «давать духу, давать жару, давать жизни», *аякѳ юсюме (-юнге, -юне) турдум — аякѳ юсюме (-юнге, -юне) миндим* «становиться на ноги»; туркмен. *агза геленини янгармак — агза геленини отармак — агза геленин отламак* «болтать что попало», *гулак этини иймемек — гулак этини гуратмак* «надоедать разговорами, просьбой и т. п.»; татар. *акка кара белэн язылган — ак кѳагазьгѳ кара белэн язылган* «черным по белому», *жан табан астына (йкчѳгѳ) тѳшй — жан табан астына (йкчѳгѳ) качу* «душа ушла в пятки» и др. Варьируемые компоненты в этих ФЕ не вносят каких-либо смысловых оттенков в содержание ФЕ. Следовательно, ФЕ, охваченные явлением вариантности, полностью взаимозаменяемы в любых контекстах.

Фразеологические синонимы-дублеты внешне сходны с вариантами ФЕ. Тем не менее они не тождественны. Сравним, например, в казахском языке фразеологические варианты *алгѳашкѳы адым — бириншй адым — эдепкй адым* «первые шаги», *шек-кѳарнын акѳтарды — ишй-кѳарнын акѳтарды* «выкладывать душу» и фразеологические синонимы-дублеты *бой тасалады — бой жасырды* «избегать (встречи с кем-н.); прятаться», *акѳыл айтты — акѳыл бердй* «советовать, давать советы; давать наставления». ФЕ обеих групп состоят из двух компонентов, один из которых является общим. Однако взаимозаменяемые компоненты ФЕ первой группы [*алгѳашкѳы* «первый, первоначальный, первичный (по времени)», *бириншй* «первый», *эдепкй* «первый, начальный (то, что было вначале)», *шек-кѳарнын, ишй-кѳарнын* «внутренности (животного)»] являются синонимами, аналогичные же компоненты ФЕ второй группы (*тасалау* «заслонять; прикрывать», *жасыру* «скрывать», *сѳз* «слово», *анггйме* «рассказ, беседа», *айту* «говорить», *беру*

«давать») не синонимичны, не тождественны по значению. Такие же примеры можно привести и по другим тюркским языкам, например: татар. *ай-вайга карамыйча — ай-вайга карамастан* «несмотря на сопротивление», *буш калдырмау — буш куймау* «не оставаться в долгу», *авызы тамалану — авызы биклэнй — авызы каплану* «замолкнуть» — варианты ФЕ, *бэхэт йолдызы — бэхэт кояшы* «звезда счастья», *гомерненг тангы — гомерненг язы* «заря жизни» — фразеологические синонимы-дублиеты; узбек. *бети кэалин — бети кэаттикэ* «наглый, нахальный, бесстыжий», *гап тукэмокэ — гап уйдирмокэ* «выдумывать, сочинять (ложь, небылицу)» — фразеологические синонимы-дублиеты, *бурун сукэмокэ — бурун тикэмокэ* «совать нос», *гап тегизмокэ — гап тегдирмокэ* «подводить, делать (поступать) так, чтобы кому-л. попало» — варианты ФЕ.

Приведенные, а также большинство аналогичных с ними фразеологических синонимов-дублиетов в соответствующих толковых словарях неверно расцениваются как варианты ФЕ. Что касается фразеологических синонимов-дублиетов, имеющих в своем составе три и более компонента, то различие их в названных словарях от фразеологических вариантов с таким же количеством компонентов наблюдается еще чаще, например: казах. *басын базаргэ салды (басы саудагэ тйстй) а* «вовлекать в тяжбу», э) «утруждать, беспокоить (зря)», *кэиянгкэылыкэкэ басты (кэиянгкэылыкэ салды)* «хитрить, лукавить», *ел уйткэысын бузды (ел уйткэысы шайкэалды)* «разлагать людей, сеять раздоры»; татар. *бергэ бишне кушу, берне биш итй* «преувеличивать, присочинять в рассказе», *берне эшлэп булмый, берне эшлэр хэл юк* «ничего не поделаешь», *акны кара дип эйтй (акны карага эйлэндерй)* «извращать, искажать, хорошее выдавать за плохое» (букв. на белое говорить черное); узбек. *(бир) туки узгамас* или *бир тук хам кам эмас* «точно он, он самый», *торс ёрилиб кетгудай булди* или *юраги торс ёрилиб кетай деяпти* «душа ушла в пятки».

В ТСУЯ, ТСТЯ и ТСКЯ² нередки и обратные случаи, т. е. случаи рассмотрения вариантов ФЕ как фразеологических синонимов. Это особенно касается ФЕ, состоящих из трех и более компонентов, например: узбек. *беш бармокэни огэизга урмокэ (или тикэмокэ) — беш кэулни огэизга урмокэ (или тикэмокэ)* «заграбастать, хапнуть как можно больше» (букв. сунуть сразу все пять пальцев в рот), *елкага миниб олмокэ — буйнига миниб олмокэ* «сесть на шею»; татар. *акылга тулы тйгел — акылга тйгэ-*

рек тйгел «придурковатый, недалекий» кйз йлчэве (кйреме) белэн — кйз чалмасы белэн «на глазок, на глазомер»; казах. кэолынан бокэ та келмейдй — кэолынан тик келмейдй «ему ничего непосильно, он ничего не может» и др.

В любом языке имеются ФЕ, варьируемые компоненты которых ассоциируются со словами разного значения, но объединенными в одно семантическое поле, например: кар.-балк. *жаным (-ынг, -ы)*, *ауруйду* — *жюрегим (-инг, -и)* *ауруйду* «душа (сердце) болит»; узбек. *елкага миниб олмокэ* — *буйнига миниб олмокэ* «сесть на шею» и др. Некоторые исследователи фразеологии (напр., В. П. Жуков) такие ФЕ рассматривают по-разному: 1) как фразеологические синонимы, 2) как разновидности одной и той же ФЕ и 3) как промежуточные явления между вариантностью и синонимией (Жуков, 1978, 108). Разное истолкование одних и тех же ФЕ дает повод составителям словарей подойти к оценке их по своему разумению. Так, составители ТСУЯ фразеологические пары *кунглига кэил (хам)* *сигэмайди* и *юрагигэа кэил (хам)* *сигэмайди* «не хотите, не желать» (*кунгил* «душа», *юрак* «сердце»), *юраги чопмади* и *кунгли чопмади* «душа (сердце) не болит» квалифицировали как фразеологические синонимы, а аналогичные же пары *акэли тулди* и *мяси тулди* «набраться ума (разума)» (*акэл* «ум, разум, рассудок», *мия* «мозг»), *кунгилга жойламокэ* и *дилга жойламокэ* «запасть в сердце (в душу)» (*кунгил* «душа», *дил* «сердце») — как варианты одной и той же ФЕ. Такие же примеры имеются и в толковых словарях некоторых других тюркских языков, но в ТСКЯ² их довольно много. Вот некоторые из них: *көнгил елжереди* — *жйреги елжереди* «умиляться, смягчаться (о сердце)» (*көнгил* «душа», *жйрек* «сердце»), *көнгилі суыды* — *жйрегі суыды* «потерять надежду», *кэабакэ кэакэкэанша* — *кэас кэакэкэанша* «в мгновение ока» (*кэабак* «веко», *кэас* «бровь») и *дйниеден (өмирден)* *көшти* «уходить из жизни» (*дйние* «мир, свет, вселенная», *өмир* «жизнь»), *кэасын (кэбагэын)* *кердй* «важничать», *кэуйындай акэты (жййткйдй)* «лететь стрелой; нестись вихрем» (*акэ* перен. «ходить быстро», *жййткй* «быстро мчатся, нестись»).

Учитывая, что такие ФЕ имеют одинаковое значение, одну и ту же внутреннюю форму и что в них слова, ассоциирующиеся с варьируемыми компонентами, семантически близки, мы склонны видеть в них не самостоятельные синонимические ФЕ, а варианты одной и той же ФЕ.

Неумение выявить компонентный состав ФЕ приводит к ошибочному признанию одной ФЕ за две или более самостоятельные единицы. Поэтому необходимо строго разграничивать слова, входящие во ФЕ, от тех, которые находятся вне ее. При этом надо иметь в виду следующие обстоятельства: 1) ФЕ, как уже было отмечено, — воспроизводимая единица, т. е. значимая единица с постоянным составом, 2) ФЕ, эквивалентная слову, в предложении всегда выступает как один его член, на что тоже указывалось. Не во всех толковых словарях тюркских языков эти обстоятельства учитываются. Обратимся к примерам.

В ТСКЯ² в качестве ФЕ приводятся такие конструкции, как *ас (бойына, жйрегіне) батпады* «не иметь аппетита» и *кзуаныштан жйрегі жарылып кете жаздады* «от радости сердце чуть не разорвалось». Лексический состав ФЕ установлен неправильно. На самом деле компонентный состав первой ФЕ обширнее приведенного в словаре. Один из обязательных компонентов ее — *бойына* — дан в скобках, т. е. как варьируемый, не обязательный. В действительности же варьируемым в данной ФЕ является другой компонент — *тагъам* «пища», синоним слова *ас* «пища», который не приведен здесь, но присутствует в предложении-примере, иллюстрирующем эту ФЕ: *Асылбекти баласындай кйтетин Марфа эженінг столгъа кзойгъан тагъамдары да Галиякынг бойына батпады* «К яствам, которые ставила на стол бабушка Марфа, ждавшая Асылбека как родного сына, у Галии не было аппетита». Таким образом, ФЕ должна иметь следующий лексический состав: *бойына (жйрегіне) ас (тагъам) батпады*. К этому мнению пришли и сами составители словаря при повторном использовании указанной ФЕ в словарной статье *бой* — 1. «рост (человека)»; 2. «стан, корпус»; 3. «длина»; 4. «протяжение, продолжение»; 5. «подножие; берег» и т. п. (т. 2, с. 330) и *жйрек* «сердце» (т. 4, с. 268).

Из-за неправильного определения структуры и лексического состава одна ФЕ приводится в словаре в трех вариантах, с самостоятельным толкованием: *ас (бойына, жйрегіне) батпады* — *бойгъа ас батпады* — *жйрекке (жйрегіне) ас батпады*.

Неверно определен и состав ФЕ *кзуаныштан жйрегі жарылып кете жаздады*. ФЕ здесь является конструкция *жйрегі жарылып кете жаздады* «сердце чуть не разорвалось». Объясняется это тем, что конструкция *кзуаныштан*

жйрегі жарылып кете жаздады не является целостной по своему значению. Слово *кѳуаныштан* «от радости» в лексический состав ФЕ не входит. В этом легко можно убедиться, обратившись к данным того же словаря: *Балкѳияны кѳргенде, онынѳ Еркінді экелгенін естігенде, Кѳжектинѳ кѳуаныштан жйрегі жарылып кете жаздады* (т. 6, с. 386) «Когда увидел Балкию, заметил, что она привела Эркина, у Кожека сердце чуть не разорвалось от радости». «*Патша тйсті*» деген хабар келгенде, эсіресе, окѳыгѳан жастардын арасында жйрегі жарыла кѳуанбагѳан адам аз шыгѳар (т. 3, с. 705) «Когда пришла весть, что царь свергнут, в особенности среди образованных молодых людей мало кто не обрадовался до глубины души (букв. до разрыва сердца)». *Жйрегім жарылугѳа жакѳындап тур, Ат болмаса, кѳалмас па еді (тййе) мени басып* (т. 4, с. 266) «Сердце мое чуть не разорвалось (от испуга), если бы не конь, (верблюд) растоптал бы меня». ...*Хамит тыскѳа орамалын кѳтермей шыкѳса, жйрегім жарылып кетер* (т. 3, с. 705) «Если Хамит выйдет во двор без платка, сердце мое разорвется (от испуга)». В связи с неверным установлением лексического состава предложения и эта ФЕ помещена в словаре трижды в двух вариантах, т. е. один из ее вариантов приведен дважды. Соответственно и определения им даны неадекватные. Ср.: *жйрегі жарылды (жарыла жаздады)* а) «сильно обрадоваться, быть вне себя от радости»; э) «сильно испугаться» — *жйрегі жарылды (жарылып кете жаздады)* а) «сильно обрадоваться»; э) «сильно испугаться» — *кѳуаныштан жйрегі жарылып кете жаздады* «от радости сердце чуть не разорвалось». Судя по приведенным примерам, лексический состав ФЕ здесь должен быть следующим: *жйрегі жарылды (жарылып кете жаздады, жарыла жаздады, жарылугѳа жакѳындап тур)*. Данная ФЕ имеет только одно значение: «сердце (чуть не) разорвалось от сильной радости или сильного испуга».

В ТСУЯ как ФЕ дается предложение *бировга (кѳарши) тиш кѳайрамокѳ* «иметь зуб» (бук. точить зубы на кого-л.), хотя на самом деле слова *бировга (кѳарши)* не входят в лексический состав данной ФЕ. Об этом свидетельствует иллюстративный пример на 2-е значение этой ФЕ (*тишини кѳайрамокѳ*), помещенный под его компонентом *кѳайрамокѳ* — 1. «точить»; 2. перен. «натравливать, настраивать (против кого-л.)»; 3. перен. «закалить (напр. волю, сознание)»; 4. «готовиться к принятию пищи» и т. п.: *Кѳулокѳлар писиб юрган булсалар хам, алам ичида тишларини кѳайроб юрибдилар* «Кулаки, хотя и скрывались, в гневе

точили зубы (на кого-л.)». В СТЯ в числе ФЕ приводится сочетание *хеммэни бир гөзде гөрмек* «всех мерить на один аршин». Однако оно семантически делится на составляющие его части — в предложении выполняет функцию не одного его члена, а двух: *хеммэни* — дополнение, *бир гөзде гөрмек* — сказуемое, которое и является глагольной ФЕ. Слово *хеммэни* не входит в ее состав. Это ясно видно даже из толкования данного сочетания в словаре: «не лицемеря ни перед кем, относиться ко всем одинаково».

Сравнение одних и тех же ФЕ, помещенных в разных словарях одного и того же тюркского языка, показывает, что компонентный состав их установлен не всегда одинаково. Ср., например: *икки эллик* (ТСУЯ) и *икки эллик хат* (УРС) «коротенькое (о письме)»; *кун(и) тугъди* (ТСУЯ) и *цунг күни тугъди* (УРС) «счастье улыбнулось», *кэули баланд* (ТСУЯ) и *цунг кэули баланд* (УРС) — 1. «ему везет»; 2. «инициатива в его руках; он побеждает, выигрывает»; *ак там болмак* (СТЯ) и *ййзинг ак там болмак* (ТРС²) «побелеть, побледнеть (от испуга, стыда и т. п.)», *агзы билен гуш алмак* (ТРС²) и *агзы билен ак гуш алмак* (СТЯ) «быть ловким, проворным» (букв. брать птицу ртом), *айнадан гөрөн ялы* (ТРС²) и *айнада гөрөн ялы билмек* (СТЯ) «(знать) что-л. ясно, определено, точно» (букв. как в зеркале видеть). Каждая вторая из сравниваемых пар ФЕ охарактеризована с точки зрения своего лексического состава неверно.

Количество подобных примеров можно было бы значительно увеличить, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться в том, что не во всех толковых тюркских и тюркско-русских словарях лексический состав ФЕ определяется правильно. В определении состава ФЕ имеются расхождения как в пределах одного и того же словаря, так и между разными словарями одного и того же языка.

Х

С отбором ФЕ в словарь связан и вопрос об их форме, т. е. о форме их компонентов, так как неумение установить правильную форму ФЕ может привести к тому, что одна и та же ФЕ выдается за две единицы, а иногда и более. Как и всякая языковая единица, ФЕ имеет свою форму, которая диктуется самой ее природой и в которой она должна подаваться в словарь, будь это фразеологический, переводной или толковый. В устной речи многие ФЕ могут существо-

вать в разных формах. Однако в словаре следует приводить лишь наиболее употребительную форму ФЕ.

Как показывает анализ ФЕ в толковых словарях тюркских языков, определение правильной словарной формы именных, адъективных, наречных, модальных, междометных и союзных ФЕ не вызывает каких-либо заметных затруднений для составителей словарей. Что касается глагольных ФЕ, то вопрос об установлении их словарной формы продолжает оставаться актуальным. При определении ее формы во многих случаях допускаются следующие ошибки: 1) наряду с положительной во многих случаях регистрируется и отрицательная форма глагола; 2) в отдельных случаях отрицательная форма глагола не разграничивается от его положительной формы; 3) в ряде случаев форма инфинитива дана в одном ряду с формой возвратного и страдательного залога, а форма изъявительного наклонения ед. числа прош. времени — с формой понудительного залога как самостоятельная лексическая единица.

Глагольный компонент отдельных глагольных ФЕ употребляется только в отрицательной форме, например: кар.-балк. *бет бермеді* «избегать кого-л.», *къарным (-ынг, -ы) аурумайды* «не беспокоиться, не переживать за кого-что-л.»; казах. *бойын бермеді* «не сдаваться, не поддаваться», *шыр (шел) жукъпады* «не поправляться (в теле)»; киргиз. *сиркеси суу кӧтӧрбӧӧ* «ничего не хотеть слушать, злиться», *жанга тенгебӧӧ* «задирать нос» и др. Такие ФЕ никаким образом нельзя регистрировать в словарях в положительной форме. Что касается тех глаголов, которые употребительны как в положительной, так и в отрицательной форме, то их в словаре принято давать только в положительной форме. Однако в некоторых тюркских толковых словарях, а именно в ТСКЯ² и ТСАЯ, такие глаголы порою подаются в положительной и отрицательной формах. При этом в ТСКЯ² отрицательная форма в ряде случаев берется в скобки. Однако толкование на нее не распространяется, но примерами она иллюстрируется, хотя составители словаря в этом вопросе не всегда последовательны. Примеры: казах. *къарап турды (турмады)* а) «бездействовать, бездельничать», э) «обратить внимание», *сын кӧтерді (кӧтермеді)* «выдерживать (не выдерживать) критики», *аузына (ауызгъа) алды а* «называть, говорить» и *ауызгъа (аузына) алмады а* «не называть, не говорить», *кӧлындан келеди* «быть по силам» и *кӧлындан (тик) келмейди* «не быть по силам»; азерб. *ајаг басмаг* «посещать (кого-л.), ходить

(к кому-л.)» и *ајаг басмамаг* «перестать посещать (кого-л.), ходить (к кому-л.)», *баш ачмаг* «понимать, соображать, разбираться» и *баш ачмамаг* «не понимать, не разбираться, не соображать», *дйз кэлмэк* «совпадать, соответствовать» и *дйз кэлмэмэк* «не совпадать, не соответствовать» и т. п.

Неразграничение отрицательной формы глагола от его положительной формы, которые отличаются друг от друга не только по обозначению положительного и отрицательного аспектов действия, обнаружено в ТСУЯ, и оно приводит к рассмотрению самостоятельной ФЕ как одной из разновидностей другой полисемичной ФЕ. Например, в данном словаре наречная ФЕ *бош кутармай* «без отдыха, старательно, непрерывно, без передышки» ошибочно дана как одно из значений ФЕ *бош кутармокъ*—«прервать, приостановить (то, чем занят человек)». О том, что *бош кутармай* является самостоятельной ФЕ, не имеющей ничего общего с *бош кутармокъ*, говорит даже пример, приводимый в словаре: *Уни бош кутартирмай ишлатаётган нарса, балки шу мехнат хуморидир!* (М. Исмоилий) «То, что его заставляет работать непрерывно (букв. не поднимая головы)— это, пожалуй, трудовой энтузиазм».

В толковых словарях других тюркских языков эти ФЕ правильно трактуются как две самостоятельные лексические единицы, например: кар.-балк. *баш кётюр* и *баш кётюрмей*; татар. *баш кйтерй* и *баш кйтерми (чэ)* и др.

Подача глагольных компонентов ФЕ в форме и инфинитива, и возвратного или страдательного залога имеет место только в ТСУЯ, например: *кунглини кутармокъ* «поднимать (чь-л.) настроение, ободрять, веселить (кого-л.)» и *кунгли кутарилди* «воспрянуть духом, ободряться, воодушевляться», *бурнини кутармокъ* «задирать нос» и *бурни кутарилди* «быть задраным (о носе), стать важным», *юрагини ёрмокъ* «делать так, чтобы сердце ёкнуло (у кого-л.)» и *юраги ёрилди* «ёкнуть (о сердце)» и т. п.

Лексикографирование глагольных компонентов ФЕ и в форме изъявительного наклонения ед. числа прош. времени, и в форме понудительного залога можно увидеть в ТСКЯ². Как и отрицательная форма глагола, форма понудительного залога в некоторых случаях дается в скобках, например: *зар къаксады* а) «рыдать, горько плакать» и *зар къакъсатты* «заставить рыдать, горько плакать», *тил алды* «послушаться, согласиться на уговоры» и *тил алгъызды* «заставить слушаться, соглашаться на уговоры», *къан сасыды (сасытты)* «устроить резню, массовое истребление».

къан къусты (кустырды) а) «подхватить тяжелую болезнь»; э) «испытать мучения, горько сожалеть» и т. п. В тех случаях, когда понудительная форма глагола заключается в скобки, толкование ФЕ на нее не распространяется и оправдательными примерами она не иллюстрируется.

Говоря о выборе словарной формы глагольного компонента ФЕ, следует отметить, что в отдельных случаях в ее качестве приводится форма будущего времени желательного наклонения. В сочетании с именами существительными такие глаголы выражают проклятие, как это довольно много отражено в ТСУЯ, ТСАЯ, и особенно в ТСКЯ², где приводятся даже их варианты, например: узбек. *ажал олсин* (или *тортсин, чакъирсин*) «чтоб (тебе, ему) умереть, сгинуть!», *бети къурсин!* «пропади он пропадом!», азерб. *башына эллэмэ дйшсйн!* «чтобы на тебя обрушились камни, скала!»; казах. *көзінг акъкъыр!* «чтоб тебе ослепнуть», *көзінг акъсын!* «чтоб ты ослеп!», *къаран къалгъыр!* «чтоб тебе остаться без крова», *къудай ургъур!* «чтоб ты был наказан богом!», *къудай урсын!* «чтоб бог тебя проклял!» и мн. др.

Подобные формы, выражающие проклятие, в качестве ФЕ совершенно излишни в словарях, тем более что в них приводятся наряду с ними их общепринятые словарные формы.

Одна и та же ФЕ может быть оценена как две самостоятельные ФЕ из-за неправильного установления ее именного компонента. Подобный факт обнаруживается в ТСКЯ² и ТСАЯ, например: казах. *зар төкті* «поделиться с горем, печалью, изливать душу» и *зарын төкті* «рассказать о своей тоске, печали; изливать свою душу», *алакъ-ангъа салды* «ласкать, лелеять, нежить; внимательно, усердно ухаживать» (букв. положить на ладонь) — *алакъ-анына салды* (букв. положить на свою ладонь); азерб. *ајаг кэмэк* «прекратить посещение кого-, что-л.» — *ајагыны кэмэк* I. «прекратить свое посещение кого-, что-л.», *диш агъартмаг* «скалить зубы» и *дишини агъартмаг* «скалить (свои) зубы» и др. ФЕ, оформленные здесь как самостоятельные языковые единицы, отличаются друг от друга лишь грамматической формой именного компонента (ср.: *зар* — *зарын, алакъангъа* — *алакъанына* и др.).

Именной компонент глагольных ФЕ в тюркских языках почти всегда употребляется с притяжательными аффиксами. Составители толковых словарей в какой-то мере учитывают это, регистрируя его в форме 3-го лица ед. числа.

За исключением СТЯ, во всех тюркских толковых словарях данная форма имен существительных отражена последовательно. Что касается СТЯ, то в нем последовательность в данном вопросе нередко нарушается, аффиксы 3-го лица ед. числа заменяются аффиксами 2-го лица ед. числа, например: *тумшыгынгы ёкары тутмак* «задирать нос», *ййзйнг гызармак* «краснеть (от стыда, смущения)», *ййзинг дйшмек* «желать, хотеть», *деминги санап ятмак* «быть при смерти», *дилинги дйшлемек* «прикусить язык» и мн. др. Выбирая указанную форму в качестве словарной для именного компонента ФЕ, лексикографы, по всей вероятности, считают ее наиболее употребительной. Однако, судя по оправдательным примерам, приводимым в словарях, трудно сказать, какой из притяжательных аффиксов превалирует по частотности употребления, например: казах. *басы айналды* «голова закружилась» (в примерах: *басы, басым*), *көнгілі бузылды* «расстроиться» (в примерах: *көнгілім, көнгілі*), *жйрегі сазды* «проголодаться» (в примерах: *жйрегіне, жйрегі*); киргиз. *кадеми катуу* «выбиться из сил» (в примере: *кадемим*), *жйзй жарык* «симпатичный, обаятельный, приветливый» (в примере: *жйзйім*); узбек. *тишини кзайрамокз* «иметь зуб» (в примерах: *тишингни, тишларини*), *капалаги учди* «сильно испугаться» (в примерах: *капалагим, капалаклари*); *кунглига огир олмокз* «принимать близко к сердцу, обижаться, болезненно реагировать (на что-л.)» (в примерах: *кунглингизга, кунглима*); туркмен. *алынындан диремек* «морально и материально поддержать кого-л. (в критический момент)» (в примерах: *алынымыздан, алынындан*), *ййзи ак там болмак* «побледнеть (от испуга, болезни)» (в примерах: *ййзи, ййзйнг*), *агзы аша етмек* «начинать жить хорошо, выбраться из нужды» (в примерах: *агзы, агзымыз*) и т. п.

Чтобы без нужды не давать одну и ту же ФЕ повторно, необходимо отражать в словарях формы всех трех лиц именного компонента глагольных ФЕ, если он обычно употребляется с притяжательными аффиксами. Такой прием лексикографирования глагольных ФЕ принят в незаконченном еще для издания ТСКБЯ, например: *жаным (-ынг, -ы) ауруйду* «душа (сердце) болит», *аягъым (-ынг, -ы) тайды (учду)* «терпеть неудачи», *аякз тубюмде (-юнгде, -юнде) чёп сынмай* «не чуя ног под собой», *ахым-жаным (-ынг, -ы) кетди* «душа ушла в пятки» и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. При оценке нормативности той или иной лексической единицы следует учитывать, что не всякое слово, встречающееся в художественной литературе, даже в авторской речи, заслуживает включения в общефилологический, нормативный словарь, так как и у авторитетных писателей бывают и сознательные отклонения от нормы, и неудачные новообразования, и прямые ошибки. Тем не менее при нормализации литературного языка решающая роль принадлежит художественной литературе. В то же время нельзя не учитывать значения других форм письменной речи (научно-технической, публицистической и др.), а также нормативную разговорную речь, являющуюся одним из вариантов литературного языка.

Нормативный словарь призван показать прежде всего современные нормы словоупотребления. Однако в нем определенное место должна занять и ненормативная лексика, поскольку многие диалектизмы, архаизмы, просторечия и т. п. широко употребляются в языке и понятны его носителям. Но ненормативная лексика обязательно должна быть отграничена в нем от нормативной.

2. При отборе ненормативной лексики в словари следует учитывать, что:

а) фонетические, лексико-фонетические и лексико-словообразовательные диалектизмы используются писателями в речи персонажей для более полной, более рельефной передачи того или другого образа. Они понятны читателю, но не имеют никаких перспектив для проникновения в литературный язык. Поэтому включение их в толковые словари литературных языков представляется нецелесообразным.

Значения собственно лексических и лексико-семантических диалектизмов остаются неясными для широкого читателя. Критериями для их включения в толковые словари могут быть частота употребления их в авторитетных произведениях художественной литературы и широта распространения в диалектах. Однако удовлетворяющие и этим критериям диалектизмы нельзя безоговорочно включать в словник словаря литературного языка без соответствующих ограничительных помет (*диал.*, *арх.*, *прост.* и т. п.).

Этнографические диалектизмы должны вводиться в словари литературного языка на правах слов, обозначающих местные реалии, которые в данном языке не имеют другого обозначения;

б) из историзмов в толковые словари можно включать только более часто употребляемые в публицистической и художественной литературе, в эпосе, фольклорных произведениях и школьных учебниках;

в) нельзя религиозные слова смешивать с архаизмами, ибо они, в отличие от архаизмов, все еще довольно широко употребляются в устной и письменной речи.

Представляется нецелесообразным включение в словарь лексико-словообразовательных и лексико-фонетических архаизмов, так как они почти что не отличаются от своих литературных вариантов и не вносят ничего нового в лексический состав языка.

Из лексических архаизмов можно включать в словари лишь наиболее употребительные в художественной литературе и периодической печати, в школьных учебниках по литературе и истории, а также те из них, которые входят в состав широкоупотребительных устойчивых сочетаний, образных выражений и изречений;

г) необходимо различать литературное и внелитературное просторечие. Статус литературного просторечия и разговорной разновидности литературного языка совпадает. Обе эти категории лексики должны отражаться в толковых словарях. При этом, оценивая их с точки зрения стилистики, следует иметь в виду, что просторечная лексика, по сравнению с нейтральной и разговорной, характеризуется оттенком упрощения, стилистической сниженности, фамильярности и грубости;

д) окказионализмы обычно попадают в общефилологические тюркские словари на основании неразличения их от неологизмов и ориентации на русско-тюркские словари, в которых русские эквиваленты их являются самостоятельными лексическими единицами. Чтобы не смешивать окказионализмы с неологизмами, надо иметь в виду, что в отличие от неологизмов, лексическое значение окказионализмов не общепринято, они существуют в речи лишь одного лица или группы лиц, не обладают регулярной воспроизводимостью в современном литературном языке, не связаны системными отношениями с обычными словами, не прошли отбора;

е) частота употребления термина не всегда отражает важность его для общения людей. В качестве критерия

отбора в словарь она применима в основном в том случае, когда речь идет о языковых дублетах, вариантах и т. д.

К отбору терминов нельзя применять принципы и критерии отбора слов других лексических единиц по следующим соображениям:

1) в таком случае игнорируется специфика терминов, их особая роль в жизни общества; 2) слова других слоев лексики отбирают из числа тех, которые действительно реально употребляются в обследуемых источниках письменной и устной речи, а термины, нужные для общего словаря, очень редко встречаются в общеупотребительных источниках, будучи тем не менее известными и понятными многим носителям языка, не являющимся специалистами соответствующих отраслей знания. Поэтому при отборе специальных терминов в общий словарь нужно исходить не из принципа общеупотребительности, а из принципа общеизвестности. Общеизвестными становятся обычно общественно значимые, актуальные термины.

Общие термины имеют общенаучный и общетехнический характер, они общеизвестны, поэтому должны быть достоянием толковых словарей. Из отраслевых терминов можно считать общеизвестными, освоенными в тюркских языках, и включать в их общие словари такие, которые отвечают следующим условиям:

1) если слово помимо своего основного, терминологического значения, приобрело другое — нетерминологическое;

2) если термин имеет производные слова, свидетельствующие о его словообразовательной активности, и особенно когда это подтверждается цитатами.

3. Производные формы по назначению бывают либо словообразовательными, либо сугубо грамматическими, не имеющими отношения к словарю.

В тюркских языках, кроме них, нередко наблюдаются лексикализованные грамматические формы, которые обладают индивидуальным лексическим значением, не выходящим из их структуры.

Включение подобных лексикализованных производных форм в анализируемые словари вполне оправдывается. Однако наряду с ними в этих словарях довольно много нелексикализованных грамматических форм слов. Это обусловлено, во-первых, тем, что словообразование и образование грамматических форм слабо дифференцированы в научных грамматиках и специальных исследованиях, а во-вторых, тем, что лексикографы при определении лек-

сикализированности/нелексикализированности регулярных производных форм руководствуются укоренившейся лексикографической традицией, идущей от В. В. Радлова, который в свой словарь включал эти формы без какого-либо ограничения.

4. В исследованиях о вариантах слов в тюркских языках фономорфологические и орфографические варианты слов неправомерно рассматриваются в составе фонетических вариантов.

Орфографические варианты слов не должны быть объектом общих словарей. Фономорфологические и собственно морфологические варианты слов должны быть унифицированы, а если они конкурируют между собой в отношении нормы, то их целесообразно объединять в одной словарной статье. Что касается ненормативных вариантов, то им не место в толковых словарях. Исключение могут составить морфологические варианты слов, обусловленные параллельным существованием заимствованных и исконных или двух различных заимствованных аффиксов, а также взаимодействием устной и письменной разновидностей литературного языка.

5. В тюркских (и не только в них) языках во многом однозначно решен вопрос о границах фразеологии. Одни исследователи непомерно расширяют границы ее, другие, наоборот, сужают. Этим объясняется произвольность подбора ФЕ в толковые словари тюркских языков. В большинстве из них решение проблемы отграничения ФЕ от обычных слов, парных слов и повторов, аналитических глаголов, терминологических и свободных словосочетаний, а также от пословиц и поговорок во многом оставляет желать лучшего. В некоторых словарях отнюдь не во всех случаях на должном уровне решены и такие вопросы, как разграничение фразеологической полисемии и омонимии, синонимии и вариантности; имеются погрешности при определении состава и формы ФЕ.

а) Слово — единица цельноформленная, однолексемная, а ФЕ — раздельноформленная, многолексемная. В слове доминирующим является прямое, номинативное значение, а во ФЕ — образно-номинативное. Хотя образность характерна слову и ФЕ, но она в них не одинакова. Любое слово может быть средством образности, но только в определенном контексте, а значение ФЕ всегда образное, экспрессивно-эмоциональное, при любом употреблении.

б) Парные слова в лексикографической практике признаны именно словами и поэтому об отнесении их к какой-

либо другой категории в этом аспекте не приходится говорить.

Не относятся к фразеологии и единичные парные слова в тюркских языках, имеющие метафорическое значение (кар.-балк. *жаным-тиним* «самое дорогое для меня» (букв. душа-плоть моя), башкир. *инэле-сагъалы* «слегка помешанный» и др.), а также повторы типа узбек. *кундан-кун(га)* «изо дня в день».

Многие парные слова могут выступать в качестве компонентов ФЕ.

С другой стороны, морфологизированные повторы типа туркмен. *ййзбе-ййз* «с глазу на глаз», узбек. *бошма-бош* «баш на баш» и словосочетания, построенные по способу примыкания, типа киргиз. *кййп-бышуу (жануу)* — 1. «суетиться, спешить», 2. «раззадориваться, выходить из себя» (букв. сгорев, вариться; жариться) неправильно отнесены к парным словам. Они обладают дифференциальными признаками ФЕ, поэтому должны были помещаться в общих словарях за основным знаком фразеологии.

в) Из всех типов аналитических глаголов к сфере фразеологии можно отнести лишь следующие:

1) устойчивые сочетания, в которых именной компонент имеет фразеологически связанное значение;

2) устойчивые сочетания, первый компонент которых употребляется в переносном значении, являющемся достоянием всей данной аналитической формы в целом.

г) Большинство лингвистов к фразеологии относит только те терминологические двухкомпонентные глаголы, которые развили переносное значение и стали употребляться в этом значении в общем литературном языке. К фразеологии, видимо, следует отнести и такие составные терминологические образования: 1) общее значение которых не определяется непосредственно значением их компонентов, 2) которые возникли на основе производного образного значения, ставшего их главным содержанием.

д) Основным признаком, отличающим ФЕ от словосочетания, является устойчивость ФЕ, понимаемая как воспроизводимость в готовом виде.

Сочетания с фразеологически связанными значениями в целом не обладают идиоматичностью, поэтому примыкают к свободным сочетаниям слов.

К фразеологии можно причислять устойчивые словосочетания, ставшие языковыми штампами-сравнениями, типа кар.-балк. *союп къаплагъанлай* «словно вылитый, очень

похожий», башкир. *укълау йоткъан кейек* «словно аршин проглотил».

С другой стороны, фразеологичность таких сравнительных оборотов, как азерб. *дирэк кими* «высокий» (букв. как столб), татар. *ташбака төсле (кебек)* «об очень медленном продвижении» (букв. как черепаха), вызывает сомнения, т. к. второй их компонент, сохраняя свое исходное лексическое содержание, может свободно сочетаться с любым именем.

е) Хотя иносказательное содержание пословицы сближает ее с ФЕ, они совершенно не совпадают: пословица всегда выражает суждение, а ФЕ — понятие. Пословицы, в отличие от ФЕ, не обладают семантической целостностью, значение их основано на смысловом содержании составляющих слов. Поэтому они несоотносительны со словом или членом предложения.

Анализ тюркских пословиц показывает, что некоторые из них служат материалом для ФЕ. При этом для превращения во ФЕ нужно отбросить от пословицы отдельные слова или же разложить ее на составные части.

В отличие от пословиц поговорки обладают смысловым единством, что сближает их с ФЕ. Они проще, чем пословицы, превращаются во ФЕ. При этом в большинстве случаев нужно только изменить форму одного из компонентов поговорки или добавить к ней слово (или слова).

Отдельные поговорки типа кар.-балк. *жерине кёре жыланы* «по Сеньке и шапка» без каких-либо изменений компонентов служат ФЕ.

ж) Многозначность ФЕ не может быть обусловлена многозначностью слов, составляющих ее, так как сами эти слова и их значения растворяются внутри ФЕ и не мотивируют качественно иное значение ФЕ. Значение ФЕ не выводится из значения каждого ее компонента в отдельности. Смысловая структура многозначной ФЕ также не имеет ничего общего со смысловой структурой слов, входящих в свободное словосочетание такого же лексического состава.

Во ФЕ нельзя выделять прямые и переносные значения, поскольку она возникает в результате переноса прямого значения своих компонентов.

Материал тюркских языков не подтверждает мнения некоторых фразеологов-русистов о том, что налагаемые ФЕ не способны породить омонимию. В них, хотя и не часто, но все же имеют место факты возникновения фра-

зеологических омонимов на основе распада фразеологической полисемии.

з) Фразеологические синонимы следует отличать от вариантов ФЕ. Различия вариантов ФЕ могут быть большими или меньшими, однако они всегда остаются разновидностями одной и той же ФЕ, так как варьируемые компоненты в них не вносят каких-либо новых смысловых оттенков в содержание ФЕ. Фразеологические синонимы же — самостоятельные ФЕ. ФЕ, варьируемые компоненты которых ассоциируются со словами разного значения, но объединенными в одно семантическое поле [ср. кар.-балк. *жаным ауруйду* — *жюрегим ауруйду* «душа (сердце) болит»], следует считать не самостоятельными ФЕ, а вариантами одной и той же ФЕ.

и) Неумение выявить компонентный состав ФЕ, а также установить правильную форму ее приводит к ошибочному признанию одной ФЕ за две и более, и наоборот. Во избежание этого надо иметь в виду, что: 1) ФЕ — значимая единица с постоянным составом компонентов, 2) ФЕ, эквивалентная слову, в предложении всегда выступает как один его член, 3) как и всякая языковая единица, ФЕ имеет свою исходную форму, в которой она и должна подаваться в словаре.

Именной компонент глагольных ФЕ в тюркских языках обычно употребляется с притяжательными аффиксами, что должно быть отражено в словарях.

ЛИТЕРАТУРА И СОКРАЩЕНИЯ

- Абакумов, 1942 — Абакумов С. И. Современный русский литературный язык. М., 1942.
- Абдурахманов, 1975 — Абдурахманов Н. Парные слова в тюркских языках. Автореф. дис... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1975.
- Авдеев, 1956 — Авдеев К. П. Выступление. (О состоянии работы над четырнадцатитомным «Словарем современного русского литературного языка»). — ВЯ, 1956, № 5.
- Аганин, 1959 — Аганин Р. А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959.
- Адилов, 1958 — Адилов М. И. Сложные слова в современном азербайджанском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. Баку, 1958.
- Ализаде, 1979 — Ализаде З. А. Отношение пословиц и поговорок к фразеологии (на материале азербайджанского языка). — Советская тюркология. Баку, 1979, № 2.
- Амангельдыева, 1971 — Амангельдыева К. Принципы подачи фразеологических единиц в туркменско-русском словаре. Автореф. дис... канд. филол. наук. Ашхабад, 1971.
- Амосова, 1962 — Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Автореф. дис... докт. филол. наук. Л., 1962.
- Архангельский, 1964 — Архангельский В. Л. О понятии устойчивой фразы и типах фраз. — В кн.: Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.—Л., 1964.
- Ахманова, 1957 — Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Ахманова, 1956 — Ахманова О. С. О фонетических и морфологических вариантах слова. — В кн.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову 60. М., 1956.
- Ахунзянов, 1974 — Ахунзянов Г. Х. Идиомы. (Исследование на материале татарского языка). Автореф. дис... докт. филол. наук. Казань, 1974.
- Бабкин, 1955 — Бабкин А. М. Лексикографические заметки. — ВЯ, 1955, № 2.
- Бабкин, 1964 — Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.—Л., 1964.
- Бабкин, 1970 — Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.
- Бабкин, 1971 — Бабкин А. М. Новый академический словарь русского языка. Проспект. Л., 1971.
- Бабкин, 1977 — Бабкин А. М. Слово в контексте и в словаре. — В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1977.
- Балли, 1961 — Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
- Береснев, 1960 — Береснев С. Д. Терминологическая фразеология. — В кн.: Вопросы частной лингвистики, в. 29. Тр. Кафедры ин. яз. Свердловск. гос. мед. ин-та, 1960.
- Берков, 1973 — Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии. Изд. ЛГУ, 1973.
- Бизаков, 1972 — Бизаков С. Б. Фонетические варианты слов в совре-

- менном казахском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1972.
- Биржакова, Бабкин, 1962 — Биржакова Г. Э. и Бабкин А. М. Рецензия на «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache». — ВЯ, 1962, № 3.
- Бознев, 1965 — Бознев А. Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965.
- Букчина, 1981 — Букчина Б. З. Орфографические варианты. — В кн.: Литературная норма и вариантность. М., 1981.
- Валгина и др., 1964 — Валгина Н. С. и др. Современный русский язык. Изд. 2. М., 1964.
- Введенская и др., 1979 — Введенская Л. В. и др. Методические указания к факультативному курсу «Лексика и фразеология современного русского языка (VII—VIII классы). Пособие для учителей». М., 1979.
- Веселитский, 1965 — Веселитский В. В. О некоторых понятиях правильной речи. — В кн.: Вопросы культуры речи. М., 1965, в. 6.
- Виноградов, 1965 — Виноградов В. В. Литературный язык и язык художественной литературы. — ВЯ, 1955, № 4.
- Виноградов, 1961 — Виноградов В. В. Вступительное слово. — В кн.: Вопросы терминологии. М., 1961.
- Виноградов, 1946 — Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. — В кн.: Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Л., 1946.
- Виноградов, 1947 — Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1977.
- Газанчян, 1972 — Газанчян Н. А. Семантико-стилистические сдвиги в заимствованной лексике (советский период). Автореф. дис... канд. филол. наук. Новосибирск, 1972.
- Гепнер, 1964 — Гепнер Ю. Р. Об основных признаках фразеологических единиц и о типах их видоизменения. — В кн.: Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.—Л., 1964.
- Гильбер, 1969 — Guilbert L. Dictionnaires et linguistique, essai de typologie des dictionnaires monolingues française contemporains. — Langue française, 1969, № 2.
- Головин, 1966 — Головин Б. Н. Как говорить правильно. Заметки о культуре русской речи. Горький, 1966.
- Головин, 1973 — Головин Б. Н. Введение в языкознание. М., 1973.
- Горбачевич, 1978а — Горбачевич К. С. Принципы нормализации языка в современной русской лексикографии. — В кн.: Современность и словари. Л., 1978.
- Горбачевич, 1978б — Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. Пособие для учителей. М., 1978.
- Горбачевич, 1978в — Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма/Ответ. ред. Ф. П. Филин. Л., 1978.
- Горнфельд, 1927 — Горнфельд А. Г. Новые словечки и старые слова. — В кн.: Муки слова. М.—Л., 1927.
- Граудина, 1966 — Граудина Л. К. Опыт количественной оценки нормы (форма род. ед. -чаю). — В кн.: Вопросы культуры речи. М., 1966, в. 7.
- Граудина, 1977 — Граудина Л. К. Разговорные и просторечные формы в грамматике. — В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977.
- Граудина, 1980 — Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты /Ответ. ред. член-корр. АН СССР Ф. П. Филин. М., 1980.

- Граудина, 1981 — Граудина Л. К. К истории нормализации вариантов в грамматике (нач. XX в.—60-е годы).— В кн.: Лексическая норма и вариантность. М., 1981.
- Гречко, 1977 — Гречко В. А. Терминологическая лексика в академических словарях.— В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1977.
- Гузеев, 1972 — Гузеев Ж. М. Сочетания согласных в русском и карачаево-балкарском языках.— В кн.: Сборник трудов аспирантов и соискателей (серия гуманитарных наук), в. 8. Фрунзе, 1972.
- Гузеев, 1973 — Гузеев Ж. М. О составе фонем современного карачаево-балкарского языка.— Советская тюркология. Баку, 1973, № 4.
- Гузеев, 1979 — Гузеев Ж. М. Об отражении закона нёбного сингармонизма в карачаево-балкарском языке.— В кн.: Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка, в. I. Нальчик, 1979.
- Гузеев, 1980 — Гузеев Ж. М. Основы карачаево-балкарской орфографии. Нальчик, 1980.
- Гусейнов, 1967 — Гусейнов Б. Г. Лексико-фразеологические вопросы перевода с английского на азербайджанский язык. Автореф. дис... канд. филол. наук. Баку, 1967.
- Даибова, 1973 — Даибова К. Х. Фразеология кумыкского языка. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1973.
- Джаркешева, 1950 — Джаркешева К. Сложные слова в казахском языке (на казах. яз.).— Изв. АН Каз. ССР, 1950, № 82, в. 6.
- Дмитриев, 1930 — Дмитриев Н. К. О парных словосочетаниях в башкирском языке.— Изв. АН СССР. Отд. гум. наук., 1930, серия 7.
- Ельмслев, 1960 — Ельмслев Л. Прологемены к теории языка.— В кн.: Новое в лингвистике, в. I. М., 1960.
- Жарашуева, 1968 — Жарашуева З. К. Материалы по карачаево-балкарской фразеологии. Нальчик, 1968.
- Жарашуева, 1973 — Жарашуева З. К. Вопросы фразеологии современного карачаево-балкарского языка. Автореф. дис... канд. филол. наук. Баку, 1973.
- Жуков, 1978 — Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
- Жуков, 1967 — Жуков В. П. Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет.— ВЯ, 1967, № 5.
- Земская, 1977 — Земская Е. А. Производные слова в толковых словарях русского языка.— В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1977.
- Иванникова, 1964 — Иванникова Е. А. Об основном признаке фразеологических единиц.— В кн.: Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.—Л., 1964.
- Истрина, 1948 — Истрина Е. С. Нормы русского литературного языка и культуры речи. М.—Л., 1948.
- Ицкович, 1968 — Ицкович В. А. Языковая норма. М., 1968.
- Кайдаров, 1958 — Кайдаров А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.
- Калинин, 1978 — Калинин А. В. Лексика русского языка. Изд. 3, из-во МГУ, 1978.
- Кенесбаев, 1944 — Кенесбаев С. К. Устойчивые сочетания слов казахского языка (парные слова, идиомы и фразы). Автореф. дис... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1944.
- Кенесбаев, 1964 — Кенесбаев С. К. Из опыта составления двухтомного толкового словаря казахского языка.— В кн.: Материалы V Всесоюзного лексикографического совещания. Фрунзе, 1964.
- Киреева, 1960 — Киреева Л. Ф. Устойчивые словосочетания прила-

- гательного с определяемым существительным в терминологической функции.— В кн.: Научн. зап. Днепропетровск. гос. унив., т. 70, 1960, в. 17 (Сборник работ филол. факультета).
- Князькова, 1978 — Князькова Г. П. К проблеме отбора слов в словарях.— В кн.: Современность и словари. Л., 1978.
- Кирсанова, 1964 — Кирсанова Н. А. О некоторых семантических признаках фразеологических единиц.— В кн.: Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.—Л., 1964.
- Кожин, 1964 — Кожин В. В. Теория художественной речи в современном литературоведении Запада.— В кн.: Слово и образ. М., 1964.
- Комлев, 1968 — Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. Изд-во МГУ, 1969.
- Копорская, 1981 — Копорская Е. С. О некоторых факторах возникновения лексической вариантности в русском литературном языке XVIII — начале XIX в.— В кн.: Литературная норма и вариантность. М., 1981.
- Корнев, 1981 — Корнев А. И. Роль устойчивых словосочетаний в развитии семантики слова.— В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1981.
- Коробчинская, 1966 — Коробчинская Л. А. О лексических группах, объединяемых в словарях современного русского языка пометой «просторечие».— В кн.: Исследования по грамматике и лексикологии. Республиканский межведомственный сборник. Серия «Вопросы языкознания». Киев, 1966.
- Косериу, 1963 — Косериу Э. Синхрония, диахрония и история.— В кн.: Новое в лингвистике. М., 1963, в. 3.
- Костомаров, Леонтьев, 1966 — Костомаров В. Г., Леонтьев А. А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи.— ВЯ, 1966, № 5.
- Костомаров, Леонтьев, Шварцкопф, 1974 — Костомаров В. Г., Леонтьев А. А., Шварцкопф Б. С. Теория речевой деятельности и культуры речи.— В кн.: Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Крысин, 1969 — Крысин Л. П. Словообразовательные варианты и их социальное распределение.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии (Доклады 2-й лингвистической конференции). Новосибирск, 1969.
- Латыпов, 1969 — Латыпов А. М. Имя прилагательное.— Современный татарский литературный язык. М., 1969.
- Леонтьев, 1967 — Леонтьев А. А. Будущее языка как проблема культуры речи.— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1967, в. 8.
- Лопатин, 1973 — Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973.
- Лыков, 1971 — Лыков А. Г. Окказиональное слово как лексическая единица речи. М., 1971, № 5.
- Лыков, 1977 — Лыков А. Г. Окказионализм и языковая норма.— В кн.: Грамматика и норма. М., 1977.
- Малаховский, 1977 — Малаховский Л. В. Принципы отбора иноязычных слов для словаря русского языка.— В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1978.
- Михайловская, 1981 — Михайловская Н. Г. Лексическая вариантность в стихах древнерусских памятников.— В кн.: Литературная норма и вариантность. М., 1981.
- Мокненко, 1980 — Мокненко В. М. Славянская фразеология. М., 1980.

- Молотков, 1967 — Молотков А. И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания.— Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.
- Муратов, 1961 — Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961.
- Наурузбаева, 1972 — Наурузбаева С. Т. Фразеологические единицы в каракалпакско-русском словаре. Ташкент, 1972.
- Ожегов, 1952 — Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка.— ВЯ, 1952, № 2.
- Ожегов, 1973 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 10-е. М., 1973.
- Оруджев, 1962 — Оруджев А. А. Теоретическое обоснование к «Толковому словарю азербайджанского языка». Автореф. дис... докт. филол. наук. Баку, 1962.
- Орузбаева, 1964 — Орузбаева Б. О. Словообразование в киргизском языке. Автореф. дис... докт. филол. наук. Фрунзе, 1964.
- Осмонова, 1969 — Осмонова Ж. Идиомы в киргизском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. Фрунзе, 1969.
- Пауль, 1960 — Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
- Перерва, 1979 — Перерва В. М. Отбор терминологической лексики для общих словарей языка.— В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1979.
- Петрищева, 1967 — Петрищева Е. Ф. К вопросу о критериях нормативности.— В кн.: Вопросы культуры речи. М., 1967, в. 8.
- Поливанов, 1968 — Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции.— В кн.: Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Поливанов, 1968 — Поливанов Е. Д. Субъективный характер восприятия звуков языка.— В кн.: Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Порохова, 1975 — Порохова О. С. Областная лексика в словарях русского литературного языка.— В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1975.
- Праж. линг. круж., 1967 — Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Рагимзаде, 1967 — Рагимзаде Н. Р. Идиоматические выражения в азербайджанском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. Баку, 1967.
- Рахманова, 1966 — Рахманова Л. И. О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка.— Вопросы стилистики. М., 1966.
- Рахматуллаев, 1966 — Рахматуллаев Ш. Узбек фразеологиясининг баъзи масалалари. Тошкент, 1966.
- Реформатский, 1967 — Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1967.
- Рогожникова, 1966 — Рогожникова А. Т. Варианты слов в русском языке. М., 1966.
- Розенталь, Теленкова, 1976 — Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
- Рус. разг. речь, 1973 — Русская разговорная речь. М., 1973.
- Сазонова, 1963 — Сазонова И. К. Лексика и фразеология современного русского литературного языка. М., 1963.
- Севортян, 1966 — Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
- Сергеев, 1969 — Сергеев В. Н. Термины как объект лексикографии.— В кн.: Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., 1969.

- Сидоренко, 1962 — Сидоренко М. И. Границы фразеологического состава и фразеологическая синонимика (к вопросу о принципах отбора материала для словаря фразеологических синонимов).— В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Уч. зап. Чувашского гос. пед. института, в. II. Чебоксары, 1962.
- Сиротинина, 1974 — Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
- Скворцов, 1970 — Скворцов Л. И. Норма. Литературный язык. Культура речи.— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
- Скляревская, 1970 — Скляревская Г. Н. К вопросу о лексикографических понятиях «разговорное» и «просторечное».— В кн.: Лингвистические исследования. Л., 1970.
- Сорокин, 1967 — Сорокин Ю. С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка.— ВЯ, 1967, № 5.
- Сороколетов, 1957 — Сороколетов Ф. П. О месте производственной терминологии в толковом словаре русского языка.— Лексикографический сборник, в. I. М., 1957.
- Сороколетов, 1978 — Сороколетов Ф. П. Лексико-семантическая система и словарь национального языка.— В кн.: Современность и словарь. Л., 1978.
- Степанова, 1973 — Степанова В. В. Форма слова в аспекте лексикологическом (лексико-системном).— В кн.: Герценовские чтения. в. XXVI. Л., 1973.
- Ступин, 1963 — Ступин Л. П. К вопросу о принципах отбора слов для толкового словаря современного литературного языка (на материале Большого словаря английского языка Уэбстера).— Вестник ЛГУ, № 2. Серия истории, языка и литературы. Л., 1963, в. 1.
- Такаишвили, Сакварелидзе, 1961 — Такаишвили А. А., Сакварелидзе Н. М. Вопросы фразеологии в грузинской научной литературе.— В кн.: Вопросы фразеологии. Труды Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои, новая серия, 1961, в. 106.
- Телия, 1966 — Телия В. Н. Что такое фразеология. М., 1966.
- Толикина, 1964 — Толикина Е. Н. О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы.— В кн.: Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.—Л., 1964.
- Убрятова, 1948 — Убрятова Е. И. Парные слова в якутском языке.— В кн.: Язык и мышление. М., 1948, т. XI.
- Ураксин, 1975 — Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка. М., 1975.
- Уюкбаев, 1976 — Уюкбаев. Къазирги къазакъ тилндег варианттылыкъ проблемасы/Жауапты редактор Къазакъ ССР Гъылым академиясынынъ корреспондент-мъшеси М. Балакаев. Алматы, 1976.
- Федоров, 1963 — Федоров А. И. О принципах отбора областных слов в толковых словарях современного русского языка. Уч. зап. Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена, т. 248. Вопросы языкознания, 1963.
- Федосов, 1977 — Федосов А. И. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. Изд-во РГУ, 1977.
- Фелицина, 1964 — Фелицина В. П. О пословицах и поговорках как материале для фразеологического словаря.— В кн.: Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.—Л., 1964.
- Фельдман, 1957 — Фельдман Н. И. Оказночные слова и лексикография.— ВЯ, 1957, № 4.

- Филин, 1957 — Филин Ф. П. Заметки по лексикологии и лексикографии.— Лексикографический сборник. М., 1957, в. 1.
- Филин, 1963 — Филин Ф. П. О новом толковом словаре русского языка.— Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1963, т. XXII, в. 3.
- Филин, 1963 — Филин Ф. П. О слове и вариантах слова.— В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.
- Филин, 1966 — Филин Ф. П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи.— В кн.: Вопросы культуры речи. М., 1966, в. VII.
- Филин, 1968 — Филин Ф. П. Об изучении общественных функций языка.— Изв. АН СССР, сер. лит-ры и языка, 1968, т. XXVII, в. 4.
- Филин, 1974 — Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка.— В кн.: Русский язык в современном мире. М., 1974.
- Филин, 1973 — Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка.— ВЯ, 1973, № 2.
- Филин, 1979 — Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке.— ФН, 1979, № 2.
- Фомина, 1978 — Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1978.
- Хабичев, 1971 — Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.
- Хабичев, 1977 — Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование и словоизменение. Черкесск, 1977.
- Ханпира, 1966 — Ханпира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании.— В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.
- Ходжиев, 1963 — Ходжиев А. Узбек тилида кўшма, жуфт ва такрорий сузлар. Тошкент, 1963.
- Хертек, 1978 — Хертек Я. Ш. Фразеология современного тувинского языка. Кызыл, 1978.
- Хохлачева, 1962 — Хохлачева В. Н. Индивидуально-оценочное словообразование в русском литературном языке XIX в. (Имена существительные).— Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1962, т. V.
- Черемисин, 1966 — Черемисин П. Г. Опыт исследования стилистической синонимии. Орел, 1966.
- Чиркова, 1975 — Чиркова Е. К. О критериях отграничения окказиональных слов от новых слов литературного языка.— В кн.: Современная русская лексикография. М., 1975.
- Чуковский, 1956 — Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 1956.
- Шанский, 1969 — Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1969.
- Шанский, 1972 — Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
- Шведова, 1973 — Шведова Н. Ю. Предисловие к девятому изданию словаря русского языка С. И. Ожегова. М., 1973.
- Шахрай, 1961 — Шахрай О. Б. К проблеме классификации заимствованной лексики.— ВЯ, 1961, № 2.
- Шмелев, 1962 — Шмелев Д. Н. Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского литературного языка.— Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1962, т. XXI, в. 5.
- Шукуров, 1955 — Шукуров Ж. Ш. Кыргыз тилиндеги татаал сөздөр. Фрунзе, 1955.

- Щерба, 1940 — Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии.— Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1940, № 3.
- Щерба, 1953 — Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии.— В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1953, т. 1.
- Щерба, 1957 — Щерба Л. В. Современный русский литературный язык.— В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Щерба, 1958 — Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, т. 1.
- Юдахин, 1940 — Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1940.
- Юдахин, 1965 — Киргизско-русский словарь /Составитель К. К. Юдахин. М., 1965.
- Юлдашев, 1972 — Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.
- Юлдашев, 1981 — Юлдашев А. А. Сведения по фонеморфологии.— Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Словари

- БАС — Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах), т. I, А — Б. М. — Л., 1948.
- КРПС — Караимско-русско-польский словарь /Под редакцией Н. А. Баскакова, А. Зайончковского, С. М. Шапшала. М., 1974.
- КРС¹ — Кумыкско-русский словарь /Под ред. З. З. Бамматова. М., 1960.
- КРС² — Киргизско-русский словарь/ Сост. К. К. Юдахин, М., 1965.
- КРС³ — Казахско-русский словарь. Составители Х. Махмудов, Г. Мусабаев/Ответ. ред. Г. Мусабаев. Алма-Ата, 1954.
- КЪТДС — Къзакъ тилини диалектологиялыкъ сӱздиги (Диалектологический словарь казахского языка). Алматы, 1969.
- МАС — Словарь русского языка (в 4-х томах). М., 1957—1961.
- СО — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах), т. I, А — Б. М.—Л., 1948.
- СТЯ — Тӱркмен дилининг сӱзлиги (Словарь туркменского языка) /Под общей редакцией член-корр. АН ТССР М. Я. Хамзаева, Ашгабат, 1962.
- ТРС¹ — Татарско-русский словарь. М., 1966.
- ТРС² — Турецко-русский словарь /Редакторы: Э. М. Мустафаев и Л. Н. Старостов. М., 1977.
- ТРС³ — Туркменско-русский словарь /Под общей редакцией Н. А. Баскакова, Б. А. Карыева, М. Я. Хамзаева. М., 1968.
- ТСАЯ — Азербайжан дилининг изаһлы лугъэти (Толковый словарь азербайджанского языка, в 4-х томах). Баку, I т.—1966, II т.—1980.
- ТСБЯ — Башкӱрт телененг англатма һӱзлеге (Толковый словарь башкирского языка). Рукопись.
- ТСКЯ² — Къзакъ тилининг тӱсӱндирме сӱздиги (Толковый словарь казахского языка, в 10-ти томах) /Под общей редакцией член-корр. АН Каз. ССР А. И. Искакова. Алматы, I т.—1974, II т.—1976, III т.—1978, IV т.—1979, V т.—1980, VI т.—1982, VII т.—1983.
- ТСТЯ — Татар телененг англатмалы сӱзлеге (Толковый словарь татарского языка, в 3-х томах). Казан, 1977—1981.
- ТСУЯ — Узбек тилининг изохли лугъати (Толковый словарь узбекского языка, в 2-х томах) /Под ред. З. М. Магруфова. М., 1981.
- УРС — Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.

2. Грамматики

- ГЯЯ — Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971.
ГКБЯ — Грамматика карачаево-балкарского языка /Под общей ред. Н. А. Баскакова. Нальчик, 1976.
ГСБЛЯ — Грамматика современного башкирского литературного языка /Ответ. ред. докт. филол. наук. А. А. Юлдашев. М., 1981.
КАТГ — Кыргыз адабий тилинин грамматикасы (Грамматика киргизского литературного языка), I бөлүм. Фонетика жана морфология. Фрунзе, 1980.
СКЯ — Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962.
СРЯ I — Современный русский язык, ч. I. Фонетика, лексика и фразеология. Минск, 1979.
СТЛЯ — Современный татарский литературный язык. М., 1969.

3. Инструкции и руководства

- Инструкция, 1956 — Инструкция для составления «Словаря туркменского языка». Рукопись. Ашхабад, 1956.
Инструкция I, 1964 — Хэзерге татар эдэби телененг англатмалы сйзлеген тэйи инструкциясе (Инструкция для составления толкового словаря современного татарского языка)/Ответ. ред. Л. Т. Махмутова. Казан, 1964.
Инструкция II, 1964 — Эки томдук «Кыргыз тилинин тйшйндйрмй сбздйгйн тйзйй йчин» инструкция (Инструкция для составления «Толкового словаря киргизского языка» в двух томах)/Сост. Э. Абдуллаев, Д. Исаев. Фрунзе, 1964.
Руководство, 1964 — Узбек тилининг изохла лугъатини тузиш учун кзулланма (Руководство для составления толкового словаря узбекского языка). Тошкент, 1964.
Руководство, 1966 — «Башкорт телененг англатма һйзлеген» тэйий осйн кзулланма (Руководство для составления «Толкового словаря башкирского языка»). Офё, 1966.

4. Периодические издания

- ВЯ — Вопросы языкознания.
Изв. АН СССР, ОЛЯ — Известия АН СССР, Отделение литературы и языка.
Изв. АН СССР, Отд. гум. наук — Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МГУ — Московский государственный университет.
ФН — научные доклады высшей школы. Филологические науки.

5. Прочие сокращения

- азерб.* — азербайджанский язык
арх. — архаизм
балк. — балкарский вариант, балкарское
башкир. — башкирский язык
букв. — буквально

<i>в.</i>	— выпуск
<i>дат.-направит.</i>	— дательно-направительный падеж
<i>дет.</i>	— детское слово
<i>диал.</i>	— диалектное слово
<i>др.</i>	— другие
<i>ед.</i>	— единственное (число)
<i>жен. р.</i>	— женского рода
<i>и. д.</i>	— имя действия
<i>ирон.</i>	— ироническое
<i>ист.</i>	— историзм
<i>исх.</i>	— исходный падеж
<i>и т. д.</i>	— и так далее
<i>и т. п.</i>	— и тому подобное
<i>казах.</i>	— казахский язык
<i>кар.</i>	— карачаевский вариант, карачаевское
<i>караим.</i>	— караимский язык
<i>кар.-балк.</i>	— карачаево-балкарский язык
<i>киргиз.</i>	— киргизский язык
<i>кумык.</i>	— кумыкский язык
<i>лит.</i>	— литературный вариант
<i>мест.</i>	— местный падеж
<i>мн.</i>	— многие, множественное (число)
<i>муж.</i>	— мужского рода
<i>обл.</i>	— областное слово
<i>пад.</i>	— падеж
<i>перен.</i>	— переносное значение
<i>пом.</i>	— помета
<i>понуд.</i>	— понудительный залог
<i>прост.</i>	— просторечное слово
<i>проф.</i>	— профессионализм
<i>проч.</i>	— прочие
<i>разг.</i>	— разговорное слово
<i>рел.</i>	— религиозное слово
<i>см.</i>	— смотри
<i>ср.</i>	— сравни
<i>с.-х.</i>	— сельскохозяйственный
<i>страд.</i>	— страдательный залог
<i>татар.</i>	— татарский язык
<i>т. е.</i>	— то есть
<i>турец.</i>	— турецкий язык
<i>туркмен.</i>	— туркменский язык
<i>узбек.</i>	— узбекский язык
<i>уст.</i>	— устаревшее слово
<i>ФЕ</i>	— фразеологическая единица
<i>ц-диал.</i>	— цокающий диалект
<i>ч-диал.</i>	— чокающий диалект

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
СЛОВНИК ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЕ	5
НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА	10
Диалектизмы	—
Историзмы	19
Архаизмы	22
Просторечные слова	28
Окказиональные слова	38
Заемствованная терминология, не вошедшая в литературную норму	47
ПРОИЗВОДНЫЕ ФОРМЫ	57
Регулярные словообразовательные формы	—
Лексикализованные грамматические формы	69
ВАРИАНТЫ СЛОВ	80
Понятие вариантности и ее отношение к синонимии	—
Классификация вариантов слов	82
Фономорфологические варианты слова	84
Орфографические варианты слова	96
Морфологические варианты слова	99
ГРАНИЦЫ И ОБЪЕМ ФРАЗЕОЛОГИИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ	102
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	140
Литература и сокращения	147
Условные сокращения	155

Жамал Магомедович Гузев

**ПРОБЛЕМАТИКА СЛОВНИКА ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ**

Редактор *А. М. Башиев*

Технический редактор *С. А. Мусукаева*

Корректоры: *Л. Т. Юркова, Е. Е. Терушкина*

ИБ № 1196

Сдано в набор 26.12.83. Подписано к печати 22.03.84. Ч01152. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,4. Уч.-изд. л. 9,46. Тираж 1000 экз. Заказ № 9425. Цена 75 коп.

Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. им. адмирала Головки, 6
Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Госкомиздата КБАССР
Нальчик, проспект им. Ленина, 33